УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Памяти доцента Виталия Николаевича Даниленко, в связи с 80-летием со дня рождения.
Часть 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

ISSN 2413-1741

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791
от 18 мая 2015 года.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Технический редактор и переводчик аннотаций на английский язык – **Прохорова Т. А.**

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. ***Непомнящий Андрей Анатольевич*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. ***Манаев Александр Юрьевич*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. ***Герцен Александр Германович*** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. ***Ишин Андрей Вячеславович*** – доктор исторических наук, доцент, кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. ***Латышева Елена Владимировна*** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. ***Науменко Валерий Евгеньевич*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. ***Петрова Элеонора Борисовна*** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. ***Платонова Надежда Игоревна*** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. ***Романько Олег Валентинович*** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. ***Тихонов Игорь Владимирович*** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. ***Тункина Ирина Владимировна*** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. ***Филимонов Сергей Борисович*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. ***Храпунов Игорь Николаевич*** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. ***Щевелев Сергей Стефанович*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать . .2016. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/34.
Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Свободная цена

http://sn-histor.cfuv.ru

Виталий Николаевич Даниленко.
Фото 1960-х гг.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 4–19.

УДК 902/904(1-924.71):929Даниленко

«ХЕРСОНЕССКАЯ ЭРА» ВИТАЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ДАНИЛЕНКО (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»)

Прохорова Т. А.

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
Севастополь, Российская Федерация
E-mail: grejpfrut@mail.ru

К 80-летию со дня рождения выдающегося крымского археолога, специалиста в области античной и средневековой истории Виталия Николаевича Даниленко (1936–2007). С 1959 г. Виталий Николаевич принимал участие в археологическом исследовании Херсонесского городища, был в составе Крымской археологической экспедиции, в 1959–1961 гг. – заведующим раскопками и городищем Херсонесского музея. С его именем связано открытие и изучение надгробных стел Херсонеса – важнейшего источника по истории Херсонеса в эллинистический период.

Ключевые слова: В. Н. Даниленко, археология, археологический музей-заповедник, Херсонес Таврический.

Музей-заповедник «Херсонес Таврический», которому в 2017 г. исполнится 125 лет, сегодня является крупнейшим музеем подобного рода на территории Российской Федерации. Непростой путь длиной в 125 лет от небольшого «Склада местных древностей» до федерального музея-заповедника был сопряжен со множеством трудностей, решать которые приходилось не только директорам, но и рядовым сотрудникам. Именно они своим трудом доказали верность профессии и сумели построить музей, сохранить и приумножить его коллекции – это археологи, сотрудники фондов, научные сотрудники. Вписать свое имя в летопись истории Херсонесского музея довелось и выдающемуся крымскому археологу, специалисту в области античной и средневековой истории Виталию Николаевичу Даниленко. 21 марта 2016 г. ему исполнилось бы 80 лет…

В археологическом исследовании Херсонесского городища Виталий Николаевич принимал участие с 1959 г. будучи в составе Крымской археологической экспедиции. С его именем связано открытие и изучение надгробных стел Херсонеса – важнейшего источника по истории древнего города в эллинистический период. В научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранятся материалы, связанные с научной деятельностью В. Н. Даниленко: негативы с изображениями его находок, фотографии исследователя и экспедиций, участником которых он был, отчеты его раскопок и научные работы. Немногочисленный, но красноречивый комплекс документов свидетельствует о высоком профессионализме и преданности археолога своему делу.

Виталий Николаевич Даниленко (Рис. 1) родился 21 марта 1936 г. в г. Купянске Харьковской области. В 1954 г. поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета имени В. Н. Каразина, в течение всех лет учебы работал в археологических экспедициях на античных памятниках (в Ольвии и Херсонесе), возглавляемых его научным руководителем К. Э. Гриневичем. По окончании университета получил направление на работу в Херсонесский историко-археологический музей и в 1959–1961 гг. возглавлял в музее отдел раскопок (принят на работу приказом 74а от 26 июля 1959 г.) [1]. В 1959 г. Виталий Николаевич был одним из самых молодых сотрудников музея (со стажем музейной работы до 1 года) и числился в списке научных работников как заведующий раскопками городища [2]. Назначение столь молодого специалиста на ответственную должность было связано, как отмечала директор музея И. А. Антонова в письме министру культуры СССР Р. В. Бабийчуку, с ограниченным числом высших учебных заведений, выпускающих археологов-античников. Однако главной причиной, вероятно, все же был высокий уровень подготовки Виталия Николаевича и богатый практический опыт полевых работ, приобретенный в Херсонесе. Вопросам истории этого древнего города он посвятил свои курсовые и дипломную работы, а в дальнейшем – и диссертационную работу [3].

После согласования с Министерством культуры СССР вопроса о принятии В. Н. Даниленко в музей на должность заведующего раскопок городища директор музея И. А. Антонова отправляет декану исторического факультета Харьковского государственного университета запрос для направления Виталия Даниленко на работу в музее [4]. С первых дней работы Виталий Николаевич активно участвовал в музейной жизни. Музей стал для него домом, ведь жить ему также приходилось на территории Херсонеса. В списке сотрудников Херсонесского музея за 1959 г. в графе «домашний адрес» напротив фамилии Даниленко имеется запись: «г. Севастополь, <Херсонесский музей>, д. 1, кв. 8» [5].

В годовом отчете за 1959 г. в хронике научных экспедиций отмечена работа В. Н. Даниленко и О. Я. Савели по зачистке подбойной могилы недалеко от юго-восточной части оборонительных стен Херсонеса на участке некрополя у городского шоссе (Рис. 2). Это был первый самостоятельный опыт раскопок Виталия Николаевича в качестве сотрудника Херсонесского музея. Подбойная могила первых веков н. э. содержала два костяка с погребальным инвентарем (глиняный и стеклянный сосуды, светильники, украшения, монеты). Могила выявлена случайно при посадке дерева и исследована совместными усилиями молодых сотрудников музея [6, 7]. Данный пример показывает, что уже в 50-е гг. XX в. в музее существовала практика проведения мероприятий спасательной археологии с целью охраны памятников.

Участие В. Н. Даниленко в научно-просветительской работе музея была отмечена подготовкой к вождению экскурсий по музею и раскопкам [8]. Не менее важную работу Виталий Николаевич провел и для архивного собрания Херсонесского музея. На протяжении 1959 г. осуществлял работу с каталогами научного архива, систематизировал материалы для археологической карты Крыма на 150 карточках. Таким

образом были проанализированы и обобщены сведения о различных участках на территории Юго-Западного Крыма, богатых археологическими памятниками и представляющих интерес для дальнейших исследований, с целью создания комплексной археологической карты всего Крымского полуострова [9].

В следующем 1960 г. В. Н. Даниленко, как заведующий городищем Херсонеса, планировал совместно с младшим научным сотрудником музея А. Н. Щегловым составить генеральный план Херсонеса, инструментальной проверкой и нанесением на него памятников северного района городища, составить научные карточки на эти памятники, вести систематическое наблюдение за их состоянием и принимать неотложные меры по сохранению разрушающихся памятников городища [10]. Отдельно было предусмотрено участие В. Н. Даниленко в раскопках башни XIV в связи с консервацией юго-восточного участка оборонительных стен Херсонеса под руководством С. Ф. Стржелецкого. Помимо этого, они совместными усилиями планировали исследовать усадьбу клера № 26 [11]. С. Ф. Стржелецкий был наставником В. Н. Даниленко и в деле консервации и реставрации памятников городища: башни XVII, 1-й и 20-й куртин оборонительных стен, башен I и Ia, башни XIV [12]. Не оставался Виталий Николаевич в стороне и от издательской деятельности музея: им была заявлена тема статьи для публикации во втором выпуске «Сообщений Херсонесского музея» под названием «Погребение III в. н. э.» [13].

Неотъемлемой частью планирования работы в 60-е гг. было взятие сотрудниками музея на себя социалистического обязательства. В. Н. Даниленко был в числе тех, кто поддержал инициативу по углублению и расширению научных исследований, а также по активному участию музея в культурно-просветительской работе города. В связи с этим в плане работ на 1960 г. им было предусмотрено привести в порядок раскопанные памятники на территории городища и систематически поддерживать этот порядок, подготовить лекцию «История Херсонеса и его раскопки», организовать краеведческие музеи-комнаты историко-археологического профиля в сельских районах Крыма [14].

В течение 1960 г. он принимал участие в совещаниях ученого совета Херсонесского музея. В отчете, составленном по итогам года, отмечено, что «количество памятников городища, подлежащих экскурсионному осмотру за счет экспедиций музея, Уральского университета и Государственного исторического музея, значительно увеличено». На городище появились аннотации, «номерные и маршрутные указатели», проведены большие работы по укреплению памятников на юго-восточном участке оборонительных стен города, проделаны консервационные и охранные мероприятия. Работы аварийного и консервационного характера проводились и на других участках городища, более 500 раскопанных памятников поддерживались в экспозиционном виде. Все это, несомненно, заслуга отдела раскопок и его заведующего В. Н. Даниленко. В сложнейших условиях нехватки кадров и финансирования (на городище работал всего один смотритель!) благодаря организованным ежемесячным контролю, наблюдению и поддержанию предусмотренные планом работы были выполнены [15].

Важнейшим итогом работы в 1960 и следующем, 1961 г. были проведенные совместно с С. Ф. Стржелецким исследования и реставрация херсонесских крепостных стен. Тогда внутри крупнейшей оборонительной башни (башни Зенона) были обнаружены сотни расписных надгробий IV–III вв. до н. э. (Рис. 3, 4, 5). Археологам удалось выяснить, что за облицовкой башни был скрыт второй ряд кладки, служивший укреплением наружной облицовки. Сложная военная обстановка, сложившаяся в Крыму на момент строительства башни – во II в. до н. э., вынудила жителей города использовать любой подручный материал, в том числе сооружения мемориального характера и надгробные стелы. Эти уникальные материалы позволили по-новому поставить некоторые вопросы истории Херсонеса эллинистического времени и существенно обогатили знания ученых о технике древнегреческой живописи. Все это стало темой статей и выступлений на конференциях. В апреле 1961 г. Виталий Николаевич Даниленко принимал участие в итоговом пленуме Института археологии и сессии отделения исторических наук АН СССР в Москве с докладом на тему «Полихромные стелы из ядра башни Зенона» [16]. В дальнейшем результаты исследовательской работы вылились в написание кандидатской диссертации В. Н. Даниленко «Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник», защищенной в 1967 г. в Харьковском университете [17].

В отчете за первое полугодие 1961 г. заведующий городищем и раскопками В. Н. Даниленко отмечал, что возглавляемый им отдел сталкивался с колоссальными трудностями в работе. Главной проблемой в работе его отдела являлось отсутствие рабочей силы. Раскопки башни Зенона, открывшие в забутовке и внутреннем кольце башни надгробные памятники IV–III вв. до н. э., имевшие в большинстве случаев надписи и многоцветную раскраску, украшенные росписью и резьбой, подлежали изъятию, реставрации, изучению, а сама башня – консервации. Основной рабочей силой были «административно осужденные лица», не отвечавшие за качество работ. Но даже в этих условиях Виталию Николаевичу удалось извлечь из раскопа более 200 памятников в течение одного 1961 г. Благодаря этому найденные «впервые за историю раскопок Северного Причерноморья фрагменты живописи на камне, относящиеся к эпохе эллинизма» и имеющие «большое значение для изучения истории искусства и архитектуры» были включены в музейное собрание и по сей день являются одной из наиболее ярких коллекций, имеющей неоспоримое художественное и историко-культурное значение [18].

За короткое время работы в Херсонесском музее Виталий Николаевич участвовал и в пополнении библиотечного фонда. В апреле 1961 г. он совместно с С. Ф. Стржелецким был направлен в научную командировку в г. Ленинград для отбора и организации отправки специальной литературы из запасных фондов библиотек Эрмитажа и Академии наук – 37 книг из библиотеки Государственного Эрмитажа и более четырех тысяч книг от библиотеки Академии наук. В их числе – монографии общего исторического профиля, узкоспециальные книги и исследования, некоторые из них признаны библиографической редкостью [19].

Важнейшим направлением деятельности Херсонесского музея была научно-просветительская работа. В планах у В. Н. Даниленко было организовать выставку в домике виноградаря совхоза «Золотая балка», посвященную виноградарству и виноделию Крыма в античное время, а в дальнейшем на ее базе создать музей [20].

В 1961 г. Виталий Николаевич поступает в аспирантуру на кафедру всеобщей истории Уральского университета (Свердловск – Екатеринбург), в связи с чем с 1 октября 1961 г. освобождается от занимаемой должности заведующего городищем [21; 22]. В 1963 г. избирается на должность ассистента кафедры и становится сначала активнейшим участником, а затем и руководителем самой крупной в те времена археологической экспедиции в Херсонесе – Крымской экспедиции Уральского университета. Экспедиция была организована кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского университета в 1958 г. В 60-х гг. Объединенной экспедицией Херсонесского музея, Уральского, Харьковского и Пермского университетов (Рис. 6) проводились широкомасштабные раскопки в трех районах: на позднеантичном могильнике в Инкермане, в северо-западном районе Херсонесского городища и на юго-восточном участке Херсонеса. В экспедиции принимали участие ведущие специалисты в области античной и средневековой истории: С. Ф. Стржелецкий, Е. Г. Суров, В. В. Кучма, В. И. Кадеев, В. Т. Сиротенко, И. А. Антонова, Р. Н. Токарева, Л. Г. Колесникова. В их числе был Виталий Николаевич, на его долю выпали работы в северо-западной части квартала в портовом районе Херсонесского городища [23].

Виталий Николаевич продолжал раскопки сложной в археологическом отношении северо-западной части квартала в портовом районе Херсонеса, начатые в 1963 г. И. А. Антоновой, с учетом помещений, раскопанных в 1899 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Уже первый год работы объединенной экспедиции дал интересные результаты. Сохранность усадеб была неудовлетворительной, поскольку частично помещения были повреждены фундаментом монастырской ограды, траншеей для кабеля и ямами для столбов [24]. Усилиями объединенной экспедиции в этом районе было раскопано 18 помещений, большая часть которых относилась к двум средневековым усадьбам с четкой планировкой. На участке обнаружен обильный керамический материал (многочисленные фрагменты амфорной тары, различные виды кухонной и столовой посуды, среди которых наиболее примечательны кувшины, чашки, миски и блюда с росписью и покрытые желтоватой или прозрачной поливой), строительные материалы.

Был раскопан двор усадьбы (пом. 37) и три помещения (38, 39 и 40) с интересными находками: черепица, амфоры, пифосы, набор поливной посуды (интересна глубокая белоглиняная чаша с отогнутым наружу краем, рисунок в виде птицы (?) выполнен кобальтом, покрыта бесцветной поливой, в одном из помещений был обнаружен водосток [вдоль юго-западной стены пом. 40]).

Раскопки второй усадьбы (пом. 36а, 36б, 36в, 36г, 41) позволили определить, что этот жилой комплекс погиб во время пожара, поэтому богат в археологическом отношении вещами, сделанными из негорючих материалов [25]. Особый интерес представляет поливная посуда: блюдо с орнаментом в виде волны с фигурой человека

влево (из пом. 36а [26]), блюдо с изображением змееборца [27] (Рис. 7), блюдо с изображением грифона, терзающего лань [28], фрагмент блюда с изображением геральдических львов (все три – из помещения 36в). Сохранность данной усадьбы предоставила возможность исследователю установить назначение каждого помещения, перестройки в процессе жизни дома, его внешний вид и говорить о возможности полной реконструкции плана постройки [29].

Остатки усадеб, открытые в ходе раскопок, позволили реконструировать внешний облик городского дома жителя позднесредневекового Херсона. Гибель усадеб исследователь отнес ко времени не ранее конца XIV в. Эти раскопки дали пищу для новых, уже средневековых штудий, результатом которых стала серия статей, посвященных изучению отдельных групп археологического материала, а также более общих вопросов – истории торговли, ремесла, быта и культуры средневекового города.

В следующем, 1965 г. работы на данном участке продолжались: В. И. Кадеев руководил подводными исследованиями в портовой части, О. Я. Савеля производил разведки у «причалов» средневекового Херсона, И. А. Антонова продолжала исследования портовой линии обороны средневекового города, а В. Н. Даниленко продолжил археологическое изучение северо-западной части портового квартала [30; 31; 32]. В этом году археологу предстояло завершить изучение открытого слоя во всех помещениях и обобщить итоги жизни данного участка в позднесредневековое время (конец XIV – начало XV в.). Черепица, кирпичи, амфоры, пифосы, кухонная и столовая посуда, белоглиняная и красноглиняная поливная керамика, накладные пластинки из слоновой кости (Рис. 8), бронзовые предметы (ключ на кольце, печать [Рис. 9]) – вот группы основных находок в северо-западной части квартала [33; 34; 35; 36].

В 1966 г. – в четвертый год раскопок в портовом районе Херсонеса – археологические работы были сосредоточены в части, прилегающей к 16 и 17 куртинам оборонительной линии города. Работа отрядов экспедиции во главе с В. Н. Даниленко, В. И. Кадеевым, В. В. Кучмой, И. А. Антоновой была продолжена в северо-западной, юго-восточной, центральной частях квартала и возле оборонительных сооруже- ний порта [37]. Основной задачей В. Н. Даниленко было «выровнять» исследование слоев на участке – в помещениях 35, 37, 63 и 64, где на один-два слоя было снято меньше, нежели в других помещениях [38; 39; 40].

Результаты работы объединенной экспедиции имели огромное значение и в методологическом отношении. Целью раскопок было изучить стратиграфию Херсонеса и разработать методику полевого исследования памятника. И в этом отношении район исследований В. Н. Даниленко давал благоприятную почву как район с наиболее значительным культурным слоем.

В 1967 г. Виталий Николаевич заканчивает работу над кандидатской диссертацией «Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник», защищенной впоследствии в Харьковском университете. Автор проанализировал большую группу надгробных памятников, найденных при раскопках оборонительных сооружений Херсонеса Таврического, а именно центрального ядра башни Зенона, – расписные

стелы IV–III вв. до н. э., провел их научную атрибутацию и классификацию. Соискателю удалось точно интерпретировать памятники и «вписать» их в историю эллинистического Херсонеса.

В 1969 г. Виталий Николаевич возвращается в Крым (Рис. 10). В 1969–1971 гг. он – младший научный сотрудник, в 1985–1988 гг. – заведующий, в 1988–1991 гг. – старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии АН УССР. В 1992–1995 гг. – заведующий отделом, в 1995–1997 гг. – старший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения АН Украины. С 1971 по 1976 гг. В. Н. Даниленко – доцент кафедры истории Украины, с 1976 по 2003 гг. – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе (ныне – Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского). В 1972–1974 гг. занимает должность заместителя декана, в 1974–1977 гг. – декана исторического факультета. В 1999–2003 гг. возглавляет Научно-исследовательский центр «крымоведения» (Реском по охране культурного наследия при Совмине АРК).

В эти годы он продолжал работу в археологических экспедициях, проводившихся в Херсонесе, в округе Севастополя, на Мангупе, Сюрени, в Старом Крыму, Большой Ялте, сотрудничал с иностранными археологами: принимал участие в совместной экспедиции Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (тогда – Национального заповедника «Херсонес Таврический») и Техасского университета на хоре Херсонеса [41], в экспедиции Лодзинского университета на готских памятниках в районе г. Гданьска. В сферу его научных интересов вошли новые темы: «пещерные города» Крыма, история изучения Тавриды в конце XVIII–XIX в., охрана памятников истории и культуры.

Годы, проведенные В. Н. Даниленко в Херсонесском музее сначала в должности заведующего городищем и раскопками, затем – в составе экспедиций, дополняют его научные работы, посвященные в том числе вопросам истории Херсонеса. На счету кандидата исторических наук Виталия Николаевича Даниленко значится около восьми десятков научных, научно-популярных и научно-методических работ, среди них – статьи, тезисы докладов, научные и научно-популярные книги, написанные единолично либо в соавторстве [42, с. 11–13]. Виталий Николаевич завоевал авторитет блестящего специалиста в области античной и средневековой истории Крыма, имел разнообразные научные интересы, был талантливым педагогом и неподражаемым лектором.

Любовь и преданность профессии не могли остаться незамеченными его коллегами. В характеристике, написанной на В. Н. Даниленко директором Херсонесского музея И. А. Антоновой, отмечено: «За время работы в музее проявил себя дисциплинированным, организованным и добросовестным работником, вдумчиво и увлеченно занимающийся научной работой. Участие в археологических экспедициях в Ольвии, в раскопках на клерах Гераклейского полуострова и работах по доследованию оборонительных стен Херсонеса дало В. Н. Даниленко хорошую полеву<ю> подготовку, знание методики раскопок и способность хорошо разбираться в смежной стратигра-

фии памятников. Это дало возможность музею дважды назначать его начальником отряда важнейшей экспедиции, поручая самостоятельное ведение работ» [43]. Зарекомендовав себя высококвалифицированным специалистом, В. Н. Даниленко еще не раз возвращался в Херсонес для того, чтобы в очередной раз окунуться в тайны херсонесской археологии.

Широкие научные связи с учеными со всей России и по всему миру сделали его востребованным специалистом, его научные работы сохраняют актуальность и по сей день. Ему довелось работать с такими известными историками и археологами, как К. Э. Гриневич, Е. Г. Суров, А. И. Романчук, В. И. Кадеев, И. А. Антонова, В. Л. Мыц, Э. И. Соломоник, А. А. Зедгенидзе. Но самым преданным хранителем памяти о нем остается его верный друг, коллега и любящая жена Элеонора Борисовна Петрова. Добрую память о нем хранят и ученики Виталия Николаевича, ведь он воспитал не одно поколение крымских археологов, которые всегда будут благодарны своему Учителю и Другу.

Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» выражает благодарность профессору Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского, доктору исторических наук Э. Б. Петровой за помощь в написании исторической справки о жизни и деятельности В. Н. Даниленко, а также за то, что дело, начатое им, продолжается и память о нем жива.

Список использованных источников и литературы

1. Приказы по музею. 1 января 1959 г. – 31 декабря 1959 г. // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический (далее – НА ГМЗ ХТ). Ф. 1. Д. 1070. Л. 91.

Prikazy po muzeyu. 1 yanvarya 1959 g. – 31 dekabrya 1959 g. // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy (dalee – NA GMZ KhT). F. 1. D. 1070. L. 91.

2. Материалы по личному составу (списки, справки, характеристики, переписка) // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1083. Л. 2.

Materialy po lichnomu sostavu (spiski, spravki, kharakteristiki, perepiska) // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1083. L. 2.

3. Там же. Л. 9.

Tam zhe. L. 9.

4. Там же. Л. 15.

Tam zhe. L. 15.

5. Там же. Л. 58.

Tam zhe. L. 58.

6. Годовой отчет о работе музея и отчеты о научных командировках за 1959 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1073. Л. 10.

Godovoy otchet o rabote muzeya i otchety o nauchnykh komandirovkakh za 1959 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1073. L. 10.

7. Даниленко В. Н. Отчет о раскопках подбойной могилы у шоссе в музей / В. Н. Даниленко, О. Я. Савеля // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 776.

Danilenko V. N. Otchet o raskopkakh podboynoy mogily u shosse v muzey / V. N. Danilenko, O. Ya. Savelya // NA GMZ KhT. F. 1. D. 776.

8. Годовой отчет о работе музея и отчеты о научных командировках за 1959 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1073. Л. 16.

Godovoy otchet o rabote muzeya i otchety o nauchnykh komandirovkakh za 1959 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1073. L. 16.

9. Там же. Л. 21.

Tam zhe. L. 21.

10. Планы работы музея на 1960 г. и планы научных командировок, соцобязательство и мероприятия по подготовке к приему туристов // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1087. Л. 2–3.

Plany raboty muzeya na 1960 g. i plany nauchnykh komandirovok, sotsobyazatel'stvo i meropriyatiya po podgotovke k priemu turistov // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1087. L. 2–3.

11. Там же. Л. 5–6.

Tam zhe. L. 5–6.

12. Там же. Л. 14.

Tam zhe. L. 14.

13. Там же. Л. 8.

Tam zhe. L. 8.

14. Там же. Л. 17–18.

Tam zhe. L. 17–18.

15. Отчет о работе музея за 1960 г. и отчеты о научных командировках // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1088. Л. 3.

Otchet o rabote muzeya za 1960 g. i otchety o nauchnykh komandirovkakh // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1088. L. 3.

16. Отчеты о работе музея за 1960 г. и решение Совета Управления культуры по итогам работы // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1103. Л. 2.

Otchety o rabote muzeya za 1960 g. i reshenie Soveta Upravleniya kul'tury po itogam raboty // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1103. L. 2.

17. Даниленко В. Н. Стелы эллинистического Херсонеса, как исторический источник : Диссертация (рукопись) / В. Н. Даниленко // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1456. Л. 1–171.

Danilenko V. N. Stely ellinisticheskogo Khersonesa, kak istoricheskiy istochnik : Dissertatsiya (rukopis') / V. N. Danilenko // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1456. L. 1–171.

18. Отчеты о работе музея за 1960 г. и решение Совета Управления культуры по итогам работы // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1103. Л. 6–7.

Otchety o rabote muzeya za 1960 g. i reshenie Soveta Upravleniya kul'tury po itogam raboty // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1103. L. 6–7.

19. Там же. Л. 10–14.

Tam zhe. L. 10–14.

20. Протоколы совещаний научных сотрудников музея. 1961 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1105. Л. 16.

Protokoly soveshchaniy nauchnykh sotrudnikov muzeya. 1961 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1105. L. 16.

21. Приказы по музею. 1961 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1101. Л. 143.

Prikazy po muzeyu. 1961 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1101. L. 143.

22. Протоколы совещаний научных сотрудников музея. 1961 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1105. Л. 35.

Protokoly soveshchaniy nauchnykh sotrudnikov muzeya. 1961 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1105. L. 35.

23. Отчет о раскопках в Херсонесе. 1964 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1. Л. 1–412.

Otchet o raskopkakh v Khersonese. 1964 g. // NA GMZ KhT. F.1. D. 1160/1. L. 1–412.

24. Там же. Л. 8.

Tam zhe. L. 8.

25. Там же. Л. 16.

Tam zhe. L. 16.

26. Поливное блюдо с врезным орнаментом, изображающим воина в рост, собаку (?) и змею (из пом. 36 а) // НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 12307.

Polivnoe blyudo s vreznym ornamentom, izobrazhayushchim voina v rost, sobaku (?) i zmeyu (iz pom. 36 a) // NA GMZ KhT. F. 3. Neg. 12307.

27. Поливное блюдо с врезным орнаментом, изображающим змееборца (из пом. 36 в) // Там же. Нег. 12310.

Polivnoe blyudo s vreznym ornamentom, izobrazhayushchim zmeebortsa (iz pom. 36 v) // Tam zhe. Neg. 12310.

28. Поливное блюдо с врезным орнаментом, изображения – птица и грифон (из пом. 36 в, слой 3) // Там же. Нег. 12311.

Polivnoe blyudo s vreznym ornamentom, izobrazheniya – ptitsa i grifon (iz pom. 36 v, sloy 3) // Tam zhe. Neg. 12311.

29. Отчет объединенной экспедиции о раскопках в Херсонесе. 1965 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1189. Л. 89.

Otchet ob»edinennoy ekspeditsii o raskopkakh v Khersonese. 1965 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1189. L. 89.

30. Там же. Л. 88–95.

Tam zhe. L. 88–95.

31. Генеральный план портового района. Раскоп 1965 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 15380.

General'nyy plan portovogo rayona. Raskop 1965 g. // NA GMZ KhT. F. 3. Neg. 15380.

32. Участники раскопок 1965 г. Студенты Свердловского, Харьковского университетов и Херсонесского музея. В центре – В. Н. Даниленко, И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий // Там же. Нег. 13081.

Uchastniki raskopok 1965 g. Studenty Sverdlovskogo, Khar'kovskogo universitetov i Khersonesskogo muzeya. V tsentre – V. N. Danilenko, I. A. Antonova, S. F. Strzheletskiy // Tam zhe. Neg. 13081.

33. Ключ бронзовый, или печать (?) геральдическая с изображением птиц по сторонам // Там же. Нег. 13077.

Klyuch bronzovyy, ili pechat' (?) geral'dicheskaya s izobrazheniem ptits po storonam // Tam zhe. Neg. 13077.

34. Обломки шкатулки у входа в пом. 36 в // Там же, нег. 12987/1–4.

Oblomki shkatulki u vkhoda v pom. 36 v // Tam zhe. Neg. 12987/1–4.

35. Резные накладные пластины от шкатулки, найденные на 15-й поперечной улице возле пом. 36, слой 2 // Там же. Нег. 12291/1–2.

Reznye nakladnye plastiny ot shkatulki, naydennye na 15-y poperechnoy ulitse vozle pom. 36, sloy 2 // Tam zhe. Neg. 12291/1–2.

36. Костяные пластинки от шкатулки, найденной на 15-й поперечной улице у пом. 36 // Там же. Нег. 12292/1–3.

Kostyanye plastinki ot shkatulki, naydennoy na 15-y poperechnoy ulitse u pom. 36 // Tam zhe. Neg. 12292/1–3.

37. Отчет о раскопках портового района и оборонительных сооружений Херсонеса в 1966 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 1606. Л. 2.

Otchet o raskopkakh portovogo rayona i oboronitel'nykh sooruzheniy Khersonesa v 1966 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1606. L. 2.

38. Там же. Л. 6–16.

Tam zhe. L. 6–16.

39. Помещение 63 в портовом районе, раскопки 5-го слоя // НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 13525/32–33.

Pomeshchenie 63 v portovom rayone, raskopki 5-go sloya // NA GMZ KhT. F. 3. Neg. 13525/32–33.

40. Помещение 37 в портовом районе Херсонеса, в центре выбрана засыпь ямы, вид с севера // Там же. Нег. 13525/28–29.

Pomeshchenie 37 v portovom rayone Khersonesa, v tsentre vybrana zasyp' yamy, vid s severa // Tam zhe. Neg. 13525/28–29.

41. Петровский В. А. Отчет о раскопках укрепленного комплекса в балке Бермана в 1990 г. / В. А. Петровский, В. Н. Даниленко // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3017–3020.

Petrovskiy V.A. Otchet o raskopkakh ukreplennogo kompleksa v balke Bermana v 1990 g. / V.A. Petrovskiy, V. N. Danilenko // NA GMZ KhT. F. 1. D. 3017–3020.

42. Список научных, научно-популярных и научно-методических работ кандидата исторических наук, доцента Виталия Николаевича // Херсонесский колокол : сб. науч. ст., посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко / Под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 432 с.

Spisok nauchnykh, nauchno-populyarnykh i nauchno-metodicheskikh rabot kandidata istoricheskikh nauk, dotsenta Vitaliya Nikolaevicha // Khersonesskiy kolokol : sb. nauch. st., posvyashchennyy 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti Vitaliya Nikolaevicha Danilenko / Pod red. E.B. Petrovoy. – Simferopol' : SONAT, 2008. – 432 s.

43. Протоколы совещаний научных сотрудников музея. 1961 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1105. Л. 29.

Protokoly soveshchaniy nauchnykh sotrudnikov muzeya. 1961 g. // NA GMZ KhT. F. 1. D. 1105. L. 29.

Prokhorova T. A. «The Chersonese era» Vitaliy N. Danilenko (the life and work of V. N. Danilenko in Chersonesos on archival materials from the scientific archive of the Museum-reserve) / T. A. Prokhorova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 4–19.

For the 80th anniversary of the birth of the great Crimean archaeologist, specialist in ancient and medieval history Vitaly N. Danilenko (1936–2007). Since 1959, Vitaly Danilenko participated in the archaeological study of the ancient sity Chersonesos, taking participation in the Crimean archaeological expedition in 1959–1961. He headed the department of excavations in the Chersonese Museum. His name is associated with the discovery and study of funerary steles of the Chersonese as an important source for the history of Chersonesos in the Hellenistic period.

Keywords: V. N. Danilenko, archaeology, archeological Museum-reserve Chersonese.

Рис.1: В. Н. Даниленко (1936–2007). Фото 1976 г. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Д. 4270/II. № 37; Ф. 2. Нег. 14281/2.

Рис. 2. Группа молодых сотрудников Херсонесского музея (слева направо): Д. Ю. Савеля, А. А. Зедгенидзе, В. Н. Даниленко. Стоит О. Я. Савеля. 1979 г. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Д. 4270/II. № 64.

Рис. 3. В. Н. Даниленко (слева) и П. Н. Шульц (справа). Фото 1960-х гг. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. № 13868/18.

Рис. 4. Башня XVII. Фрагменты архитектурных деталей и надгробных памятников, обнаруженных внутри башни. Съемка А. М. Михайловой и С. Ф. Стржелецкого. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 13857/20.

Рис. 5. Башня XVII. Фрагменты архитектурных деталей и надгробных памятников, обнаруженных внутри башни. Съемка А. М. Михайловой и С. Ф. Стржелецкого. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. НА ГМЗ ХТ. Нег. 13857/8.

Рис. 6. Участники раскопок 1967 г. Объединенная экспедиция Херсонесского музея, Уральского и Саратовского университетов. Второй слева в третьем ряду – В. Н. Даниленко. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 14281/2.

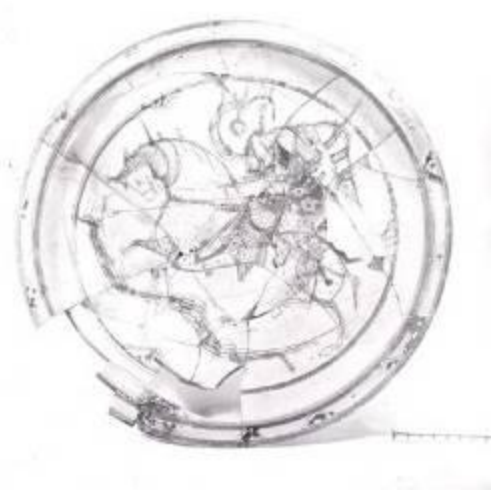


Рис. 7. Блюдо с изображением змееборца. Из раскопок усадьбы в портовом районе В. Н. Даниленко. НА ГМЗ ХТ. Негатив № 12310.

Рис. 8. Накладные резные пластинки слоновой кости от шкатулки X–XI вв. из слоя в третьей подошве 15-й улицы у входа в пом. 36в. После первоначальной консервации (реставрационные работы проводила А. А. Ионова). НА ГМЗ ХТ. Нег. 12292/2.

Рис. 9. Ключ бронзовый на кольце и бронзовая печать (?) с геральдическим изображением птиц по сторонам креста. НА ГМЗ ХТ. Негатив № 13077.

Рис. 10. Совместная археологическая экспедиция Уральского государственного, Саратовского государственного университетов и Херсонесского музея в портовом районе Херсонеса. Крайний справа во втором ряду – Виталий Николаевич Даниленко (стоит). Конец 60-х гг. XX в. НА ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. 14282.

СПИСОК
научных и научно-популярных работ
кандидата исторических наук, доцента
ВИТАЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ДАНИЛЕНКО

1958 г.

1. К вопросу о пункте 11 херсонесской присяги // Тез. докл. на итоговой студенческой науч. конф. Харьковского университета. Харьков: Изд. ХГУ, 1958. С. 42–43.

1960 г.

2. Из истории экономики эллинистического Херсонеса // Сб. студенческих докл. на V Всероссийск. археологической конф. М.: Изд. МГУ, 1960. С. 37–44.

1961 г.

3. Позднеантичное погребение // Сообщения Херсонесского музея. Симферополь, 1961. Вып. 2. С. 57–62.

4. Полихромные стелы их ядра башни XVII // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции сессии отделения исторических наук и пленуме ИА АН СССР, посв. результатам полевых археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 13–14.

1963 г.

5. Опыт реконструкции херсонесского надгробия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1963. Вып. 2. С. 14–23.

1965 г.

6. Херсонесские акротерии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1965. Вып. 3. С. 173–183.

1966 г.

7. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического: 1958–1964 // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1966. № 143. С. 70–80.

8. Просопография Херсонеса IV – II вв. до н. э.: по эпиграфическим данным Северного Причерноморья // Античная древность и средние века. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 136–178.

1968 г.

9. Изучение истории древнего мира в Уральском гос. университете // Вестник древней истории. М., 1968. № 2. С. 206–212 (Соавт.: Белова Н. Н., Суров Е. Г.).

10. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник: автореф. … дис. канд. ист. наук. Харьков, 1968. 17 с.

1969 г.

11. Надгробные стелы // Сообщения Херсонесского музея. Симферополь, 1969. Вып. 4. С. 29–44.

12. Поливная керамика Мангупа // Античная древность и средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 116–138 (Соавт.: Романчук А. И.).

1970 г.

13. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археологические открытия 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 282–283 (Соавт.: Кадеев В. И., Романчук А. И.).

14. С. Ф. Стржелецкий // Советская археология. М., 1970. № 4. С. 320–321.

1971 г.

15. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наукова думка, 1971. Вып. 3. С. 253–256 (Соавт.: Кадеев В. И.).

16. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археологически открытия 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 262–263 (Соавт.: Романчук А. И.).

17. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. / Авторы-сост.: Антонова И. А., Даниленко В. Н., Кадеев В. И. и др. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 7–61.

18. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 7–61, 81–101 (Соавт.: Антонова И. А., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.).

1972 г.

19. [Рец. на сб.] Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. 215 с. // Советская археология. М., 1972. № 2. С. 228–231. (Соавт.: Антонова И. А.).

1974 г.

20. Башня Зенона. Симферополь: Таврия, 1974. 78 с., ил. (Соавт.: Токарева Р. Н.)

21. Работы Мангупского отряда // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 255 (Соавт.: Веймарн Е. В., Герцен А. Г.).

1976 г.

22. Исследования Мангупа // Археологические открытия 1975 г. М.: Наука, 1976. С .314 (Соавт.: Воронин Ю. С., Герцен А. Г.).

1977 г.

23. Раскопки усадьбы античного земельного надела 26 на Гераклейском полуострове // Археологические открытия 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 298– 29 (Соавт.: Зедгенидзе А. А.).

1978 г.

24. К вопросу о классификации краснолаковой керамики // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1878. С. 84–85.

1979 г.

25. Работы в Бахчисарайском районе // Археологические открытия 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 313–315 (Соавт.: Воронин Ю. С., Кутайсов В. А., Михайловский Е. В., Мыц В. Л., Петрова Э. Б.).

1988 г.

28. Жилые дома Херсонеса XIII–XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 60–67.

29. Периодизация археологических исследований Крыма в дореволюционный период // Тез. докл. Крымск. науч. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 286–287.

30. Херсонесские саркофаги // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: тез. докл. Севастополь, 1988. С. 31–33.

1989 г.

31. Крымская научная конференция «Проблемы античной культуры» (Симферополь, 19–24 сент. 1988 г.) // Вестник древней истории. М., 1989. № 4. С. 192–197 (Соавт.: Керасиди Н. Х., Соломоник Э. И.).

32. Кримська наукова конференція // Археологія. Киев, 1989. № 3. С. 150–154 (Соавт.: Соломоник Э. И.).

1991 г.

33. Из истории прикладного искусства средневекового Херсонеса // Византийская Таврика: к XVIII конгрессу византинистов. Киев: Наукова думка, 1991. С. 46–64.

34. Херсонес и тавры Гераклейского полуострова // Тез. докл. науч. конф. «Проблемы истории Крыма». Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 40–41.

1992 г.

35. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 169–182 (Соавт.: Воронин Ю. С.).

1993 г.

36. Интеллектуальный потенциал Крыма в XIX – начале XX в. // Культура Крыма на рубеже эпох (XIX – XX вв.): мат. респ. науч. конф. Симферополь, 1993. С. 83–86.

37. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 1993. С. 78–108, 349–367.

38. Херсонес и тавры Гераклейского полуострова // Материалы по археологии. истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 233–239.

1994 г.

39. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма: сб. науч. тр. Симферополь: Таврия, 1994. С. 127–145, 352–353.

40. О первом музее на юге России // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М.: изд. РАН, 1994. С. 8–19.

41. П. И. Кеппен – исследователь памятников византийского искусства // Академик П. И. Кеппен: мат. науч. конф. Феодосия, 1994. С. 19–21.

1995 г.

42. От кладоискательства – к археологическим раскопкам // Клио. Симферополь, 1995. № 1–4. С. 9–12 (Соавт.: Антонова И. А.).

43. Пещерные монастыри Крыма // Тур экспресс. Симферополь, 1995. № 9. Декабрь. С. 14–15.

1996 г.

44. Белоглиняная поливная керамика Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 135–145.

45. Монастырь Чильтер-коба // Терра Таврика. Симферополь, 1996. № 1 (10). Январь. С. 14–15.

46. Скромный энтузиаст археологии: П. Дюбрюкс // Клио. Симферополь, 1996. № 1–4. С. 11–14.

47. Труды и дни монастыря Чильтер-коба // Терра Таврика. Симферополь, 1996. № 2 (11). Февраль. С. 15.

48. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // Херсонесский сборник. Севастополь, 1996. Вып. 7. С. 61–69.

1997 г.

49. «Дома сидела, шерсть пряла…»: К истории женской эмансипации, корнями уходящей в глубь веков // Крымское время. Симферополь, 1997. 6 марта. С. 7 (Соавт.: Петрова Э. Б.).

50. Еще раз о таврах, или заметки к новой «гипотезе» // Крымское время. Симферополь, 1997. 13 августа. С. 15 (Соавт.: Баранов И. А.).

51. Миссия академика Келера // Клио. Симферополь, 1997. № 1–2. С. 3–5.

1998 г.

52. Владимир Измайлов едет на Юг // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 4. С. 61–65.

53. Генерал крымской археологии: А. Л. Бертье-Делагард // Клио. Симферополь, 1998. № 1–4 (4). С. 3–6.

1999 г.

54. «Крепостью тела победили…»: спорт в древнегреческих городах Крыма // Крымский альбом 1999. Феодосия; Москва: ИД «Коктебель», 1999. С. 74–83. (Соавт.: Петрова Э. Б.).

2000 г.

55. Греки в истории Крыма: античный период // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 3–14 (Соавт.: Петрова Э. Б., Соломоник Э. И.).

56–62. Александр. Алексей. Анна. Зоил. Иоанн Готский. Константин Готский. Патиниоти // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 108–110, 113, 154–155, 158–159, 180–181, 218.

63. Знаменитые немцы в истории Крыма // Немцы в Крыму. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 142–144.

64. О начальном периоде изучения Крыма // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице: мат. междунар. конф. Керчь, 2000. С. 156–163 (Соавт.: Даниленко А. В.).

65. Петр Иванович Кеппен // Немцы в Крыму. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 151–159.

66. Петр Симон Паллас // Немцы в Крыму. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 144–151.

67. Частная инициатива и меценатство // Пилигримы Крыма: осень'99. Симферополь: Крымский архив, 2000. Т. 2. С. 112–119.

2002 г.

68. Между Византией и Русью: Херсонес Таврический и принятие христианства Древней Русью // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 36. Декабрь. С. 211–215 (Соавт.: Петрова Э. Б.).

2003 г.

69. Херсонес Таврический: стелы и башня Зенона // ΝΕΟΣ ΠΟΝΤΟΣ. Симферополь, 2003. С. 9, 13.

2004 г.

70–71. Византийский Херсон. Таврика и Древняя Русь // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь: ЛИРа, 2004. С. 183–197, 199–204.

72. Херсонес Таврический // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь: ЛИРа, 2004. С. 103–118 (Соавт.: Петрова Э. Б.).

2005 г.

73–75. Херсонес Таврический. Херсонес (Херсон) средневековый. Таврика и Древняя Русь // История Крыма с древнейших времен до наших дней. Симферополь: Атлас-компакт, 2005. С. 61–71, 95–102, 103–109.

2006 г.

76–78. Херсонес Таврический. Херсонес (Херсон) средневековый. Таврика и Древняя Русь // История Крыма с древнейших времен до наших дней. / 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Атлас-компакт, 2006. С. 68–80, 120–133.

2008 г.

79. В стране героев и богов: античные крылатые слова и выражения от альфы до омеги. Симферополь: СОНАТ, 2008. 624 с., ил. (Соавт.: Петрова Э. Б.).

80. К 180-летию постановления «об ограждении от разрушения» памятников Тавриды // Херсонесский колокол: посвящается 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 389–390.

2016 г.

81. Археологические исследования Сюйреньского укрепления в Горном Крыму (раскоп II) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 39–48.

82. Интерполяционный подход к классификации амфор на основе исследования форм их внешних образующих // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 49–58 (Соавт.: Петров И. Б.).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 26–38.

УДК 902.2.351-835 (477.75)

ВСПОМИНАЯ ВИТАЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ДАНИЛЕНКО («СТРАНА “ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ”»: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ ЮНЕСКО)[1]

Герцен А. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: gertsenag@yandex.ru

Статья посвящена незавершенному проекту ЮНЕСКО, направленному на создание номинации, включающей «пещерные города» Юго-Западного Крыма. В процессе работы над проектом представлена концепция изучения и сохранения этих важных историко-культурных комплексов в соответствии с динамикой их хозяйственного и этнополитического развития, в органической связи с природно-географическим и топографическим контекстами. Основные положения этого подхода вырабатывались автором статьи совместно с кандидатом исторических наук Виталием Николаевичем Даниленко.

Ключевые слова: Виталий Николаевич Даниленко, культурно-историческое наследие, охрана и использование памятников, «пещерные города», проект ЮНЕСКО.

Мое знакомство с Виталием Николаевичем состоялось летом 1970 г. в Херсонесе. Тогда он руководил исследованием римской казармы на участке древних ворот. В следующем году он высказал пожелание пригласить меня на работу во вновь созданный Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе (СГУ) в качестве преподавателя исторического факультета. В то время я работал в Бахчисарайском историко-археологическом музее в должности главного хранителя фондов и заканчивал заочно этот факультет. С 1968 г. мне довелось участвовать в раскопках «пещерного города» Мангупа, моим научным руководителем и наставником был старший научный сотрудник Института археологии Академии наук Украины Евгений Владимирович Веймарн. Раскопки Мангупа определили мой научный интерес на всю дальнейшую жизнь, а он в свою очередь способствовал моему переходу в СГУ, что и произошло в октябре 1972 г. благодаря энергичному содействию Виталия Николаевича. Первоначально мы работали с ним на кафедре истории Украины (заведующий И. С. Чирва), а в 1976 г., в связи с открытием кафедры истории древнего мира и средних веков (заведующий С. А. Секиринский), перешли на эту кафедру.

В развитии моей исследовательской работы в отношении Мангупа Виталий Николаевич сыграл, можно сказать, решающую роль. В 1973 г. при его поддержке археологическая практика всех студентов I курса (75 человек) была проведена на Мангупе. Это дало возможность провести широкие раскопки одного из ключевых памятников оборонительной системы городища, укрепления на восточном склоне мыса Чуфут-Чеарган-бурун, открытого за два года до этого. В дальнейшем, при разработке

[1] Статья подготовлена по гранту РФФИ 15-06-04670 «Историческая топография» страны Дори» в Юго-Западном Крыму.

номенклатуры элементов крепостного ансамбля Мангупа это укрепление получило обозначение А.XIV, материалы его исследования легли в основу моей кандидатской диссертации «Крепостной ансамбль Мангупа». Должен сказать, что на первом этапе моего вхождения в университетскую жизнь, в научно-исследовательскую работу дружеская поддержка Виталия Николаевича играла важнейшую роль и во многом определила контуры моей жизненной линии. Мы общались не только в рабочей обстановке, но и за ее пределами. Особенно запомнились наши путешествия по «пещерным городам», которые Виталий Николаевич хорошо знал и любил. Будучи прекрасным рассказчиком, он вспоминал о своих походах с Сергеем Николаевичем Бибиковым, Станиславом Францевичем Стржелецким и другими известными археологами. Кроме Мангупа, в исследованиях которого В. Н. Даниленко принимал активное участие с 1972 по 1975 г., в межсезонье мы посетили все «пещерные города». Особенно плодотворной была поездка в апреле 1975 г. на Сюреньскую крепость и монастырь Чилтер-коба. Именно тогда Виталий Николаевич обратил внимание на этот интереснейший, но слабо изученный комплекс двух типологически различных, но, несомненно, исторически взаимно связанных поселений и загорелся мыслью провести здесь широкие археологические исследования. Он привлек к реализации этого проекта инспектора по охране памятников архитектуры Крымоблисполкома Ю. С. Воронина, молодого доцента, кандидата исторических наук Э. Б. Петрову, а также студентов старших курсов исторического факультета, в дальнейшем известных крымских археологов – В. Л. Мыца и В. А. Кутайсова. В 1976–1978 гг. развернулись исследования Сюреньской крепости и монастыря Чилтер-коба. Последний объект привлек особое внимание Виталия Николаевич. К этому времени средневековые монастырские комплексы Крыма были изучены крайне слабо. Большинство из них вообще не подвергались археологическим раскопкам. Прекрасно осознавая значение этих памятников в процессе развития хозяйственной жизни в средневековую эпоху, а также в укреплении позиций христианства в среде местного населения, что не было особенно приветствуемой темой в советской исторической науке, Виталий Николаевич организовал изучение Чилтер-кобы в комплексном архитектурно-археологическом плане. До сих пор его исследование пещерного ансамбля этого монастыря можно считать классическим, чему свидетельством являются публикации по его результатам, не потерявшие и в настоящее время своей научной ценности.

В наших встречах и беседах с Виталием Николаевичем тема «пещерных городов» всегда занимала особое место. С горечью отмечалось необратимое разрушение отдельных объектов этих памятников, бывшее результатом как естественных природных процессов, так и, увы, необузданного варварством а так называемых диких туристов. Строились планы исследовательской работы с привлечением сил студенческой молодежи, и не только нашего университета. Именно тогда начал вызревать план разработки новой концепции динамики эволюции «пещерных городов» с учетом как действия общих исторических закономерностей, так и локальной специфики, обусловленной природными факторами и топографическими особенностями расположения этих поселений. Поскольку нам часто приходилось общаться с работниками

экскурсионно-туристической сферы Крыма, проводя занятия на курсах повышения их квалификации, мы, естественно, не могли обойти вниманием и просветительскую, и охранную деятельность в отношении этой важнейшей части историко-культурного наследия полуострова. Эти мысли первоначально воплощались в основном в лекциях для студентов и экскурсоводов, постепенно приобретая характер концептуального видения проблемы, основанного на научно-исследовательской практике и на осмыслении историографического наследия. Эти подходы оказались востребованными в период, когда международное сотрудничество в деле охраны историко-культурного наследия Крыма достигло своей высшей точки, что выразилось в сотрудничестве с ЮНЕСКО в разработке проекта включения в номинацию этой организации ряда крымских объектов, и в том числе «пещерных городов». К сожалению, Виталий Николаевич не дожил до времени, когда эта работа в 2011–2012 гг. велась наиболее активно, однако не была завершена в силу известных обстоятельств политического характера. Готовился проект Европейского Союза «Определение путей способствования сохранению и развитию культурного наследия Крыма». Среди отобранных на территории Крыма для реализации проекта объектов, достойных быть признанными мировым наследием ЮНЕСКО, значились и «пещерные города».

В процессе работы команды разработчиков проекта (руководитель – старший эксперт по культурному наследию парижской квартиры ЮНЕСКО, почетный профессор, доктор Бернд фон Дросте цу Хюльшофф) выделены объекты, соответствующие критериям организации. В первый вариант предварительного номинационного списка из исторических объектов Бахчисарайского района оказался включен только комплекс Ханского дворца. Однако в процессе обсуждения было рассмотрено и принято решение о необходимости расширения этой номинации за счет включения в нее таких объектов, как ансамбль крепости Чуфут-Кале и комплекс памятников предместья Бахчисарая Салачика. Обоснованием для этого являлась тесная территориальная и культурно-историческая связь данных объектов. В дальнейшем по мере обсуждения данной проблемы, с учетом сложившейся структуры Бахчисарайского музейного комплекса, включавшего с 1940 г. и Музей «пещерных городов», в качестве номинационных были рассмотрены все «пещерные города», административно расположенные на территории Бахчисарайского района. Этот комплекс, за исключением Чуфут-Кале, разделили на три кластера (в соответствии с этапами их включения в номинацию) под общим названием «Страна “пещерных городов”».

Кластер I расположен в среднем течении левобережья бассейна реки Бельбек и включает в себя Сюйреньскую крепость с монастырем Чилтер-Коба, Эски-Кермен и Мангуп-Кале, а также другие исторические, культурные и ландшафтные объекты.

Кластер II сформирован «пещерными» поселениями й другими культурными и ландшафтными объектами долины реки Качи. Основные объекты – Тепе-Кермен, Кыз-Кермен и Качи-Кальон.

Кластер III сформирован из городища Бакла и объектов в его ближайшей округе и других.

Автором настоящей статьи, бывшем участником команды разработчиков проектов, подготовлены материалы для обоснования выделения кластеров с перечнем

объектов и обоснованием включения их в номинационный список. Поскольку в этих материалах отражен концептуальный подход к пониманию этно-культурных и социально-политических процессов, протекавших в Юго-Западной Таврике на протяжении средневековой эпохи, увязанный с проблемами охраны и использования этой важнейшей составляющей части историко-культурного наследия народов Крыма, мы считаем возможным предложить эти материалы к публикации для дальнейшего обсуждения и применения их при разработке проектов создания историко-культурных или комплексных природно-культурных заповедников в данном регионе полуострова.

Поскольку, в первую очередь, было решено номинировать Ханский дворец в Бахчисарае и Чуфут-Кале с Салачиком, изложим мотивацию данного решения.

Историческая динамика. Древнейшие памятники Бахчисарайской долины – две пещерные стоянки эпохи мустье (50–40 тыс. лет) на территории Староселья – Салачика. По окраинам долины расположены несколько памятников эпохи бронзы и раннего железного века. На дне ущелья Ашлама-дере, у северо-восточного склона Чуфут-Кале исследовано крупное таврское поселение VIII–VI вв. до н. э. Наиболее динамично исторический процесс развивался в эпоху средневековья. В VI в. на плато Чуфут-Кале появляется крепость, сооруженная византийскими инженерами для союзников Империи алан, предназначавшаяся для контроля дальних подступов к Херсонесу-Херсону. Памятниками этого времени являются Средняя оборонительная стена на плато, дозорные пещерные помещения, фрагменты архитектурных деталей раннехристианской базилики, в ущелье Марьям-дере на юго-западном склоне Чуфут-Кале – обширный могильник VI–IX вв. К этому же периоду относится масштабное гидротехническое сооружение – колодец Тик-кую. Аланы в качестве населения округи Чуфут-Кале упоминаются вплоть до XV в. Крепость являлась военным и административным центром так называемых малых алан. Существовала область «Алания», располагавшаяся к северу от «Готии», центром которой была крепость Мангуп-Феодоро. Таким образом, крепость и ее окрестности содержат памятники исчезнувшей культуры «малых алан», которые, как и крымские готы, являлись компонентом средневекового населения Крыма, потомки которого в 1778 г. были выселены на берега Азовского моря, где проживают и поныне. Чуфут-Кале содержит также свидетельства зарождающейся государственности крымских татар, фактически это первая столица независимого от Золотой Орды Крымского ханства. Об этом выразительно свидетельствует мавзолей Джанике-ханым, очевидно, сыгравшей важную роль в этом процессе. Рядом с мавзолеем располагается мечеть, основанная в середине XIV в. и обновленная ханом Хаджи Гиреем в 1455 г. В устье ущелья Марьям-дере, в Салачике находится мавзолей, усыпальница первых правителей государства: его основателя – Хаджи Гирея и преемника – Менгли Гирея; здесь же расположено одно из самых авторитетных мусульманских духовных училищ Крыма – Зинджарлы-медресе. В XVI–XIX вв. доминирующей этноконфессиональной группой на поселении становятся караимы, активная строительная деятельность которых придала городищу его дошедший до современности облик. В этом плане Чуфут-Кале, несомненно, является цельным мемориальным комплексом этого анклава, его духовным средоточием. Здесь находятся наиболее ранние, сохранившиеся в целом

виде молитвенные дома – синагоги-кенасы, сохранилась планировочная структура поселения: кварталы, усадьбы, внутрискальные сооружения. Особо следует отметить, что градостроительный комплекс Бахчисарая, начавший формироваться в первой половине XVI в. со своего исторического ядра – дворца Хан-сарая, органически включал Салачик, как предместье, и Чуфут-Кале. Последний был обиталищем караимской общины, ведшей в городе активную коммерческую деятельность, но не имевшей права держать здесь свои дома и даже оставаться на ночь. Фактически Чуфут-Кале, как отмечал ряд исследователей, являлся своеобразным гетто Бахчисарая. Есть сведения об участии караимов, имевших хорошую практику в зодчестве, в строительстве Бахчисарайского дворца.

Следует отметить, что путешественники XIX в., посещая Чуфут-Кале, неизменно восхищались неповторимостью сочетания природного великолепия, в которое органично вписывались плоды человеческого труда. Один из посетителей писал: «Венеция – водяной город, Чуфут-Кале – воздушный». Представляет несомненный интерес стремление местного иудейского и христианского населения в XV–XIX вв. придать местности сакральные черты, воспроизводя искусственно или путем топонимического заимствования элементы святых мест Иерусалима (Иосафатова долина, Масличная гора, источник Иосифа, Гефсимания и др.). Следует подчеркнуть, что Чуфут-Кале несет в себе историческую память и свидетельства сосуществования в этой части полуострова различных по генетическим корням и культурным особенностям этносов. Здесь может быть прослежена как динамика этно-культурных процессов, протекавших в Крыму на всем протяжении средневековья, так и единовременное сосуществование христиан – греческой и армянской общин, иудейских общин – раббанитской и караимской, а также общины мусульманской. Наложенные на экзотический в восприятии современных посетителей ландшафт, они имеют важное значение для демонстрации и внедрения в сознание наших современников представлений об извечной ценности человеческого труда в гармоничном сочетании с природой, в возможности длительного и плодотворного сосуществования различных по своим духовным ориентирам групп людей.

Следует особо отметить, что организующим фактором, природным вместилищем для исторического градостроительного комплекса Бахчисарая, включающего в себя такие компоненты, как дворец, мечети, мавзолеи, фонтаны, комплекс построек Салачика, Успенский монастырь, Чуфут-Кале и огромный иудейский некрополь в Иосафатовой долине (ок. 7 тыс. памятников), стала долина реки Чурук-су и ответвляющиеся от нее ущелья, разделенные скальными отрогами. Эти памятники находятся в органическом сочетании с ландшафтом, сохранившим свои основные изначальные черты. В совокупности – это уникальный природно-культурный комплекс, сформировавшийся на протяжении длительного времени, сохранивший элементы утраченных и уходящих культур: таврской, гото-аланской, золотоордынской, караимской, крымско-татарской, нуждающийся в дальнейшем исследовании и тщательном сбережении.

Последующие стадии проекта были разделены на названные нами кластеры.

Кластер I. «Крымская Готия: от страны Дори до княжества Феодоро».

Местоположение. Номинация занимает территорию от среднего течения реки Бельбек на северо-востоке до Шульской котловины включительно на юго-западе.

Историко-культурные объекты. Стоянки каменного века: сюреньские гроты (поздний палеолит, мезолит), Замиль-Коба, Залесное (мезолит, неолит); таврское поселение Козу-Кулак-Кая с наскальными росписям; средневековые городища Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Кыз-Куле, Сюреньская крепость; пещерные монастыри: Чилтер-Коба, Шулдан, Чилтер-Мармара; позднеантичные и средневековые могильники у сел Танковое, Малое Садовое, Красный Мак, Залесное, Ходжа-Сала, Терновка; остатки ранневизантийских оборонительных сооружений, «длинных стен», перегораживавших долины Каралезскую, Адымчокракскую и Джан-Козы; следы сельскохозяйственного использования в позднеантичное и средневековое время.

Природные объекты. Ландшафтные комплексы среднего течения реки Бельбек (ущелье Сюрень-Капу), останцы (скалы-свидетели) Каралезской долины (Баш-Кая, Маймун-Кая, Тарпан-Тепе, Узун-Тарла); изолированные плато Мангуп и Эски-Кермен; куэсты Чардаклы-Баир, Баллы-Коба и Шулдан-Кая; горная цепь к югу от Мангупа: вершины Килиса, Илька, Бабулган, Два Татарина, Ак-Яр.

Историческая динамика. Данный район полуострова отличался высокой интенсивностью протекавших здесь этнокультурных и социально-политических процессов. В эпоху поздней античности и раннего средневековья здесь обосновались восточные германцы готы и ираноязычные аланы. Территорию их обитания в округе Херсонеса византийские авторы называли страной Дори, для защиты которой в правление императора Юстиниана I (527–565) сооружены так называемые длинные стены. С VI в. на протяжении тысячи лет здесь была зона контактов различных этносов и культур. Мангупское и эски-керменское плато были местами, вокруг которых в начале эпохи великого переселения народов (с середины III в.) концентрировалось варварское население, постепенно втягивавшееся в сферу экономического, идеологического и политического влияния Византии. Империя стремилась укрепить границы своей гигантской территории, создавая огромные по протяженности линии крепостей, как это было, например, в Северной Африке, Южной Италии, в Подунавье, Малой Азии и в том числе на Крымском полуострове. Здесь Византия стремилась оградить от нашествий кочевых племен степей принадлежавшие ей районы на побережье и в предгорьях, прежде всего в окрестностях основного своего опорного пункта – Херсонеса (в средневековье он именовался Херсоном). В предгорной части полуострова, в основном в области, прилегающей к Херсону, сформировался этнический конгломерат, в состав которого входили как завоеватели – восточные германцы, готы и ираноязычные аланы, так и часть поглощенного ими позднескифского населения, в составе которого еще ранее растворились горцы-тавры. С распространением в VIII–IX вв. на большую часть Таврики власти Хазарского каганата сюда проникают и носители тюркских языков. Попав в сферу активного воздействия Византии, этот конгломерат подвергся христианизации, которая в основном завершилась к концу I тыс. н. э. и которая, по сути, привела к формированию нового этноса, который известен как крымские греки. В 1778 г. они были переселены на северное побережье Азовского моря.

Для защиты приморских территорий строятся крепости, предназначенные для союзников империи, федератов. Одной из них и была Мангупская крепость, основанная в середине VI в., в правление императора Юстиниана I, именовавшаяся в источниках Дорос. В конце VIII в. захват ее хазарами инспирирует военное выступление местного христианского населения, известное как восстание под предводительством епископа Иоанна Готского. В дальнейшем Византия возвращает крепость, но в начале XI в. она сильно пострадала от какой-то катастрофы, скорее всего, природного характера (землетрясение?). С середины XIV в. появляются сведения о существовании княжества и города под именем Феодоро. Город формируется в пределах ранее пустовавшей крепости. Особенности существования княжества определялись сложной политической обстановкой на полуострове – взаимодействием различных этнокультурных и социально-политических организмов и факторов (Золотая Орда, генуэзские и венецианские колонии, османская империя, Молдавское и Московское княжества, Венгерское королевство). В 1475 г. после полугодовой осады город был захвачен турками и на три столетия превращен в османскую крепость, центр административного округа, кадылыка, в который входило более ста деревень. В 30-х гг. XVII в. крепость на некоторое время была завоевана запорожскими казаками. Последние ее обитатели, караимы, покинули угасшее поселение в конце XVIII в.

Другим важным опорным пунктом Византии, расположенным в 5 км к западу от Мангупа, была крепость на эски-керменском плато, созданная, вероятно, в конце VI – первой половине VII в. Она не упоминается в письменных источниках, ее история основана исключительно на археологических материалах. Особенностью городища является самое большое количество искусственных пещерных сооружений среди других «пещерных городов» Крыма – более 400. Среди них выделяется грандиозный осадный колодец, а также храмы, некоторые сохранили фресковые росписи.

Характерный признак начального этапа жизни этих крепостей – появление мощных оборонительных систем, обеспечивавших защиту максимально возможной площади труднодоступных плато. В то же время их обширные территории были заселены довольно слабо, постоянно здесь находились только относительно немногочисленные гарнизоны. Людьми они наполнялись лишь в случае появления значительных сил неприятеля, сюда свозилось наиболее ценное имущество, прежде всего запасы продовольствия, сгонялся скот. Для этого и резервировалась столь значительные пространства под защитой обрывов и крепких стен.

Археологические раскопки показывают, что это население было прочно втянуто в сферу экономического влияния Империи. Об этом свидетельствует преобладание импортных ремесленных изделий (металл, столовая и тарная керамика) над местными. Вино, судя по многочисленным находкам фрагментов амфор, употребляли исключительно привозное, в обращении были исключительно бронзовые византийские монеты, которые могли обращаться только по принудительному курсу в пределах имперского рынка.

Внутри крепостей с их скудной внутренней жилой застройкой особенно величественно выглядели великолепные храмы-базилики, предназначавшиеся не только для

истинно верующих – таких среди варваров первоначально было немного, – а прежде всего для обращения масс язычников в христианство. Эти храмы являлись центрами не только идеологической, но и культурной жизни. Уже на этом, раннем этапе существования в крепостях появляются первые немногочисленные искусственные пещерные сооружения. Создавались они по образу погребальных сооружений, подземных склепов, типичных для раннесредневековой эпохи. Не случайно располагались они преимущественно возле оборонительных стен, используясь как укрытия для караульных или как дозорные посты. Вырубались в скале и зернохранилища в виде веретенообразных или колоколообразных ям, располагавшихся обычно гнездами. Лучше всего они представлены на Эски-Кермене.

Однако больше всего подземных сооружений было в окрестностях крепостей. Они составляли целые города мертвых, некрополи. Значительно позже, вероятно, не ранее X в. происходит усложнение и увеличение разнообразия форм внутрискальных помещений, которые теперь в большей степени отражали особенности наземных построек, нежели погребальных. Начало этого этапа в жизни «пещерных городов» можно отнести ко второй половине VI в. Для Мангупа и Эски-Кермена он завершается в IX в. временным захватом крепостей хазарами.

Заметные изменения отмечаются в конце I тыс. н. э. В жизни Эски-Кермена это выражается в появлении довольно плотной застройки плато жилыми компактными усадьбами городского типа. Развивается местное ремесленное производство – при сохранении традиционных торговых связей с византийским Херсоном. Усиливается роль плужного земледелия в сочетании со скотоводством со стойловым содержанием скота. Появляется большое количество искусственных пещерных сооружений, в основном хозяйственного назначения. Завершается процесс христианизации, что получает наиболее яркое выражение в появлении относительно небольших наземных и пещерных церквей. Наряду с ними продолжает функционировать и большая ранняя базилика.

С середины XI в. владыками степей Северного Причерноморья становятся команы-кыпчаки (русские их называли половцами). Эта ситуация сохранялась до 1223 г., когда сюда вторглись монголы Чингис-хана, обычно в источниках того времени именовавшиеся татарами, последнее название распространилось впоследствии на все тюрко-язычное население его империи, а также государств, образовавшихся после ее распада, например, Золотой Орды. Крым был включен в ее состав уже в 30-е гг. XIII в. Политические конфликты внутри Золотой Орды сопровождались разорительными походами противоборствующих сторон на земли соперников. В конце XIII в. Крым подвергся опустошительному нашествию орды эмира Ногая, затронувшему и район «пещерных городов». Был уничтожен Эски-Кермен. Вместо него в качестве поселения городского типа начинает возрождаться Мангуп-Феодоро.

Во второй половине XIII столетия на берегах полуострова появились генуэзские и венецианские колонии – при решительном преобладании первых. В юго-западной части полуострова, поблизости от угасавшего византийского Херсона, сформировалось княжество Феодоро со столицей на плато Мангуп. Северным его соседом ста-

новится татарское княжество (бейлик) с центром в Кырк-Оре. Конец XIV – первая половина XV в. – время наибольшего расцвета этих двух наибольших по размерам и значению «пещерных городов». С отделением в 30–40-е гг. XV в. от Золотой Орды Крымского ханства Кырк-Ор превращается в ставку его правителя и сохраняет этот статус до начала строительства Бахчисарая, т. е. до начала XVI в. Особенно большие перемены происходят в Феодоро. Город, разоренный в конце XIV в. войсками Тимура, через четверть века поднимается из руин. В дополнение к старым византийским крепостным стенам возводятся новые – вторая линия обороны и цитадель, восстанавливаются церкви и дворцовый ансамбль. Именно в это время появляется большинство пещерных сооружений, интерьеры которых подражают наземным постройкам.

В княжестве Феодоро, большинство населения которого составляли христиане греческого толка, наблюдается расцвет монастырской жизни. Именно на его территории и в ближайшем соседстве с ней известны наиболее значительные пещерные монастыри. Всего их насчитывалось более десятка. В самой столице существовало как минимум три монастыря.

Наиболее крупные монастыри, представлявшие собой обособленные самостоятельные поселения на территории княжества, – Чилтер-Коба (Решетка-пещера), Шулдан (Отдающий эхо), Чилтер-Мармара. Все эти названия позднейшие, крымскотатарские, появившиеся в то время, когда монастыри уже были покинуты людьми. В составе этих комплексов четко выделяются все необходимые монастырские компоненты: храмы, монашеские кельи, трапезные, подсобные помещения, погребальные сооружения.

Можно констатировать, что на территории предполагаемого заповедника в эпоху средневековья сформировался уникальный культурный ландшафт, основные черты которого сохранились до современности. В нем выражено использование факторов естественной труднодоступности при создании крепостей на изолированных плато (Мангуп, Эски-Кермен) или мысовых отрогах (Сюреньская крепость, Кыз-Куле, цитадель Мангупа на мысе Тешкли-бурун). Крепостные сооружения органично сливаются с линиями обрывистых обводов плато. Вырубаются подъездные пути к главным крепостным воротам (Мангуп, Эски-Кермен). Создаются оборонительные линии, пересекающие долины. В этом районе сохранились памятники исчезнувшей культуры особой этнической группы – крымских готов и связанных с ними алан. Прослеживается постепенная трансформация идеологических представлений этого населения от язычества к христианству греческого обряда и усвоения им провинциальной византийской культуры, но с сохранением изначальной этнической идентификации и языка. Этот уникальный анклав просуществовал до XVI в., превратившись в крымских греков, этнографическая культура которых сохранилась за пределами Крыма, в Приазовье. Можно отметить присущие данному району уникальные природные черты, например, наличие растительных сообществ, сочетающих флору, типичную как для степных, так и для горных ландшафтов. Здесь можно видеть классическую куэстную геологическую структуру ландшафта, определившую характер освоения местности человеком.

Угрозы состоянию объектов. В последние десятилетия существенно усилилась антропогенная нагрузка на участки ландшафтов в непосредственной близости от памятников истории, в особенности это касается Эски-Кермена и Мангупа. Стихийная застройка затрагивает непосредственно как охранную зону памятников, так и буферную зону охраняемого ландшафта. Памятники христианства, прежде всего пещерные церкви и монастырские комплексы, активно используются церковью без учета необходимости сохранения исторических интерьеров. Допускается использование синтетических отделочных материалов, наполнение интерьеров иконами, завесами, утварью современного производства, под предлогом очистки помещений удаляется культурный слой с археологическими материалами. Ограничивается доступ к памятникам специалистов и экскурсантов. Не учитывается необходимость очищения от кустарников и деревьев важнейших архитектурно-археологических памятников, являющихся также объектами экскурсионного показа. Проводятся грабительские раскопки. Необходима разработка межведомственной правительственной программы для преодоления этих негативных явлений.

Кластер II. Условное название – «Качинский узел “пещерных городов”».

Среди «пещерных городов» Крыма, находящихся в ведении Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, особое место занимает группа городищ, расположенных в среднем течении реки Качи. Здесь река протекает через сквозное ущелье во Внутренней гряде. В древности через этот район проходил путь, связывавший Южный берег Крыма с предгорными и степными районами полуострова. В правом склоне ущелья за деревней Предущельное расположены два памятника первобытной эпохи – Качинский навес, одна из четырех известных на территории Крыма стоянок эпохи верхнего палеолита (35–10 тыс. лет), и стоянка эпохи мезолита-раннего железного века Таш-Аир. Последняя знаменита своими наскальными изображениями, выполненными красной охрой на поверхности скального навеса. Сохранилось более 50 фигур и знаков, часть которых образует композицию, отображающую сцены батального характера. Вероятно, здесь отображено столкновение двух племен, произошедшее в период раннего бронзового века – в III тыс. до н. э. Этот уникальный для восточноевропейского региона памятник нуждается в срочных охранных мероприятиях. В средней части правого борта ущелья располагается скальный массив Качи-Кальон (букв. перевод с татарск. – Крестовый корабль). Это средневековое поселение, представленное в основном многочисленными искусственными пещерами, распложенными в естественных гротах в вертикальном обрыве, имеющем высоту до 100 м, и в отдельных глыбах известняка, лежащих на склоне под обрывом. Насчитывается всего пять гротов, из которых самый большой – четвертый – представляет собой арку высотой 70 м. В нем при источнике воды находится пещерный комплекс монастыря Св. Анастасии, включавший кладбище на отдельном скальном выступе. Остальные пещеры Качи-Кальона (численность их до сих пор не установлена, вероятно, она более 300) имели хозяйственное назначение. Есть среди них несколько пещерных церквей. Формировался комплекс Качи-Кальона на протяжении средневековой эпохи, вероятно, с VI в. Монастырь Св. Анастасии

функционировал с XII до начала XX в. В IX–X вв. основным направлением хозяйственной деятельности Качи-Кальона была переработка винограда; по предварительным подсчетам здесь насчитывается более 100 винодавилен. В целом городище слабо изучено археологически. В то же время оно исключительно удобно для посещения туристами, так как прямо под ним проходит асфальтированное шоссе из Бахчисарая, до окраины которого 8 км.

Следующим городищем при движении по шоссе вверх по долине реки Качи является Кыз-Кермен (Девичья крепость). Поселение располагалось на территории мыса, выступающего в Качинскую долину. От качи-кальонского массива мыс отделен глубокой балкой Кая-Арасы, в которой находится стоянка эпохи неолита. Освоение мыса человеком начинается еще в раннем железном веке, но самые яркие памятники, отражающие период наибольшей интенсивности жизни на плато, относятся к IX–X вв. В этот период мыс в узкой части был перегорожен оборонительной стеной с двумя башнями в центре. На защищенной территории возникают несколько усадеб с винодельнями. Строительная техника этих объектов характерна для периода господства хазар. Перед стеной открыты остатки христианского храма XII–XIV вв., не связанного с жизнью поселения. Глубокая балка Донузлав-дере отделяет Кыз-Керман от соседнего городища Тепе-Кермен (букв. Холм-крепость). Со стороны Качинской долины Тепе-Кермен выглядит как пирамида с усеченной вершиной. По концентрации искусственных пещер (ок. 300) по отношению к размерам горы-останца (площадь поверхности 1,2 га) городище не имеет себе равных в Крыму. Большей частью пещеры расположены в обрывистом склоне, иногда образуя до пяти ярусов. На плато они высечены как у кромки обрыва (преимущественно оборонительные казематы), так и на различных его участках (хозяйственные подвалы, резервуары для воды). Интерес представляют церковные комплексы, расположенные в обрыве и на поверхности плато. Среди них выделяется своей необычной планировкой (наос вытянут по линии север-юг) т. н. церковь с баптистерием, вырубленная в северной части плато, у края обрыва. Алтарная часть выполнена в виде павильона, выдвинутого в центральную часть храма. На алтарной преграде крупно вырублены рельефные кресты. Подобные церкви известны в Каппадокии. На Тепе-Кермене есть несколько настенных надписей – как греческих, христианских, так и на древнееврейском языке. История городища укладывается в диапазон VI–XIV вв. На XII–XIV вв. приходится расцвет поселения, которое приобретает черты «малого города». На плато появляются жилые усадьбы миниатюрных размеров, что было связано с ограниченностью территории для застройки. Пещеры в обрывах использовались в основном как стойла для скота. Вероятно, в этот период Тепе-Кермен являлся резиденцией местного князя, которому подчинялись земли в верхнем течении реки Качи, а также средоточием религиозной жизни этого района. Погибает поселение в конце XIV в. в результате нашествия войск Тамерлана. В целом «Качинский узел» «пещерных городов» является уникальным комплексом разнотипных и разновременных средневековых поселений, появление и развитие которых связано с ходом исторического процесса на протяжении полутора тысяч лет. Здесь можно проследить развитие местной гото-аланской

культуры, развивавшейся во взаимодействии с волнами влияний со стороны кочевых этносов и политических образований из степного евразийского региона. Эти поселения формировались в тесной связи с особенностями ландшафта Качинского каньона и его ближайших окрестностей. Основные характерные черты этого ландшафта сохранились до настоящего времени с минимальными проявлениями современного техногенного воздействия. Этот район Крыма имеет отличные перспективы для развития как «зеленого», так и «культурологического» туризма. Есть также потребность в развертывании археологических исследований этих ярких историко-культурных объектов, история которых практически не освещена письменными источниками. Это также может быть дополнительным стимулом для развития «научного» туризма.

Кластер III. Баклинский комплекс.

В цепи «пещерных городов», протянувшейся по линии юго-западного фланга Внутренней гряды Крымских гор, городище Бакла занимает крайнее северо-восточное положение. Это комплекс разнообразных объектов средневекового времени, в основном V–XIII вв., расположенных на двух уступах, образующих юго-восточный склон гряды, а также в долине под ним. Ядро поселения – цитадель, занимающая участок длиной 200 м и шириной до 60 м у края обрыва нижнего уступа. С севера эта территория ограждалась оборонительной стеной, построенной в VI в., своими флангами она примыкала к обрывистому склону высотой от 5 до 10 м. В обрыве в 2–3 яруса вырублены пещерные помещения, некоторые играли роль боевых казематов, но большинство имели хозяйственное назначение (хранилища, стойла для животных). Цитадель была плотно застроена двухэтажными домами. Один из них имел восемь помещений, включая церковь. Для входа в цитадель у восточного фланга оборонительной линии служил туннель длиной 9 м, прорубленный в скале под крепостной стеной. Перед цитаделью находился посад, в 60-е гг. XX в. на его территории исследовано несколько усадеб VI–XIII вв. Здесь известна пещера с греческой надписью. Это помещение появилось в результате удаления скальных перемычек между ямами для хранения зерна, горловины которых остались в виде световых окон в потолке помещения. Рядом расположена наземная церковь IX–XIII вв., раскопанная в 2003 г. Группы зерновых ям есть в других местах поселения. В ниже лежащей долине раскопками 70-х – 80-х гг. XX в. открыта две церкви со склепами, на стенах которых сохранились фрески, а также выполненные граффити знаки, древнетюркская и греческая надписи. К юго-западу от городища в труднодоступном естественном гроте обнаружено несколько сот граффити – изображения людей, животных, крестов и других знаков. В долине в южном направлении от Баклы протянулся на несколько километров овраг Дурной Яр, в нем расположен крупнейший из известных в Северном Причерноморье раннесредневековых могильников, принадлежавших гото-аланскому населению V–VII вв. К сожалению, археологические раскопки на нем производились эпизодически, подавляющее же количество погребальных сооружений (склепов и подбойных могил) вскрыто грабителями.

В историческом контексте Баклинский археологический комплекс представляет большой интерес как свидетельство раннего распространения христианства у мест-

ного населения по крайне мере с V в. Поселение отмечает северную границу проникновения в юго-западной части полуострова политического и идеологического влияния Византийской империи, распространявшегося через Херсонес и, соответственно, крайний предел расселения готов и аланов, представлявших основные этнические компоненты раннесредневекового населения полуострова. Далее к северо-западу начиналась территория, контролировавшаяся кочевыми тюркоязычными этносами евразийского степного пространства. Начав свой исторический путь с небольшого укрепления VI в., вероятно, входившего в систему византийского limes tauricas, поселение вступает в полосу расцвета в «хазарский период» (VIII–X вв.); в XII–XIII вв. оно приобретает черты «малого города». В конце XIII в. в результате острого внутреннего золотоордынского политического конфликта жизнь на поселении прекращается. Бакла – выразительный пример средневековой инфраструктуры, основанной на органичном использовании природных особенностей местности. Окружающие ее ландшафты сохранили свой изначальный облик, минимально затронутый современной хозяйственной деятельностью. В экскурсионном отношении этот памятник удобно расположен недалеко от Симферополя. Он может быть включен как в особый туристический маршрут, так и в маршрут, конечным пунктом которого является Крымская астрономическая обсерватория в поселке Научный.

Gertsen A. G. Remembering Vitaly N. Danilenko (The country of “Cave cities” : The Unfinished project of UNESCO) / A. G. Gertsen // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 26–38.

The article is devoted to the unfinished project of UNESCO towards the creation of a nomination, including “cave cities” of South-West Crimea. The concept of study and conservation of these important historical and cultural complexes was introduced in the process of working on the project. The concept was created in accordance with the dynamics of their economic and ethno-political development, in close connection with the natural-geographical and topographical contexts. The main statements of this approach were developed by the author with candidate of historical Sciences Vitaly N. Danilenko.

Keywords: Vitaly Danilenko, cultural and historical heritage, protection and use of monuments, the “cave city”, a UNESCO project.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 39–48.

УДК 902:903.43(234.86)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЮЙРЕНЬСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ В ГОРНОМ КРЫМУ (РАСКОП II)[1]

Даниленко В. Н. †

Кандидат исторических наук

Публикуются результаты археологических исследований Сюйреньского укрепления, проводившихся в 1978 г. (Материалы из архива Института археологии Крыма РАН). Укрепление находится на одном из мысов Горного Крыма, в среднем течении реки Бельбек. Раскоп II был расположен с внутренней стороны вылазной калитки в западной куртине, недалеко от круглой башни. Результаты проведенных работ позволили уточнить хронологию памятника и конструктивные особенности крепостной стены объекта. Все археологические находки укладываются в промежуток времени с рубежа IX – X и до XV – XVII вв.

Ключевые слова: Куле-бурун, Сюйренське укрепление, Чуфут-кале, мерлон, пифос, амфоры, поливная посуда.

Еще до начала раскопок можно было предполагать, что участок в районе калитки будет одним из наиболее важных и интересных из числа примыкающих к оборонительной стене [2, с. 314]. Здесь был один из входов в укрепление – калитка, расположенная, согласно фортификационному канону средневековья, слева от башни (рис. 1; 6). Участок примыкает также к скальному выступу внутри укрепления. Здесь расположен ряд могил и склепов, вырубленных в скале. По всей вероятности, на этом выступе, занимающем столь заметное место на укреплении, хоронили своих покойников представители привилегированной части населения. У самой калитки на внутреннем панцире облицовки стены вырезаны два креста и звезда (рис. 3; 5), а также – в специальном углублении – рельефный крест и греческая надпись (рис. 3; 4). Возможно, здесь находилась часовня или какое-то иное сооружение культового характера, пристроенное к стене. Об этом, кстати, свидетельствуют и следы двускатной крыши, слабо заметные на квадрах облицовки тыльного панциря западной куртины близ калитки. В этом месте, теснейшим образом связанном с оборонительными и культовыми сооружениями, можно было ожидать любопытных находок. В целом участок оправдал наши ожидания, хотя толщина слоя ока-

[1] Сюйреньская экспедиция Института археологии АН УССР работала на протяжении 1978–1979 гг. под руководством Юрия Сергеевича Воронина (1946–2008), в то время начальника инспекции памятников архитектуры Отдела по делам градостроительства и архитектуры Крымоблисполкома. На территории памятника было заложено три раскопа. Работами на раскопе II руководил кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе (ныне Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского) Виталий Николаевич Даниленко. На двух других – студенты Вадим Кутайсов и Евгений Михайловский. Результаты исследований на раскопе I недавно были опубликованы [1, с. 458–479].

залась здесь еще меньшей, чем предполагалось, а насыщенность культурного слоя находками – незначительной.

Раскоп заложен вдоль оборонительной стены и простирается от линии ее тыльного панциря примерно на 0,5 м к юго-западу от калитки до скального выступа позади башни. Ширина раскопа – 6 м, длина вдоль стены – около 9 м, вдоль северо-западного края – около 7 м; северо–восточная граница неровная, так как она определяется конфигурацией скального выступа (рис. 2).

Два из упомянутых склепа – № 5 и № 6 – примыкают непосредственно к раскопу. По своей конструкции и размерам они ничем не отличаются от таких же сооружений по другую сторону скального выступа (склепы № 1, № 2, № 3, № 4). Склепы № 5 и № 6 не зачищались, поэтому описание их в настоящем отчете мы не даем.

Участок раскопа (так же, как и территория вдоль всей стены) был покрыт каменным завалом, образовавшимся из камней облицовки и забутовки разрушавшейся оборонительной стены (рис. 6), причем среди камней – масса известкового раствора с речным песком и включениями гальки, иногда довольно крупной. Свободна от камня была лишь площадь перед калиткой, где проходила тропа, ведущая в укрепление. Среди камней завала встречаются хорошо отесанные, со следами обработки топором, шпунтом и зубаткой, на некоторых – пазы, углубления для пиронов и пр. Наибольшие размеры квадров: длина – до 105 см, ширина – до 60 см, высота – около 30 см.

В районе калитки четко определились два слоя завала. Из них нижний, состоящий примерно из 12–14 крупных обработанных квадров и множества мелких бутовых камней или кусков разбитых квадров, образовался тогда, когда крепость уже была покинута, но стена только начала разрушаться (рис. 6; 7; 8). Эти камни некогда обрамляли калитку и вывалились явно одновременно, скорее всего, в результате каких-то стихийных сил, возможно, землетрясения. Второй слой завала образовался в результате медленного векового разрушения верхних частей стены, о чем свидетельствует и находка верхнего камня одного из зубцов парапета стены (рис. 7), двух плит, перекрывающих стену, образовывавших ее боевую площадку (рис. 7, № 3).

Нижний завал лежал на дневной поверхности времени, когда укрепление перестало функционировать. Нижележащий культурный слой имеет небольшую толщину – в среднем до 30 см по всей площади раскопа.

Слой состоял из рыхлого сыпучего грунта коричневого цвета, включая отдельные камни, золу, керамику и другой археологический материал (рис. 2). Нужно отметить, что по всей глубине раскопа встречались одинаковые вещи – и более ранние, и поздние, разделить их по времени практически невозможно.

Встречены плоские черепицы трех-четырех типов: ангобированные и без ангоба, из красной глины и из смеси красной и белой глин, с различными включениями в тесте (песок, известь, шамоты). В целом такую черепицу принято датировать XIII – XV вв. (рис. 9, 1). К тому же времени относится и большая часть тары – пифосов, амфор, кувшинов. Здесь нужно отметить 21 фрагмент стенок с частью ручки, принадлежавшей одной амфоре. Глина хорошо промешана, ровного розового цвета, с включением золотистых блесток в продольном сколе, на ощупь глина «мылистая». Снаружи – ангоб, хорошо сохранившийся в углублениях, стертый на выступах. Эту

амфору, вероятно, следует отнести (по аналогии с материалом из раскопок Херсонеса и Баклинского городища) к XII–XIII вв. н. э.

К таре или к кухонным сосудам можно отнести корчагу необычной формы с двумя ручками (рис. 11). Тесто сравнительно хорошо обработано, промешано. В нем много мелкого (размолотого) песка и частиц толченых раковин, ставших параллельно плоскостям стенок при формовке на быстро вращающемся круге. Сформован и обожжен сосуд небрежно: стенки разной ширины, в целом темный обжиг местами имеет желтоватый или коричневатый цвет. Верхняя и нижняя части сосуда сделаны отдельно и затем соединены.

Столовая посуда – вся поливная. Встречен мелкий фрагмент стенки белоглиняного сосуда IX–X вв., изнутри он покрыт прозрачной свинцовой поливой, слабо окрашенной в желтый цвет. Две чаши (рис. 9, 6–7; 10, 4) и кувшин удалось собрать почти полностью. Они изготовлены из красной хорошо обмученной глины с редкими мелкими белыми включениями извести. Кувшин снаружи, чаша также изнутри покрыты белым ангобом. По ангобу прозрачная полива, окрашенная в зеленый цвет, на кувшине цвет более интенсивный. Полива слегка пятнистая. Кувшин изнутри покрыт коричневой поливой с зелеными пятнами; аналогичное покрытие характерно для кухонной поливной керамики. Такие сосуды обычно датируются XV–XVI вв.

Из других находок можно отметить железные гвозди, подкову, точила, пряслице, сделанное из стенки красноглиняной амфоры, каменное грузило, фрагмент стеклянного сосуда. В северо-восточной половине раскопа группировались куски металлургического шлака. Они свидетельствуют о наличии на Сюйреньском укреплении собственного металлообрабатывающего ремесла. Очень важной, на наш взгляд, является находка трех фрагментов водопроводных керамических труб с налетом кальцита на внутренних стенках.

Интересны и находки многочисленных камней (около 500 шт.) естественно-округлой формы, которые были сложены позади башни и ведущей на нее лестницы. Они имеют различный диаметр, по большей части от 6 до 10 см, и, по всей вероятности, служили метательными «ядрами». Скорее всего, их метали просто руками, подобно тому, как описано у Эвлии Челеби по отношению к Чуфут-Кале.

При расчистке скалы зафиксированы следы хозяйственной деятельности. Это один прерывистый ряд небольших и плохо обработанных камней, образующих угол и «постели», вырубленные в скале (рис. 2). Реконструируется помещение, пристроенное к оборонительной стене, длиной 4,20–4,30 м, шириной 2,80 м. Помещение небольшое и, судя по незначительным остаткам, небрежно построенное. Возможно, это была кузница: именно в углу помещения сосредоточены находки металлургических шлаков. Здесь же найдено и большинство «ядер» (рис. 2).

Таким образом, археологические раскопки на территории с внутренней стороны калитки в западной куртине Сюйреньского укрепления предоставили в наше распоряжении данные, позволяющие реконструировать архитектурный облик крепостных сооружений. Куртины крепости венчались зубчатым парапетом, причем зубцы представляли собой монолитные известняковые блоки, треугольные в поперечном

сечении. На последнем этапе существования укрепления к западу от калитки располагалась небольшая часовня с двускатной кровлей. Контуры этой постройки четко обозначены на поверхности внутреннего панциря крепостной стены. На поверхности одного из блоков были высечены два креста и звезда. Все археологические находки укладываются в промежуток времени с рубежа IX–X и до XV–XVII вв.

Список использованных источников и литературы

1. Воронин Ю. С. Археологические раскопки Сюйреньского укрепления 1978–1979 гг. Раскоп I / Ю. С. Воронин, В. В. Майко, В. А. Кутайсов // История и археология Крыма. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – Вып. I. – С. 458–479.

Voronin Yu. S. Arkheologicheskie raskopki Syuyren'skogo ukrepleniya 1978–1979 gg. Raskop I / Yu. S. Voronin, V. V. Mayko, V. A. Kutaysov // Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2015. – Vyp. I. – S. 458–479.

2. Воронин Ю. С. Работы в Бахчисарайском районе / Ю. С. Воронин, В. Н. Даниленко, В. А. Кутайсов, Е. В. Михайловский, В. Л. Мыц, Э. Б. Петрова // Археологические открытия 1978 года. – М. : Наука, 1979. – С. 313–315.

Voronin Yu. S. Raboty v Bakhchisarayskom rayone / Yu. S. Voronin, V. N. Danilenko, V. A. Kutaysov, E. V. Mikhaylovskiy, V. L. Myts, E. B. Petrova // Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda. – M. : Nauka, 1979. – S. 313–315.

Danilenko V. N. Archeological researches of the Syuyren' fortification in the Mountainous Crimea (excavation II) / V. N. Danilenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Scince. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 39–48.

The results of archaeological research of the Syuyren' fortification are published. The excavation was held in 1978. The fortification is situated in the Mountainous Crimea, in the middle reaches of the river Belbek. Site II was located on the inner side Sally wicket gate in the Western curtain, near the round tower. The results of the work allow us to refine the chronology of the monument and the design features of the fortification wall of the object. All archaeological finds are within the period of time from the turn of IX – X and to the XV – XVII centuries.

Keywords: Kule-Burun, Syuyren' fortification, Calais, merlon, pithos, amphorae, glazed crockery.

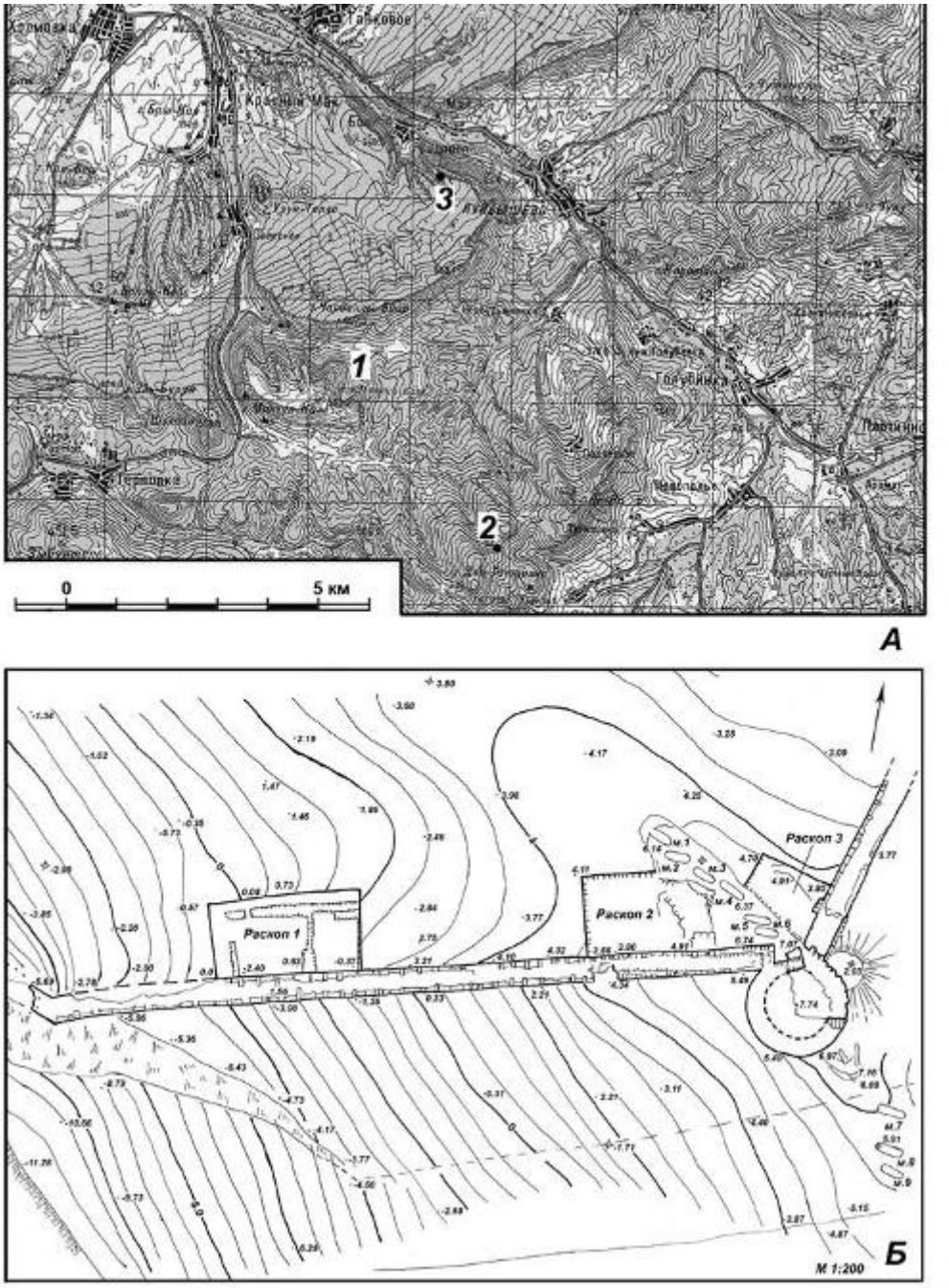


Рис. 1. Ситуационный план крепостных сооружений Сюйреньского укрепления (Куле-Бурун) с обозначением местоположения раскопов.

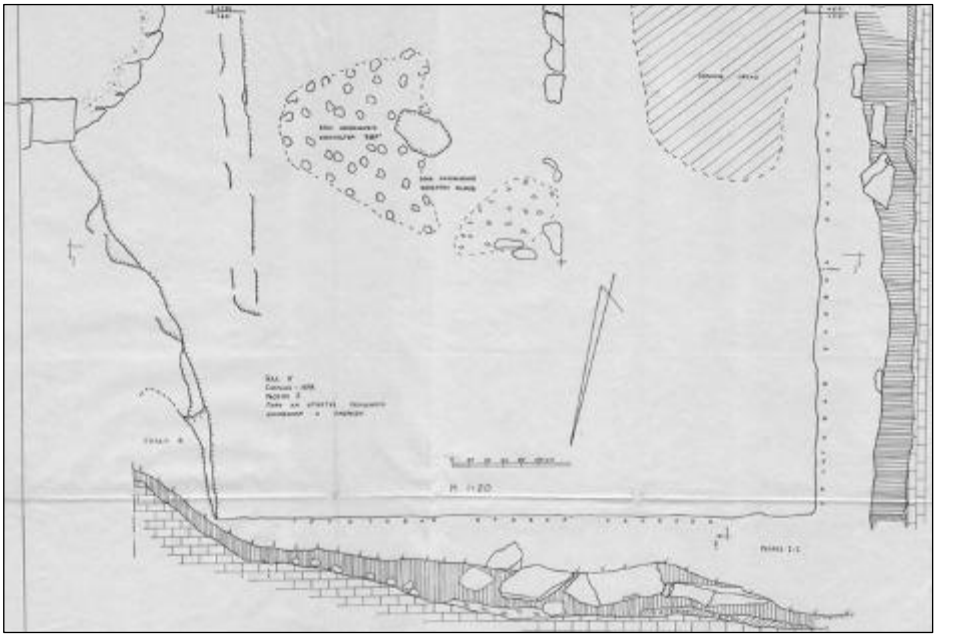


Рис. 2. План и стратиграфические разрезы раскопа II
на отметке скального основания.

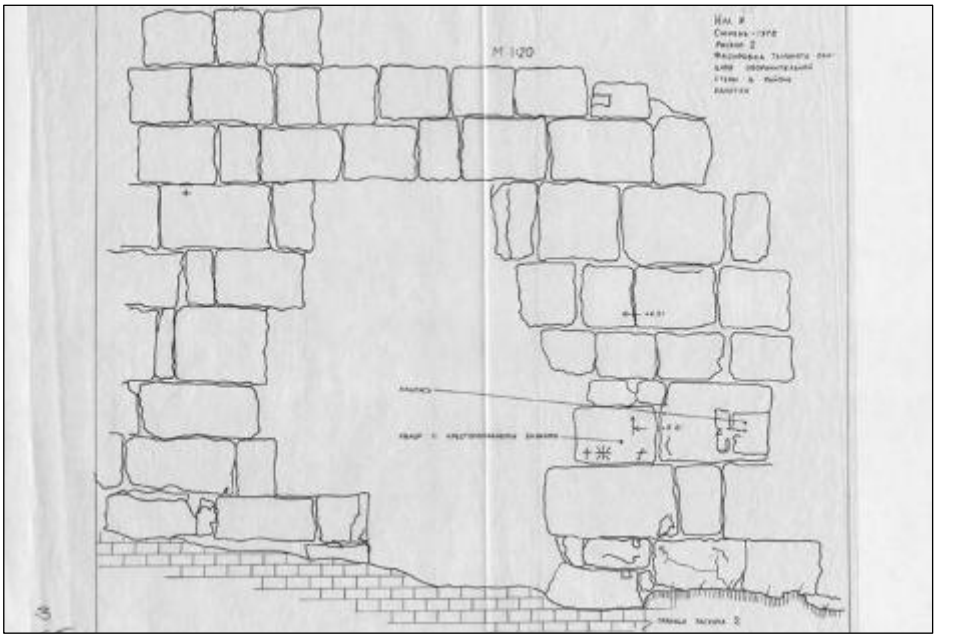


Рис. 3. Внутренний панцирь оборонительной стены
Сюйреньского укрепления в районе калитки.

Рис. 4. Надпись in situ к западу от калитки в западной куртине. Вид с севера.

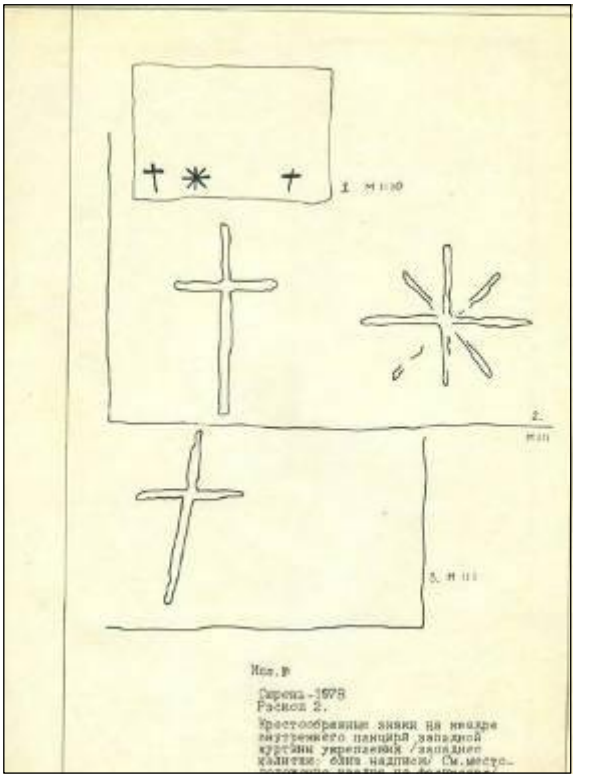


Рис. 5. Крестообразные знаки на квадре внутреннего панциря западной куртины укрепления к западу от калитки. См. местоположение знаков на фасировке крепостной стены.

Рис. 6. Каменный развал
в проеме калитки. Вид с севера.

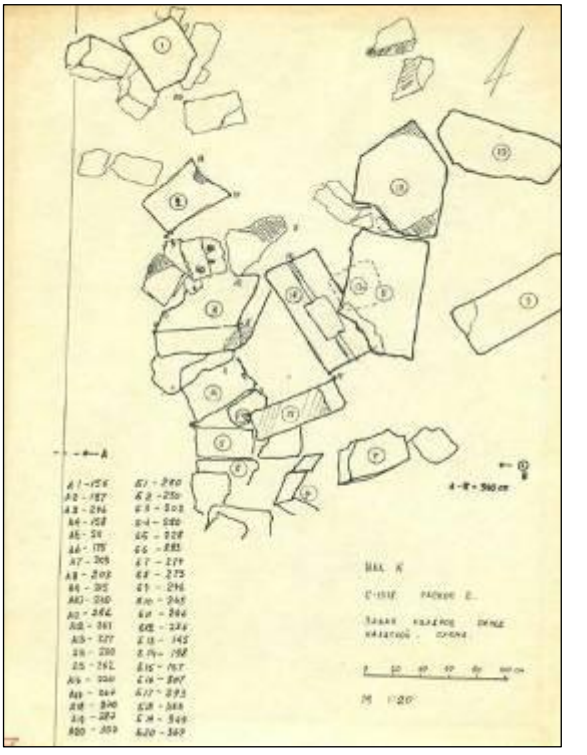
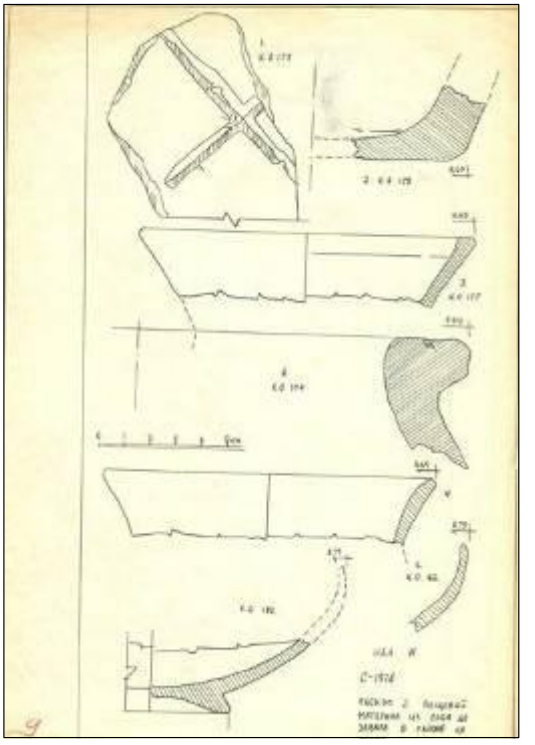


Рис. 7. а – развал квадров
перед калиткой с обозначением
высотных отметок;
б – мерлон из каменного развала
перед калиткой.

Рис. 8. Общий вид каменного развала перед калиткой.
Верхний снимок – с запада, нижний – с востока.



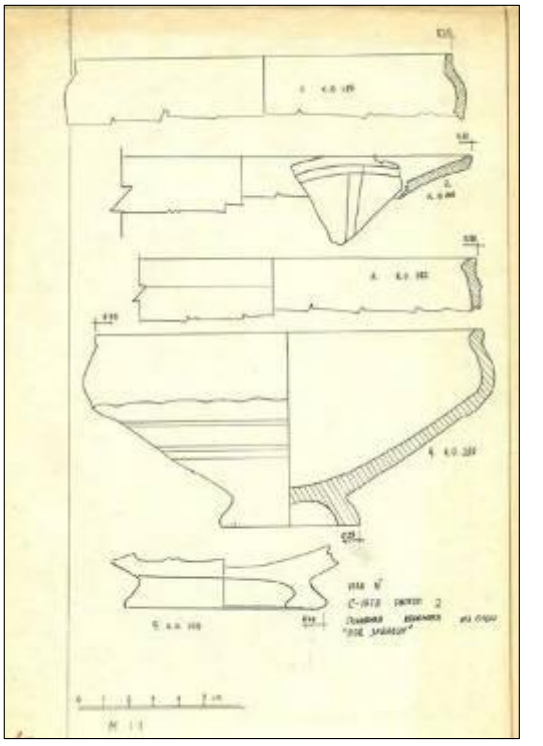
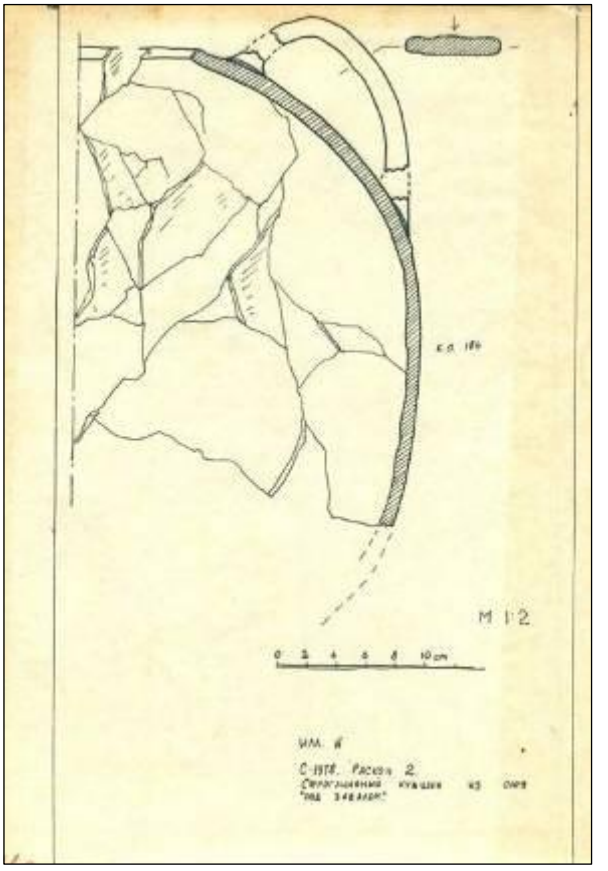


Рис. 9, 10. Археологические находки из слоя
над каменным завалом в районе калитки.



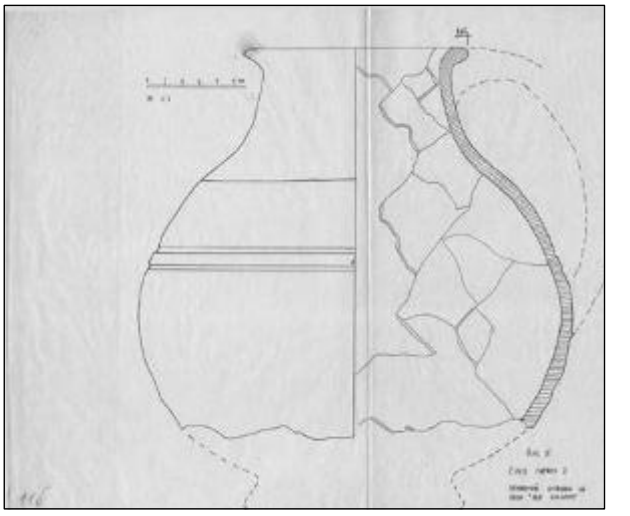


Рис. 11, 11 б. Археологические находки из слоя
над каменным завалом в районе калитки.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 49–58.

УДК 519.63

ИНТЕРПОЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ АМФОР НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ ИХ ВНЕШНИХ ОБРАЗУЮЩИХ

Даниленко В. Н.†[1], Петров И. Б.[2]

[1]Кандидат исторических наук
[2] Московский физико-технический институт, Российская Федерация
E-mail: petrov@mipt.ru

Целью работы является классификация амфор на основе интерполяционного описания их внешних форм. Для такого математического описания предполагается использование интерполяционного полинома, записанного в форме Лагранжа. Показано, что для адекватного описания внешней формы амфоры достаточно использовать полиномы не выше пятой степени. Для классификации амфор используются коэффициенты интерполяционных полиномов и их степень. Данная классификация позволяет проводить численную классификацию, то есть анализ, основанный не только на эмпирическом опыте, но и на объективных численных показателях.

Ключевые слова: математическое моделирование, археология, формы амфор, интерполяция.

Цель классификации амфор по тем или иным признакам состоит в определении места и времени их производства, а также гончарной школы (или мастера). В археологии существует несколько подходов к качественному решению этой задачи, в том числе и опыт археолога. Такой подход, разумеется, может привести к успеху (и часто приводит), однако количественная идентификация гончарного изделия способна подтвердить гипотезу либо послужить экспертизой для такой идентификации. Качественное обоснование предлагаемой гипотезы связано с тем, что, в отличие от декоративной либо столовой керамики, амфоры, использующиеся для перевозки грузов, должны иметь формы, соответствующие следующим критериям:

– удовлетворять способу транспортировки;

– удовлетворять способу хранения;

– удовлетворять условиям компактной упаковки,

– удовлетворять весовым ограничениям и в то же время прочностным требованиям;

– обладать максимально возможной вместимостью при очевидных ограничениях (амфора должна быть подъемной для одного человека); она не может иметь сферическую форму (максимальную по вместимости) вследствие неудобства последней при переноске и неоптимальности суммарного объема при хранении.

Итак, гончар, выражаясь современным языком, должен был решать задачу условной оптимизации при наличии некоторых нечетких ограничений. Как он это делал, если методы решения таких задач начали разрабатываться во времена Лагранжа и Эйлера? Очевидно, у него был один метод решения: большой эмпирический опыт его самого и его учителей – предшественников. Действительно, это хорошо извест-

ный подход к практическому решению оптимизационных задач: время и мастерство делают свое дело. Недостаток такого подхода – в необходимости затраты значительного времени на экспериментальное решение задачи; однако для наших целей это не принципиально: ведь это время у гончаров было. По-видимому, нельзя сбрасывать со счетов и пристрастия той или иной гончарной школы. Однако очевидно, что большее влияние на формы грузовых амфор оказывали условия их эксплуатации, что уже обсуждалось. Таким образом, можно предположить, что в зависимости от этих шести условий и проходило формирование форм таких амфор, столетиями оттачивалось мастерство гончарных школ, их производивших. Эти рассуждения приводят к следующей гипотезе: формы грузовых амфор образуются по вполне определенным законам, то есть не являются случайными или просто прихотью того или иного мастера или его ученика. На их формирование оказывали влияние условия эксплуатации, особенности гончарных школ, то есть можно говорить о возможности определения времени, места изготовления амфоры, а также гончарной школы. Разумеется, сказанное имеет характер правдоподобной научной гипотезы и требует, как всегда, многочисленных подтверждений. Однако в археологии большинство утверждений с точки зрения математики являются правдоподобными гипотезами, которые выдвигаются специалистами и проверяются в течение многих лет многими исследователями.

Авторы данной работы провели исследования на большом количестве амфор, что вполне достаточно для выдвижения правдоподобной научной гипотезы об идентификации форм амфор.

Перейдем к постановке задачи. Рассматриваются формы внешних образующих корпусов амфор, которые классифицируются следующим образом: все рассмотренные образующие амфор описываются одним из степенных интерполяционных полиномов от первого до пятого порядка. Амфоры разбиваются на группы: I, II, III, IV, V; группы, в свою очередь, по величине полиномиальных коэффициентов, разбиваются на подгруппы: a, b, c, d, e, g, o, p, r, s, v, i, h. Таким образом, тип амфоры описывается двумя символами, например: Vd, IIb, IVp и т. д.

Форма образующей вычерчивается в масштабе, в котором длина амфоры принимается за единицу, то есть все остальные размеры относятся к ней; корпус амфоры ограничиваем двумя точками минимума, соответствующими переходу от ножки к корпусу и от корпуса к горловине амфоры. Ножки может и не быть, тогда за минимум принимаем точку, соответствующую левой границе области интегрирования.

К одному типу отнесем амфоры, внешние образующие которых в относительном масштабе совпадают в пределах погрешности, возникающей, например, при вычерчивании внешней границы корпуса сосуда в указанном масштабе, определении граничных точек минимума. Как показала вычислительная работа, эта погрешность составляет не более 5 процентов от длины корпуса. Откладывается погрешность по нормали к каждой точке внешней образующей сосуда. Разумеется, существует еще один тип погрешности – разброс, возникший в процессе работы гончара, который работал на гончарном круге, а не оттискивал сосуды в готовой форме. Учет такой

ошибки затруднителен, но, по-видимому, производство грузовых амфор было отлажено, так как изучение форм образующих показало, что амфоры хорошо подразделяются на указанные типы в пределах 5-процентной погрешности, и можно предположить, что эта ошибка лежит в указанных пределах.

Несколько слов об интерполяционных формулах, поскольку они хорошо известны вычислительной математике.

Постановка задачи интерполяции, как известно, формулируется следующим образом: восстановить вид интерполируемой функции, если известные ее значения $f(x_i)$ в точках x_i, $i = 0,1,\ldots,N$. При этом мы предполагаем, что интерполируемая функция *f(x)*, которую мы приближаем интерполяционным полиномом *N*-ой степени должна иметь *(N+1)*-ю производную, что следует из вида остаточного члена полинома:

$$R_N = \frac{f^{(N+1)}(\xi)}{(N+1)!}(x - x_0)(x - x_1)\ldots(x - x_N),$$

где $f^{(N+1)}(\xi)$ - *(N+1)*-я производная функции *f(x)*, *x* – аргумент нашей функции, x_i – точки интерполяции, точка ξ принадлежит отрезку интерполирования: $\xi \in [0,1]$, $x_i \in [0,1]$, $i = 0,1,\ldots,N$. Тем самым мы предъявляем определенные требования к гладкости функции, которая описывает внешнюю форму амфоры. Как показали расчеты, все внешние образующие исследуемых сосудов вполне удовлетворительно описывались полиномами порядка $1 \div 5$, то есть мы предполагали существование третьей ограниченной производной у *f(x)* при интерполяции полиномом второй степени, четвертой – при интерполяции полиномом третьей степени, пятой – при интерполяции полиномом четвертой степени, шестой – при интерполяции полиномом пятой степени. Практически это условие выполнялось всегда при интерполяции полиномами до пятой степени включительно для исследованных амфор. Исследование полиномом более высоких степеней может привести к появлению лишних экстремумов в профилях образующих сосудов из-за предъявления больших требований к гладкости интерполируемой функции (наличие ограниченных производных до седьмого порядка и выше). Однако вычислительная практика показала, что использования интерполяционных полиномов с первой по пятую степень вполне достаточно для решения поставленной задачи.

Интерполяционный полином первой степени, записанный в форме Лагранжа, имеет вид:

$$P_1(x) = f(x_0)\frac{x - x_1}{x_0 - x_1} + f(x_1)\frac{x - x_0}{x_1 - x_0}.$$

Этот же полином можно представить в виде $P_1(x) = ax + b$, где

$$a = \frac{f(x_1) - f(x_0)}{x_1 - x_0},$$

$$b = \frac{x_1 f(x_0) - x_0 f(x_1)}{x_1 - x_0}.$$

Полином второй степени имеет вид:

$$P_2(x) = f(x_0)\frac{(x-x_1)(x-x_2)}{(x_0-x_1)(x_0-x_2)} + f(x_1)\frac{(x-x_0)(x-x_2)}{(x_1-x_0)(x_1-x_2)} + f(x_2)\frac{(x-x_0)(x-x_1)}{(x_2-x_0)(x_2-x_1)}.$$

Этот полином также можно представить в виде

$P_2(x) = ax^2 + bx,$ где коэффициенты a и b можно вычислить, например по формулам:

$$a = \frac{f(x_2) - 2f(x_1)}{2h}, \quad b = \frac{2x_2 \cdot f(x_1) - x_1 f(x_2)}{2h^2},$$

$$h = x_2 - x_1 = x_1 - x_0.$$

Приведем также вид полинома третьей степени:

$$P_3(x) = f(x_0)\frac{(x-x_1)(x-x_2)(x-x_3)}{(x_0-x_1)(x_0-x_2)(x_0-x_3)} + f(x_1)\frac{(x-x_0)(x-x_2)(x-x_3)}{(x_1-x_0)(x_1-x_2)(x_1-x_3)} +$$

$$+ f(x_2)\frac{(x-x_0)(x-x_1)(x-x_3)}{(x_2-x_0)(x_2-x_1)(x_2-x_3)} + f(x_3)\frac{(x-x_0)(x-x_1)(x-x_2)}{(x_3-x_0)(x_3-x_1)(x_3-x_2)},$$

который может быть представлен в виде $P_3(x) = ax^3 + bx^2 + cx,$ где

$$a = \frac{f(x_1) - f(x_2) + f(x_3)/3}{2h^3},$$

$$b = \frac{4f(x_2) - 5f(x_1) + f(x_3)}{2h^2},$$

$$c = \frac{6f(x_1) - 3f(x_2) + 2f(x_3)/3}{2h},$$

$$h = x_3 - x_2 = x_2 - x_1 = x_1 - x_0.$$

Общая формула для интерполяционного полинома в форме Лагранжа имеет вид:

$$P_N(x) = \sum_{i=0}^{i=N} f(x_i) \prod_{\substack{j=0 \\ j \neq i}}^{j=N} \frac{x - x_j}{x_i - x_j}.$$

Перейдем к рассмотрению результатов интерполяционных приближений внешних образующих форм амфор.

На рис. 1–5 представлены графики внешних образующих исследуемых сосудов – соответственно I–V групп. Подгруппы обозначены на графиках. Здесь представлены усредненные формы образующих амфор, то есть формы, получившиеся усреднением по правилу среднего арифметического от координат нескольких сосудов. На рис. 1

представлены типы Id, Ie, Ig, Ir; на рис. 2 – IIb, IIs; на рис. 3 – IIIa, IIIv; на рис. 4 – IVc, IV σ , IVp, IVh; на рис. 5 – Vi.

На рис. 1 показан результат интерполяционного приближения сосуда типа Id (сплошная) двумя полиномами первой степени (двумя отрезками прямых) вида (штриховые):

$$f(x) = ax + b,$$

где

$$a = \begin{cases} 0{,}35,\ 0 \le x \le 0{,}82 \\ -1{,}1,\ 0{,}82 \le x \le 1, \end{cases}$$

$$b = \begin{cases} 0,\ 0 \le x < 0{,}82 \\ 1{,}19,\ 0{,}82 \le x \le 1. \end{cases}$$

Заметим, что координаты пересечения двух прямых для всех типов исследуемых сосудов отличались не очень существенно: $x \approx 0{,}74 \div 0{,}86,$ то есть не более 12 процентов от длины корпуса; углы полурастворов корпусов варьируются от arctg(0,35) до arctg(0,48).

Отметим, что такие формы сосудов наиболее удобны для переноски и при установке в песок на днище корабля. Однако они не оптимальны с точки зрения вместимости, то есть максимального объема для хранения содержимого (далеки от сферичной).

На рис. 7 представлены графики осредненной образующей (сплошная линия) и образующей, получившейся в результате интерполяции (штриховая линия). Видно вполне удовлетворительное совпадение. Заметим, что такая форма наиболее близка из всех рассмотренных к сферической и является наиболее оптимальной с точки зрения вместимости (наибольший объем при одинаковой площади поверхности имеет, как известно, сфера). Однако ручная транспортировка такого сосуда неудобна; кроме того, такая форма не является оптимальной при компактной упаковке многих сосудов, например, на днище корабля. Отсюда можно сделать выводы о назначении такого сосуда: по-видимому, он не был предназначен для частых и дальних перемещений. На рис. 8, 9 представлено аналогичное сопоставление для групп III и IV, то есть сосудов, внешние образующие которых наиболее хорошо описываются полиномами 3-го и 4-го порядков. Совпадение кривых хорошее. Для сосудов, образующие которых описываются полиномами 5-й степени (рис. 5), совпадение оказалось в пределах погрешности самого рисунка, что объясняется высокой степенью точности интерполяции полиномами 5-й степени. Заметим, что «двугорбые» профили сосудов удается приближать полиномами степени не ниже четвертой.

Стоит также отметить, что толщина сосудов также выбиралась из экспериментального решения оптимизационной задачи. С одной стороны, стенка должна быть достаточно прочной, чтобы не разрушиться при случайном ударе, с другой – достаточно тонкой, чтобы сосуд был подъемным. Пористость сосуда также имела известный смысл: она обеспечивала его охлаждение за счет испарения находящейся в нем жидкости. Таким образом, проектирование амфоры представляет

собой многопараметрическую задачу условной оптимизации, которую древние гончары решали, разумеется, экспериментально.

Danilenko V. N. Interpolation approach for the amphora classification based on the study of their external form / V. N. Danilenko, I. B. Petrov // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 49–58.

The present work classifies amphoras with interpolation description of their outside forms. The use the interpolation polynomial in the Lagrange form is suggested to such a mathematical description. It was shown, that for an adequate description of the outside amphora forms we can use polynomial 2-nd, 3-nd, 4-th and 5-th degree. For amphora classification the polynomial coefficient and there degree are used. This type of classification allows to realize numerical amphora classification.

Keywords: mathematical modeling, archaeology, forms of amphora, interpolation.

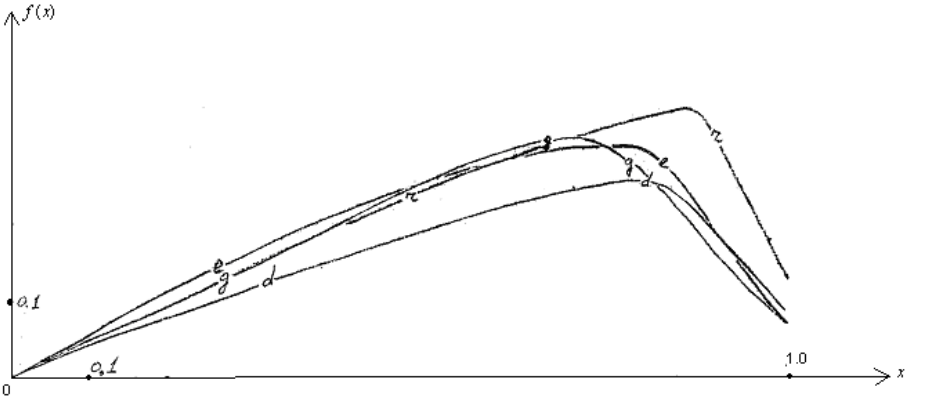


Рис. 1.

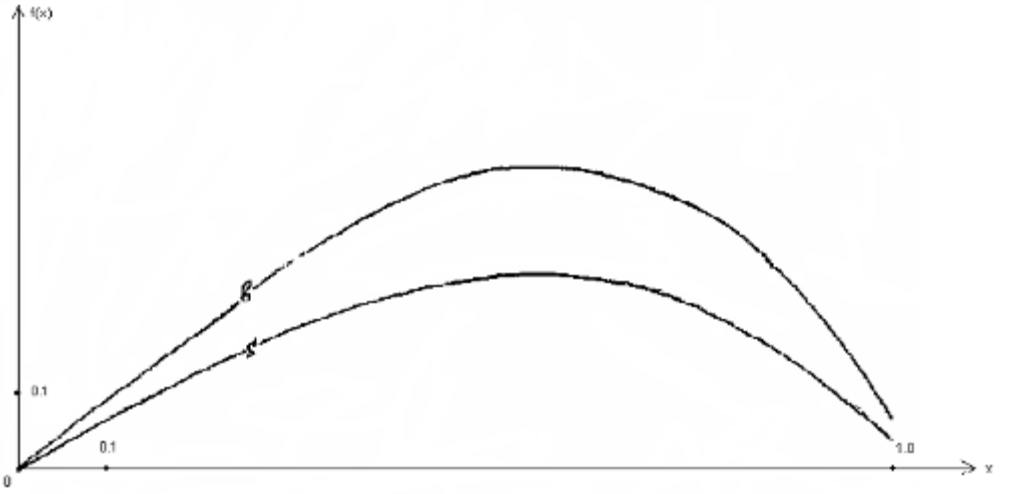


Рис. 2.

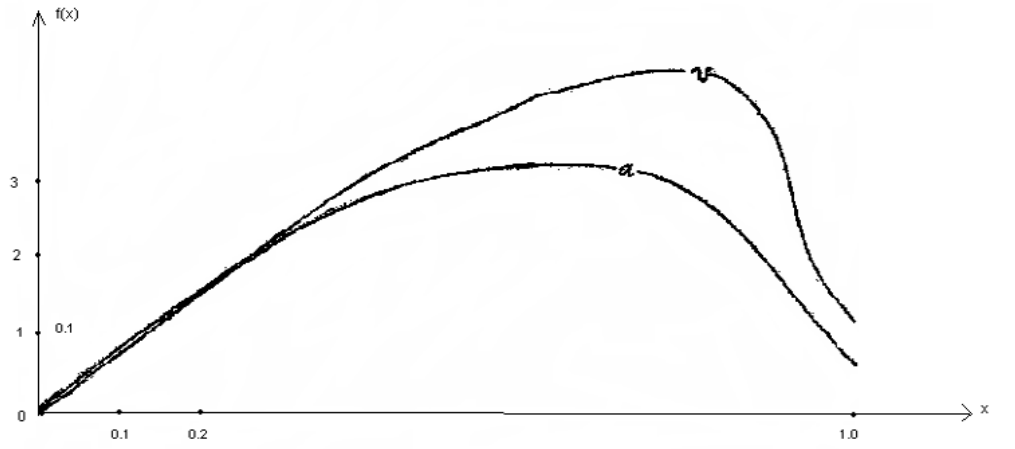


Рис. 3.

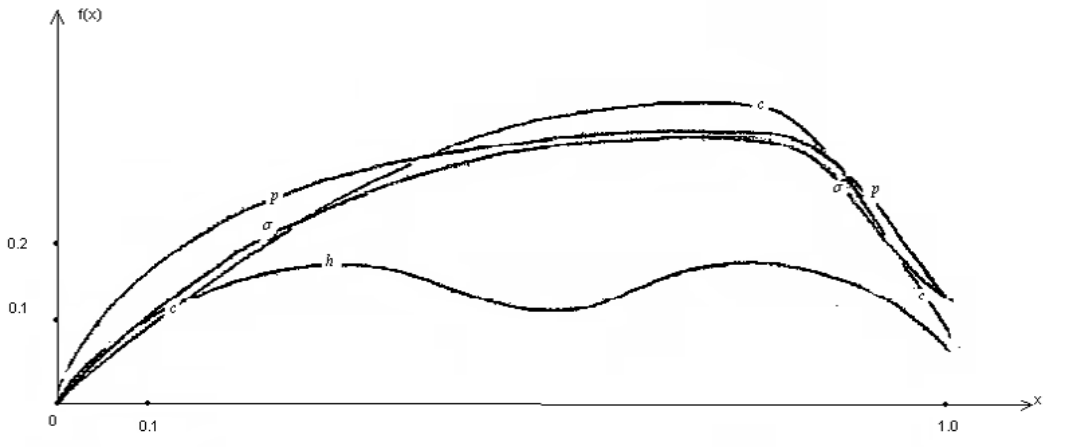


Рис. 4.

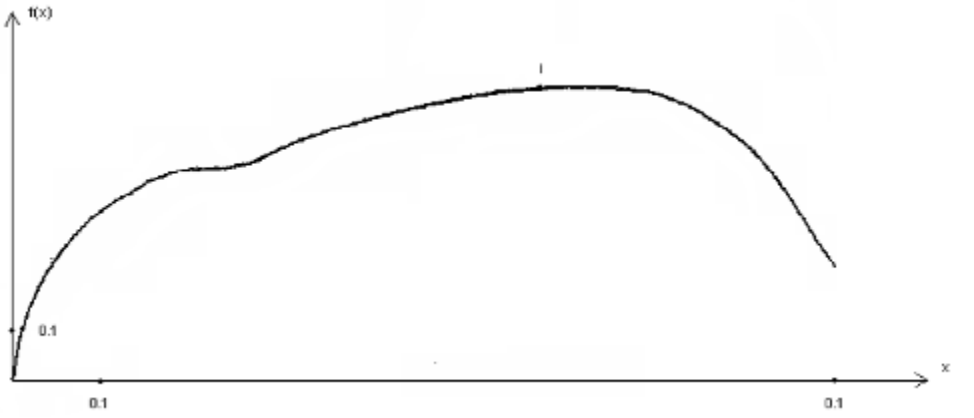


Рис. 5.

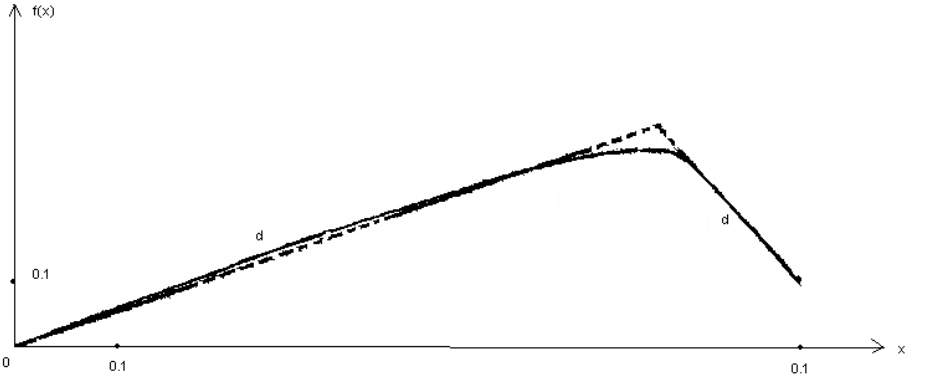


Рис. 6.

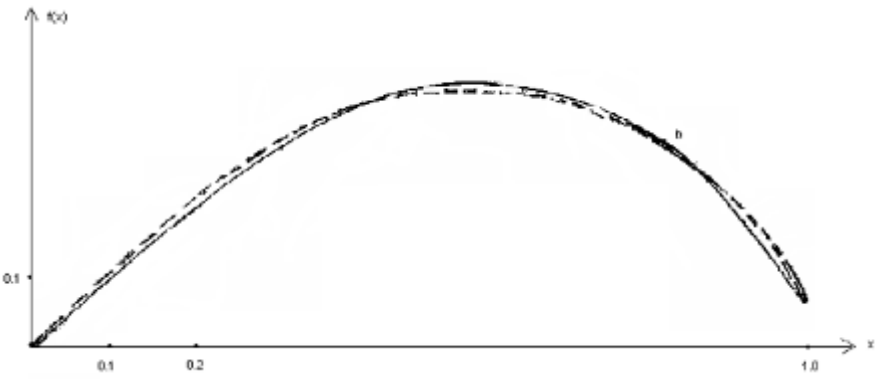


Рис. 7.

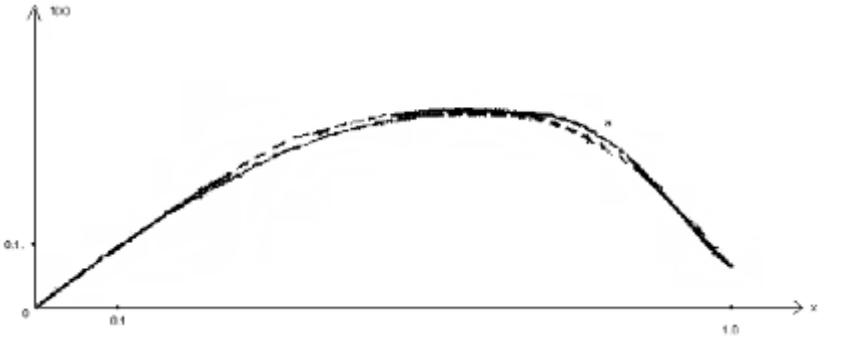


Рис. 8.

Рис. 9.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 59–69.

УДК 737

ПОЗДНЕРИМСКИЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПЛОМБЫ ИЗ ХЕРСОНА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ[1]

Алексеенко Н. А., Нессель В. А.

Федеральное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник ''Херсонес Таврический''», Севастополь, Российская Федерация E-mail: chembalo@yandex.ru; v_nessel@mail.ru

В научный оборот вводятся новые находки свинцовых пломб позднеримского и ранневизантийского времени, обнаруженные в Херсонесе и его окрестностях. По иконографии изображений, по форме и манере изготовления эти находки можно разделить на четыре группы. Аналогии сюжетам на пломбах имеются среди монет, жетонов и тессер, а также среди изображений на резных камнях.

Ключевые слова: свинцовые пломбы, позднеантичный и ранневизантийский период, Херсон, памятники сфрагистики.

Среди сфрагистических памятников Херсона известны как традиционные двусторонние свинцовые печати ранневизантийского времени (VI–VII вв.), так и их предшественники IV–V вв. – пломбы характерного внешнего вида (конус или полусфера), несущие изображения только на одной стороне.

Некоторые из них ранее уже были опубликованы [1, с. 366–367, № 1; 2, с. 24, рис. 5; 3, с. 58–59, рис. 18.6; 4, с. 206, № 12], но большинство впервые вводятся в научный оборот.

Однако прежде чем перейти непосредственно к описанию и анализу новых херсонесских памятников, следует отметить, что исследование свинцовых позднеантичных и ранневизантийских конусовидных пломб до сих пор не занимает отдельного направления в сфрагистике. По образному выражению Г. Дембски, им отводится роль «дамы, которую никто не приглашает на танец на балу» [5, p. 82], другими словами – из-за не слишком хорошей сохранности, характерной для значительной части этих находок, а также в силу их немногочисленности они в лучшем случае публикуются среди «прочих изделий из свинца» в каталогах различных коллекций и собраний [6, p. 91–109]. Нет ни единого исследовательского подхода, ни методики для их изучения и систематизации и, самое главное, для датировки этой группы сфрагистического материала. В идеале, конечно, когда дата того или иного памятника устанавливается по комплексному анализу всего сопутствующего археологического материала; однако большинство конусовидных пломб – это случайные или разрозненные находки, что значительно усложняет определение их возраста и периода использования. Только на основании технологических особенностей, а также изучения

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

изображения можно определить время их бытования, при этом особенное внимание уделяется собственно иконографии изображения.

Как правило, аналогии сюжетам на пломбах имеются среди монет, жетонов и тессер, а также среди изображений на резных камнях [6, p. 107, nos. L 219, L 220, pl. 27; 7, p. 189–191, nos. 187–205, pl. VII, nr. 23].

Вводимые в научный оборот пломбы происходят из двух государственных собраний – Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), а также из нескольких частных коллекций (Севастополь, Москва)[1]. Все эти находки в разное время были обнаружены как на территории самого Херсонеса, так и в его округе. Среди новых находок имеются пломбы с самыми разнообразными, хотя и традиционными для этой группы памятников изображениями. Это, прежде всего, одиночные или парные изображения императоров, портреты частных лиц, фигуры античных божеств, аллегорические сюжеты, монограммы, а также различные изображения представителей флоры и фауны.

В настоящее время нам удалось выделить тринадцать пломб с односторонним изображением, из которых одиннадцать имеют конусовидную форму, и две двусторонние печати. По манере оттиска и внешнему виду этим памятники можно разделить на четыре группы.

Первая группа – изделия с четкими оттисками правильной круглой формы. Как правило, изображение на них заключено в линейный или жемчужный ободок; хорошо оттиснуто, с отчетливо видными мелкими деталями. В эту группу, прежде всего, входят пломбы с портретами официальных лиц (императоров?), надо полагать, имевшие значение официального документа. В качестве примера укажем на хорошо известные пломбы с парными изображениями императоров Марка Аврелия и Луция Вера, Марка Аврелия и Коммода из собрания музея Лиона [8, p. 2, 8, nos. 5, 7, 8, 33; pl. I].

Как правило, на пломбе представлен один портрет.

1. Частная коллекция (рис. 1: 1)

Размер – 15 х 17 мм.

Случайная находка в округе Херсонеса.

Не издана.

Аверс. Мужской бюст влево в жемчужном ободке. Легенды нет.

Реверс. Конус.

Дата: IV–V вв.

Но иногда на пломбе можно наблюдать два портрета или даже более [3, с. 58–59, рис. 18. 6; 9, с. 37–38, № 1–2].

2. музей-заповедник «Херсонес Таврический» (инв. 37377/41) (рис. 1: 2).

Размер – 15 х 17 мм.

Из раскопок южного квартала Херсонеса (раскопки Е. Ю. Клениной, А. Б. Бернацки) [3, с. 58–59, рис. 18.6].

[1] Авторы выражают глубокую благодарность сотрудникам фондов ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», а также Е. В. Степановой (Государственный Эрмитаж) и частным коллекционерам И. Горшкову (Москва) и Ю. Цепкову (Севастополь) за предоставленную возможность ознакомления с материалом и его публикации.

Аверс. Два мужских бюста, обращенных друг к другу в жемчужном ободке. Сверху между головами шестиконечная звезда. Легенды нет.

Реверс. Конус.

Дата: IV–V вв.

Сюда же, по-видимому, можно отнести и пломбу с мастерски выполненным портретом, вероятно, кого-то из высокопоставленных особ, снабженную также и именем владельца.

3. Частная коллекция (рис. 1: 3).

Размер – 13 х 16 мм (D матрицы – 14 мм).

Случайная находка в Херсонесе.

Не издана.

Аверс. Мужской бюст в тунике, вправо в линейном ободке; голова обнажена. По кругу греческая надпись, начинающаяся внизу слева: ΥΕΟSΕΒΙΟΧ– Феосебий.

Реверс. Конус.

Дата: V–VI вв.

Следует отметить, что данное портретное изображение имеет близкие аналогии с портретами императоров как на мелких общеимперских денежных эмиссиях Анастасия I, Юстина I и Юстиниана I [10, pl. 3.37-40, 7.25-33, 11.76-78, 29.252-253], так и на городских херсонских выпусках того же периода [11, табл. XXII, 310-314; 12, табл. I–II; 13, с. 40–43].

На наш взгляд, к этой же группе также принадлежат и две пломбы с монограммой и надписью вокруг нее.

4–5. государственный Эрмитаж (м-8725, м-12217) (рис. 1: 4, 5).

Обе пломбы имеют одинаковые размеры – 13 х 18 мм (D матрицы – 14 мм).

Одна происходит из коллекции Н. П. Лихачева, приобретена в Севастополе.

Другая – из раскопок на Северном берегу Херсонеса (раскопки Ю. П. Калашника).

Аверс. Христограмма в ободке из слившихся в линию жемчужин. По кругу греческая надпись – имя или анаграмма, которая пока не поддается расшифровке: 4) – SS.SFB; 5) – +SS0OSFB.

Реверс. Конус.

Дата: V–VI вв.

Первая пломба хорошо известна среди давно изданных памятников сфрагистики VI – первой половины IX в., происходящих с территории городища Херсонеса [4, с. 206, № 12]. Опубликовавшая находку И. В. Соколова не дает даты для этого памятника. Надпись предлагается в варианте: BSS.sF– без какой-либо расшифровки. Отметим также, что на карточке Н. П. Лихачева в фондах Государственного Эрмитажа рукой ученого сделана пропись надписи в иной последовательности литер: SFBaSS.

Вполне вероятно, что Н. П. Лихачев предполагал начало надписи с традиционного слова SFRaGIS– «печать», за которым должно было следовать имя владельца. Однако наличие крестика сверху христограммы, который не сохранился на экземпляре Н. П. Лихачева, дает возможность представить начало и направление формирования легенды, в то же время преобладание согласных букв не позволяет расшифровать

надпись как имя владельца. Вероятнее всего, на пломбе представлена некая анаграмма одного из библейских изречений, которые фигурируют на отдельных ранневизантийских моливдовулах [14, с. 111–114, № 3–4] или предметах мелкой пластики [15, с. 80–83], в нашем случае, очевидно, связанных с именем Христа.

Другая группа памятников – пломбы с оттисками круглых или овальных очертаний. Изображения на них в абсолютном большинстве довольно расплывчатые, что в известной мере затрудняет их идентификацию. По сравнению с первой группой оттиск здесь достаточно сильно вдавлен, ободка не имеет и зачастую децентрирован. Сюжеты, как правило, носят аллегорический характер. Здесь зачастую присутствуют изображения представителей флоры или фауны.

На одной из пломб изображена пальма, на другой – изображение, напоминающее цветок граната.

6. Частная коллекция (рис. 1: 6).

Размер – 14 х 18 мм.

Случайная находка в округе Херсонеса.

Аверс. Изображение пальмового дерева, по сторонам – возможно, две литеры.

Реверс. Конус.

Не издана.

Дата: IV–V вв.

7. музей-заповедник «Херсонес Таврический» (инв. № 5335) (рис. 1: 7).

Размер – 13 х 18 мм (D матрицы – ок. 11 мм).

Из раскопок Херсонеса (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича).

Аверс. Неясное изображение (цветок граната или розетта?). Легенды нет.

Реверс. Усеченный конус.

Не издана.

Дата: IV–V вв.

Следует отметить, что близкие изображения пальмового дерева хорошо известны по находкам римских тессер и жетонов [7, p. 189–191, 272, nos. 187–205, 783, pl. VII, nr. 23], а разнообразные варианты изображения цветов, в том числе розетт, встречаются на жетонах позднеэллинистического и римского времени [6, p. 107, nos. L 219, L 220, pl. 27].

Зооморфный стиль представлен пломбой, на которой изображена фигура льва.

8. Частная коллекция (рис. 1: 8).

Размер – 14 х 15 мм (D матрицы – 12 мм).

Случайная находка в Херсонесе.

Аверс. Изображение фигуры зверя с высоко поднятым хвостом и откинутой назад головой вправо в линейном ободке. Легенды нет.

Реверс. Конус, близкий к полушарию.

Не издана.

Дата: IV–V вв.

Также среди изображений присутствуют и мифологические сюжеты.

На одной из пломб, вероятнее всего, представлено изображение Леды и лебедя.

9. Частная коллекция (рис. 1: 9).

Размер – 13 х 17 мм.

Случайная находка в окрестностях Херсонеса.

Аверс. Слева – женская фигура (Леда ?); справа – птица с длинной шеей (лебедь, цапля?) Легенды нет.

Реверс. Конус.

Не издана.

IV–V вв.

На другой пломбе – бюст одного из женских божеств с неясным изображением справа, отождествить которое не представляется возможным из-за плохой сохранности памятника.

10. Частная коллекция (рис. 1: 10).

Размер – 14 х 17 мм.

Случайная находка в окрестностях Херсонеса.

Аверс. Женский (?) бюст вправо в жемчужном ободке. Справа от него – неясное изображение. Легенды нет.

Реверс. Конус.

Не издана.

IV–V вв.

На последней пломбе этой серии изображен фантастический зверь со змеевидным хвостом, слева от которого, очевидно, находится женская фигура, в которой, надо полагать, в соответствии с мифологией, следует видеть красавицу Андромеду, приготовленную в жертву дракону.

11. Частная коллекция (рис. 1: 11).

Размер – 12 х 14 мм.

Случайная находка в окрестностях Херсонеса.

Аверс. Изображение фигуры фантастического зверя со змеевидным хвостом (дракона ?) влево. Слева подобие человеческой фигуры. Легенды нет.

Реверс. Конус, близкий к полушарию.

Не издана.

Дата: IV–V вв.

Существует мнение, что прототипами или даже матрицами для таких оттисков служили геммы или же металлические кольца с вырезанными на их щитках изображениями [5, p. 94–95]. Практика использования резных камней в качестве личных печатей была хорошо известна в античном мире. На дошедших до наших дней образцах печатей исторических лиц классической древности преобладают именно изображения мифологических сцен и персонажей [16, с. 7–13]. Судя по сюжетам на пломбах, объединяемых нами во вторую группу, можно предположить, что все они использовались частными лицами.

Различия имеются и в способе оформления обратной стороны пломб. У большинства экземпляров тыльная сторона имеет вид усеченного конуса с проходящим насквозь каналом для шнура, который, как правило, подходил вертикально относительно изображения на лицевой стороне. Однако имеются примеры, когда шнурок проходит и горизонтально.

Что касается самих изображений на позднеантичных и ранневизантийских свинцовых пломбах из Херсонеса, то определенные аналогии мы зачастую находим среди изображений на геммах, тессерах и жетонах этого времени, а в отдельных случаях (как изображение цветка) – и на более ранних памятниках [7, p. 135-1, pl. VII, no 36; 6, p. 107, pl. 27, nos. L 219, L 220].

Третья группа пломб представляет следующий этап развития сфрагистических памятников. Это также односторонние памятники, но они уже не конусовидной формы. Скорее всего, они имеют торговый характер, так как на оборотной стороне отпечатана структура ткани. Надо полагать, эти пломбы опечатывали некие тюки с товарами, подобно хорошо известным моливдовулам коммеркиариев с отпечатками мешковины [17, p. 19–24, nos. 2–7].

Первая пломба этой группы, как и некоторые предыдущие, имеет парное изображение.

12. музей-заповедник «Херсонес Таврический» (инв. 37560/7) (рис. 2: 1).

Размер – 17 х 28 мм.

Из раскопок подводной экспедиции в акватории Херсонеса (раскопки Р. Н. Рейды).

Не издана.

Аверс. Два бюста святых, одетых в хламиды, анфас. Вокруг голов нимбы. Сверху между головами крест с расширяющими концами. Легенды нет.

Реверс. Без изображения (оттиск ткани).

Дата: V в.

Отсутствие эпиграфики на пломбе в известной мере затрудняет персонификацию изображенных на ней святых. В то же время сохранность памятника позволяет увидеть, что правый персонаж имеет курчавую прическу и короткую бороду, а левый – солидную лобовую залысину и узкую удлиненную бороду, что полностью соответствует иконографии парного изображения апостолов Петра и Павла (на нашей пломбе, соответственно, Павла – слева, а Петра – справа).

Возможно, этот памятник имеет какое-то отношение к упаковке церковных товаров.

Вторая пломба также несет на себе священные изображения.

13. музей-заповедник «Херсонес Таврический» (инв. 37560/8) (рис. 2: 2).

Размер – 16 х 19 мм.

Из раскопок подводной экспедиции в акватории Херсонеса (раскопки Р. Н. Рейды).

На оборотной стороне – разрыв металла по всей длине канала.

Не издана.

Аверс. Трехфигурная композиция, анфас. В центре человеческая фигура по-коленно, по сторонам две фигуры в нимбах, в рост, обращенные и протягивающие руки в сторону центральной. Сверху стилизованное изображение святого Духа. Легенды нет.

Реверс. Без изображения (оттиск ткани).

Дата: V в.

Представленное на пломбе изображение полностью соответствует библейской сцене Рождества Христова – Богоявлению в его ранних версиях, где в сцене участвуют лишь Христос, Иоанн Предтеча и Ангелы. В нашем случае присутствует лишь один. К сожалению, сохранность памятника (изображения покрыты толстым слоем окислов)

удовлетворительная, и трудно определить, где находится Иоанн Предтеча, а где Ангел. Тем не менее построение композиции и наличие схематического изображения Святого Духа, близкого по типу изображениям на некоторых византийских иконах, не оставляет сомнения, что перед нами аллюзия на библейскую сцену Крещения Господня.

Возможно, что данный памятник, как и предыдущая пломба, относится к торговым операциям, каким-то образом связанным с церковью.

Особый интерес для истории Херсонеса имеют находки, включенные нами в четвертую группу, – самые ранние печати с уже двусторонними изображениями. В нашем случае – это два экземпляра, оттиснутые одной парой матриц, с портретными изображениями двух императоров V в.

14–15. Частная коллекция. (м-040, м-282) (рис. 2: 3, 4).

Размер – 14) 22 х 23 мм (D матрицы – 18 мм); 15) 16 х 18 мм (D матрицы – 17 мм).

Обе печати происходят с территории Херсонеса.

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию точек погрудные изображения двух безбородых императоров, одетых в мантии и плащи, закрепленные на плечах фибулами, на головах скорее диадемы, чем повязки (подвески практически не просматриваются!). Слева портрет старшего. Вверху между фигурами крест. Легенды нет.

Реверс. Изображение фигуры стоящей анфас крылатой Ники, держащей в обеих руках венки. Легенды нет.

Первая булла (№ 14, рис. 2: 3) уже была издана ранее [1, с. 366–367, № 1].

Дата: первая половинаV в.

По мнению исследователей, в представленных на этих моливдовулах портретных изображениях можно видеть или сыновей императора Феодосия I – Аркадия и Гонория [18, с. 19, № 1], или со-императоров Феодосия II и Валентиниана III [19, p. 51–52, nr. 1]. Примечателен и сюжет оборота печатей. Подобное изображение Ники-Виктории с венками в руках хорошо известно по византийским именным буллам императоров Зинона (474–491), Анастасия I (491–518), Юстиниана I (527–565) и Юстина II (565–578) [18, с. 21–25, № 5–15]. Но его истоки, очевидно, пришли в византийскую сфрагистику из нумизматики позднеримской эпохи. Изображение Виктории, держащей венок и сферу, хорошо известно и на западе, и на востоке империи по эмиссиям золотых тремисов, начиная с Аркадия и Гонория вплоть до Зинона [20, pl. 4, 13, 19, 21, 23–25, 28–29, 32–33, nos. 82–83, 319–327, 487–489, 538–547, 613–615, 625–626, 646–654, 715, 751–754, 820–821, 839–840].

Херсонские буллы, видимо, являют пример самого раннего появления этого сфрагистического типа на позднеримских печатях в первой половине V столетия и его широкого использования на византийских моливдовулах до начала последней четверти VI в., когда ему на смену пришло изображение Богоматери.

Таким образом, представленные ныне ранние свинцовые пломбы и печати из Херсонеса-Херсона и его ближайшей округи показывают, что практика использования здесь для обеспечения имперских политико-административных и торгово-экономических коммуникаций хорошо известных византийских моливдовулов имеет более глубокие корни и восходит еще к IV–V вв., неся в себе характерные элементы классической позднеримской традиции с использованием типичных для той эпохи мотивов и сюжетов.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеенко Н. А. Несколько новых находок ранневизантийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму / Н. А. Алексеенко // Сугдейский сборник. Вып. IV / под ред. Н. М. Куковальской. – Киев ; Судак : Горобец, 2010. – С. 365–375.

Alekseenko N. A. Neskol'ko novykh nakhodok rannevizantiyskikh molivdovulov na territorii Ukrainy i v Krymu / N. A. Alekseenko // Sugdeyskiy sbornik. Vyp. IV / pod red. N. M. Kukoval'skoy. – Kiev ; Sudak : Gorobets, 2010. – S. 365–375.

2. Aleksejenko N. A. Sfragistyka bizantyńska. Molibdoboule Chersonu. – Poznań : Instytut Historii UAM; Poznań : Zaklad Graficzny UAM, 2015. – 116 s.

3. Бернацки А. Б. Квартал 55 с пятиапсидным храмом в Херсонесе Таврическом (IV/III в. до н. э. – XIV в. н. э.). Т. 3. Повседневная жизнь / А. Б. Бернацки, Е. Ю. Кленина. – Poznań : Instytut Historii UAM; Poznań : Zaklad Graficzny UAM, 2016. – 496 с.

Bernatski A. B. Kvartal 55 s pyatiapsidnym khramom v Chersonese Tavricheskom (IV/III v. do n. e. – XIV v. n. e.). T. 3. Povsednevnaya zhizn' / A. B. Bernatski, E. Yu. Klenina. – Poznań : Instytut Historii UAM; Poznań : Zaklad Graficzny UAM, 2016. – 496 c.

4. Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса / И. В. Соколова // Византийский временник – 52 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1991. – С. 201–213.

Sokolova I. V. Vizantiyskie pechati VI – pervoy poloviny IX v. iz Chersonesa / I. V. Sokolova // Vizantiyskiy vremennik – 52 / otv. red. G. G. Litavrin. – M. : Nauka, 1991. – S. 201–213.

5. Dembski G. Die Römischen Bleiplomben Aus Österreich / G. Dembski // Studies in Byzantine Sigillograhy 4 / Ed. by N. Oikonomides. – Washihgton, D.C., 1995. – P. 81–96.

Lang M. Weights, Measures and Tokens / M. Lang, M. Crosby // The Athenian Agora. Vol. X. – American School of Classical Studies of Atnens; Princeton, New Jersy, 1964. – 146 p.

7. Rostovtsew M. Catalogue des plumbs de l'antiquité, du moyen âge, des temps modernes, conserves au department des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale / M. Rostovtsew, M. Prou. – Paris, 1900. – 416 p.

8. Dissard P. Collection Récamier. Catalogue des plombs Antiques (sceaux, tessères, monnnaies et objets divers) / P. Dissard. – Paris ; Londres, 1905. – 328 p.

9. Бутырский М. Новые находки византийских моливдовулов в округе Адрианополя / М. Бутырский // Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике «Сфрагистический меридиан КИЇВ – КОРСУНЬ/ХЕРСОN – KΩNCTANTINOYΠOΛIC» (Киев, 13–16.09.2013). – Киев ; Севастополь : СПД Арефьев, 2013.– С. 37–38.

Butyrskiy M. Novye nakhodki vizantiyskikh molivdovulov v okruge Adrianopolya / M. Butyrskiy // Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiyskoy sfragistike «Sfragisticheskiy meridian KIÏV – KORSUN'/XEPCON – KΩNCTANTINOYPOΛIC» (Kiev, 13–16.09.2013). – Kiev ; Sevastopol': SPDAref'ev, 2013.– S. 37–38.

10. Hahn W. Money of the Incipient Byzantine Empire (Anastasius I – Justinianus I, 491 – 565) / W. Hahn // Veröffentlichungen des Institut für Numismatik und Geldgeschichte der Universität Wien. Band 6. – Wien : City Press Wien, 2000. –172 S.

11. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.) / В. А. Анохин. – Киев : Наукова думка, 1977. – 175 с.

Anokhin V. A. Monetnoe delo Chersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.) / V. A. Anokhin. – Kiev : Naukova dumka, 1977. – 175 s.

12. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона / И. В. Соколова. – Л. : Искусство, 1983. – 176 с.

Cokolova I. V. Monety i pechati vizantiyskogo Chersona / I. V. Sokolova. – L. : Iskusstvo, 1983. – 176 s.

13. Студитский Я. В. Поштемпельный анализ и изобразительная стилистика монет Херсона при Юстиниане I / Я. В. Студитский, М. Н. Бутырский // II Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла : деньги местного рынка» (Севастополь, 14–19.09.2012). Тез. докл. и сообщений. – Севастополь : НВЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2012. – С. 40–43.

Studitskiy Ya. V. Poshtempel'nyy analiz i izobrazitel'naya stilistika monet Chersona pri Yustiniane I / Ya. V. Studitskiy, M. N. Butyrskiy // II Mezhdunarodny y numizmaticheskiy simpozium «PriPONTiyskiy menyala : den'gi mestnogo rynka» (Sevastopol', 14–19.09.2012). Tez. dokl. i soobshcheniy. – Sevastopol' : NVTs «EKOSI-Gidrofizika», 2012. – S. 40–43.

14. Алексеенко Н. А. Редкие типы изображений на византийских моливдовулах церковных иерархов (местночтимые святые и библейские цитаты) / Н. А. Алексеенко // NOMOS 71/72. Sakralne fenomeny : wczoraj i dziś / под ред. N. A. Alesejenko, Ju. A. Babinow, H. Hoffmann, A. Książek. – Kraków : Instytut Religioznawstwa UJ, 2010. – С. 101–116.

Alekseenko N. A. Redkie tipy izobrazheniy na vizantiyskikh molivdovulakh tserkovnykh ierarkhov (mestnochtimye svyatye i bibleyskie tsitaty) / N. A. Alekseenko // NOMOS 71/72. Sakralne fenomeny : wczoraj i dziś / pod red. N. A. Alesejenko, Ju. A. Babinow, H. Hoffmann, A. Książek. – Kraków : Instytut Religioznawstwa UJ, 2010. – С. 101–116.

15. Алексеенко Н. А. Бронзовая иконка с сюжетом «Этимасии» из горного Крыма / Н. А. Алексеенко, Т. Ю. Яшаева // Восток–Запад : межконфессиональный диалог. Сб. науч. трудов / под ред. Ю. А. Бабинова, Х. Хоффманна – Севастополь : Стрижак-пресс, 2003. – С. 80–83.

Alekseenko N. A. Bronzovaya ikonka s syuzhetom «Etimasii» iz gornogo Kryma / N. A. Alekseenko, T. Yu. Yashaeva // Vostok–Zapad : mezhkonfessional'nyy dialog. Sb. nauch. trudov / pod red. Yu. A. Babinova, Kh. Khoffmanna – Sevastopol' : Strizhak-press, 2003. – S. 80–83.

16. Неверов О. Я. Личные печати исторических лиц классической древности / О. Я. Неверов // Сфрагистика и история культуры : сборник науч. трудов / под ред. Е. В. Степановой. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2004. – С. 7–12.

Neverov O. Ya. Lichnye pechati istoricheskikh lits klassicheskoy drevnosti / O. Ya. Neverov // Sfragistika i istoriya kul'tury : sbornik nauch. trudov / pod red. E. V. Stepanovoy. – SPb. : Gosudarstvennyy Ermitazh, 2004. – S. 7–12.

17. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals / N. A. Oikonomides. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. – 176 p.

18. Соколова И. В. Печати византийских императоров : каталог коллекции / И. В. Соколова. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. – 120 с.

Sokolova I. V. Pechati vizantiyskikh imperatorov : katalog kollektsii / I. V. Sokolova. – SPb. : Gosudarstvennyy Ermitazh, 2007. – 120 s.

19. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegelin Österreich. T. I / W. Seibt. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. – 350 s.

20. Grierson Ph. Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection : from Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius / Ph. Grierson, M. Mays. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. – 500 p.

Alekseienko N. A. Late Roman and Early Byzantine seals from Cherson and its Environs / N. A. Alekseenko, V. A. Nessel' // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 59–69.

The monuments of sigillography discovered in Cherson include traditional double-sided lead seals from the Early Byzantine period (6th and 7th centuries AD) and their predecessors from the 4th and 5th centuries, i.e. seals of typical appearance (cone or hemisphere) bearing an image on one side only. Some of them have already been introduces into the scholarship, but the most part is published here for the first time. All these finds were discovered in different years both in the territory of Chersonesos and its environs. The new finds include seals bearing varied, however traditional for this cluster of monuments, images, particularly of one ore two emperors, portraits of private individuals, figures of pagan deities, allegorical scenes, monograms, and various species of beasts and plants. By the moment we have discovered thirteen one-sided and two double-sided seals capable of division into four groups according to the type of impression and appearance.

Keywords: lead seals, sigillography, the Late Roman and Earle Byzantine period, Cherson, impressions, analogies.

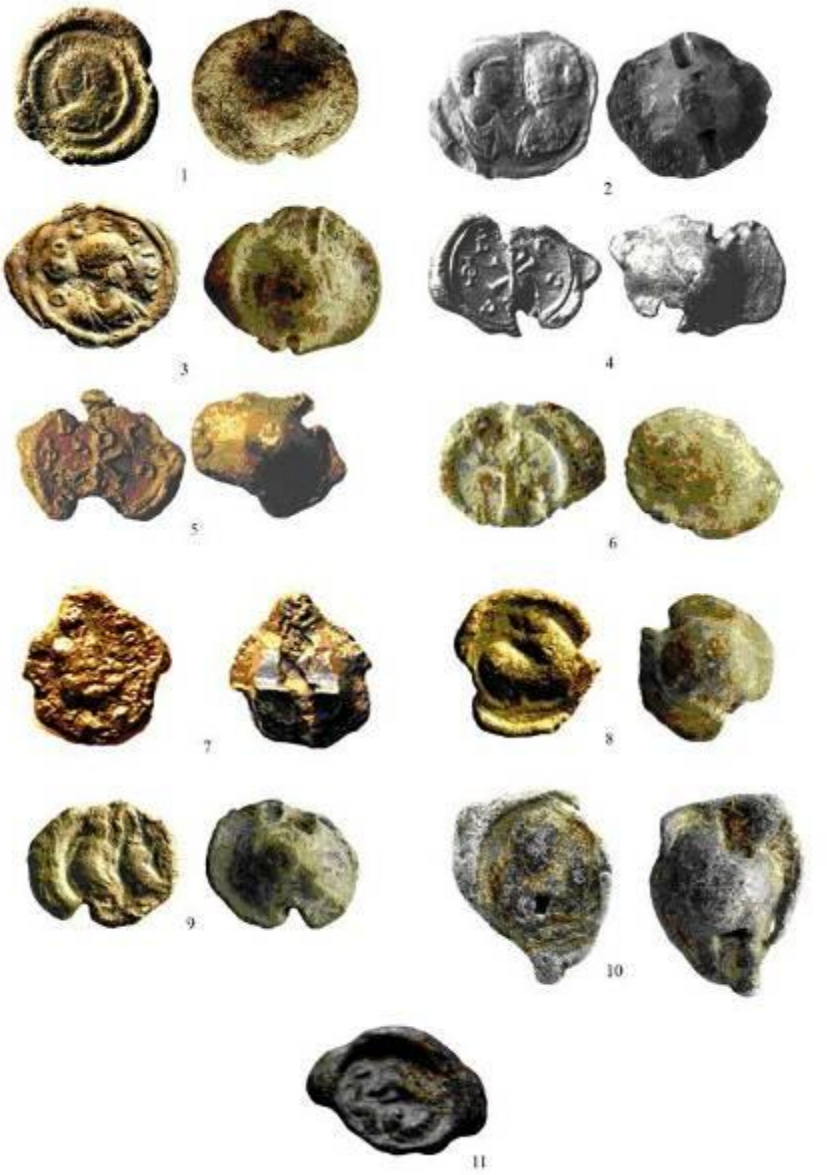


Рис. 1. Позднеримские и ранневизантийские свинцовые пломбы из Херсонеса и его округи.

Рис. 2. Ранневизантийские свинцовые пломбы из Херсонесе и его округи

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 70–81.

УДК 904

ПАНАФИНЕЙСКИЕ АМФОРЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА: НОВЫЕ НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

Вдовиченко И. И.

***Муниципальное бюджетное учреждение культуры
« Музей истории города Симферополя»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vdovitsenko@mail.ru***

Статья посвящена обнаруженным при изучении коллекции расписной керамики Херсонеса Таврического фрагментам панафинейских ваз. Если ранее безусловным лидером по количеству таких находок была территория Боспорского царства, то теперь можно говорить о том, что в IV в. до н. э. панафинейские амфоры поступали и в античный Херсонес. 14 фрагментов были найдены во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. Они принадлежали пяти сосудам, которые можно отнести к двум хронологическим группам – серии Никократа (333–322 гг. до н. э.) и серии Никомаха, архонтство Кефисодота (323–322 гг. до н. э.). Судя по остаткам росписи с изображением атлетов, которая характерна для оборотной стороны панафинейских амфор, это были призы за победу в соревнованиях в беге (2), метании диска, еще два фрагмента не определяются, скорее всего, это часть изображения спокойно стоящих атлетов – вероятно, показан момент награждения. В 2002 г. во время раскопок С. Г. Рыжова в IX квартале, был обнаружен фрагмент лицевой стороны панафинейской амфоры с изображением богини Афины с копьем в руке, относящийся к числу работ мастера Афины 12592, которые датируются 360–359 гг. до н. э. Это говорит о традиционном и неоднократном участии херсонеситов в этом панэллинском состязании, высоком уровне их физической подготовки, подтверждает культурные и экономические связи города с Афинами в середине – второй половине IV в. до н. э.

Ключевые слова: панафинейские амфоры, Херсонес Таврический, раскопки, К. К. Косцюшко-Валюжинич, С. Г. Рыжов.

Последние годы ознаменованы появлением новых работ, посвященных исследованию различных аспектов политической истории древнего Херсонеса, его культуры, религии, экономики. Они основываются на богатейших материалах, полученных в результате археологических раскопок этого памятника [1; 2; 3]. Однако степень доступности этих материалов пока невелика, большая часть их не опубликована. Цель статьи – ввести в научное обращение, сделать доступным для исследователей новые находки панафинейских ваз из Херсонеса.

И. И. Вдовиченко и Г. И. Жестковой была опубликована керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера, в том числе и обнаруженные во время работы над каталогом ваз 14 фрагментов панафинейских амфор. Группой исследователей в составе И. И. Вдовиченко, С. Г. Рыжова, Г. И. Жестковой готовится полная публикация расписной керамики архаического и классического времени из раскопок С. Г. Рыжова. Выделяется находка, сделанная во время раскопок 2002 г., когда в IX квартале Херсонесского городища был найден фрагмент лицевой стороны пана-

финейской амфоры. Задача проведенного исследования – атрибутировать эти артефакты, определить их место в историко-культурном контексте древнего Херсонеса. В Северном Причерноморье было найдено 12 целых и фрагментированных призовых панафинейских амфор, 3 амфоры панафинейского типа (две краснофигурных и одна чернофигурная). Они поступали в регион в течение довольно длительного времени с конца VI в. до н. э. и до рубежа III–II вв. до н. э. [4, с. 239–243; 5, с. 103–107, 333–334; 6, p. 18–36]. Если ранее безусловным лидером по количеству находок была территория Боспорского царства (всего лишь одна амфора эллинистического времени происходит из Ольвии), то теперь, после тщательного изучения материалов Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, С. Г. Рыжова), можно говорить о том, что в IV в. до н. э. панафинейские амфоры поступали и в это античное государство.

Чернофигурные панафинейские амфоры, являвшиеся одним из главных призов для победителей Панафинейских состязаний, производились в большом количестве в Афинах каждые четыре года, поскольку во время праздника победителям вручалось 1200 амфор-призов, расписанных лучшими вазописцами. Панафинейские призовые амфоры (panathenaic amphorae) по форме и по декору отличались от современных им типов столовых амфор. Эти толстостенные крупные сосуды (высота до 76 см) имели характерные особенности: эхинообразные венчик и ножка, яйцевидное тулово, чернофигурная роспись с изображением богини Афины на лицевой стороне и состязания, в котором победил атлет – на оборотной. На призовой амфоре имеется и надпись ΤΟΝΑΘΕΝΕΘΕΝΑΘΛΟΝ (награда из Афин). Тип декора и форма сосудов менялись с 560 г. до н. э. (так датируется самая старая Бургонская амфора) вплоть до эллинистического времени. В IV в. до н. э. амфоры становятся более стройными, изящными, фигура Афины приобретает неестественно вытянутый, маньеристический вид, в то время как изображение атлетов становится все более реалистическим. В промежутке между 360–358 гг. до н. э. Афина на лицевой стороне поворачивается направо [7, с. 63–64].

Кроме панафинейских призовых амфор встречаются и так называемые псевдопанафинейские амфоры. Это амфоры панафинейского типа, однако размер их обычно значительно меньше: 38–44 см. На них, как и на призовых амфорах, часто изображается Афина, иногда – колонны по сторонам от нее, атлетические и музыкальные состязания. Однако рисунок не столь строго канонизирован, как на призовых сосудах, надписей нет. С начала V в. до н. э. они часто расписывались в краснофигурной технике. Предполагается, что это мемориальные, памятные сосуды-сувениры. В них, возможно, держали вино во время общественного банкета в честь победителей соревнований. Существует также предположение, что именно эти амфоры и были транспортными афинскими амфорами, в которых продавалось оливковое масло со знаменитых священных рощ, посвященных Афине, известное в древности как «мориа» [8, p. 145].

Состязания проводились во время Великих Панафиней раз в четыре года – 21–28 гекатомбеона (конец июля – самое начало августа). Этот день считался днем рожде-

ния богини Афины. Свидетельства о Панафинеях фиксируются по крайней мере с VII в. до н. э. В VI в. до н. э. праздник приобретает новый облик. В 566/565 г. в его программу включены спортивные состязания. Отныне праздник имел двойственную форму: Великие Панафинеи (τα Παναθήναια τα μεγάλα) – один раз в четыре года и просто Панафинеи – в промежутках между ними. Великие Панафинеи состояли из двух частей: различных состязаний в честь богини и торжественной процессии (πομπέ), приносившей ей новое одеяние – пеплос. В обычные Панафинеи соревнования не проводились и афиняне ограничивались устройством процессии и подношением богине нового пеплоса [9, с. 52].

Атлетические состязания проходили во второй и третий день Великих Панафиней. Сначала выступали мальчики (12–16 лет) и юноши (16–20 лет), на другой день – взрослые атлеты. В программу входил пентатлон (пятиборье, включавший бег, борьбу, прыжки, метание копья и диска). Соревнования в борьбе и беге проходили также отдельно от пентатлона [10, с. 215–220]. Состязания проходили на стадионе, расположенном между холмами Ардет и Агра у речки Илисс и ручья Каллирой, недалеко от храма Зевса Олимпийского. Стадион был построен в 566 г. до н. э. На протяжении классического времени он был оборудован деревянными скамьями, и только во время архонта Ликурга в 329 г. до н. э. установили мраморные сиденья. Позднее Герод Аттик усовершенствовал стадион, его вместимость стала составлять 50 тысяч человек.

В празднике принимали участие не только жители Афин, но и всех городов-союзников, которые посылали в дар жертвенных животных и оружие. Состязания, за исключением соревнований апобатов и военных игр, были открыты для всех участников. Это поддерживало репутацию Афин как открытого города, панэллинского центра, поднимало уровень и престиж Панафинейских игр. Лукиан в диалоге «Анахарсис, или об упражнении тела» приводит спор между двумя мудрецами, афинянином Солоном и скифом Анахарсисом, о Панафинейских играх и других состязаниях эллинов:

«Анахарсис. По-моему, все-таки следует пожалеть состязающихся за то, что они переносят. На лучших же из граждан, которые, по твоим словам, со всех сторон собираются на состязания, я удивляюсь и даже очень удивляюсь, что оставив свои неотложные дела, они остаются долгое время, глядя на подобные зрелища. Я никак не могу понять, чтобы им доставляло удовольствие смотреть, как люди бьют и ударяют о землю и мучают друг друга.

Солон. Если бы, Анахарсис, теперь было время Олимпийским, Истмийским или Панафинейским состязаниям, то происходящее там показало б тебе, что не напрасно мы так заботимся о состязаниях, ибо никакие слова не могли бы так убедить тебя в том, какое наслаждение доставляет все происходящее на играх, но если бы ты сам, расположившись среди зрителей, посмотрел на доблесть мужей, на красоту их тел, на удивительную их стройность, на изумительную их ловкость и непреоборимую их силу, на их смелость, непобедимую их настойчивость и на беспрерывное их стремление к победе, – я хорошо знаю, что ты не переставал бы хвалить, кричать и руко-

плескать... Мы делаем это не только ради самих состязаний, чтобы юноши могли получить награды... но ради той большой пользы, которая проистекает из этого для всего государства и для них самих. Ибо... венок этих состязаний сплетен не из сосновых или оливковых ветвей... нет. Кто получает венок, получает с ним все доступное человеку счастье: я говорю о свободе каждого человека в частной жизни и в жизни его родины, говорю о богатстве и славе, о наслаждении отеческими праздниками... и вообще о самом прекрасном, чего каждый мог бы себе вымолить у богов. Все это вплетено в тот венок... и является наградой в состязаниях, ради которого (атлеты) претерпевают упражнения и труды» [11, с. 337].

Жители древнего Херсонеса вполне разделяли такой взгляд на спортивные состязания. Находки панафинейских амфор в Херсонесе подтверждают культурные и экономические связи города с Афинами. Граждане Херсонеса принимали участие и в проводившихся там состязаниях, посвященных Диоскурам (Анакии), о чем свидетельствует найденная в 1899 г. в гробнице рядом с городскими воротами бронзовая гидрия конца IV в. до н. э. [12, с. 10, рис. 3; 13; 14, ç. 117]. Находки призов, полученных херсонеситами в различных состязаниях, подтверждают мнение исследователей, подкрепленное и эпиграфическими источниками, о большой роли физической культуры в жизни города [15, с. 95–99; 2, с. 479–482]. Участие в Панафинеях свидетельствует и о развитом культе Афины в Херсонесе. Здесь была воздвигнута статуя богини на берегу моря (Афина Сотейра) и, возможно, существовал ее храм. По мнению ряда исследователей, культ Афины был в Херсонесе государственным [16, с. 95–99; 17, с. 7–12].

14 фрагментов оборотной стороны панафинейских амфор найдены во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. В отчете о раскопках за 1903 г. он писал, что при исследованиях внутри монастырской ограды на месте древнего акрополя был снесен холм, вышиной в центре в 6,40 м, он располагался на север от ограды крестообразного храма, открытого в 1897 г. (рис. 1). Здесь «обнаружены 14 обломков от большого сосуда с толстыми стенками под светло-коричневым лаком с изображением черных, совершенно нагих атлетов во время состязания. Мускулатура и все детали выцарапаны резцом. 4 лучшие обломка отправлены в Императорскую археологическую комиссию» [13, л. 31, 32]. Эти фрагменты хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. №№ ГЭ. Х. 1903.132, 133, 134, 135) (рис. 3, а, б, в; рис. 4, а), еще 10 фрагментов (некоторые из них склеились) хранятся в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (инв. № 247/35272) (рис. 3,г, д, е; рис. 4, б) [18, с 22, 27, 28, табл. 1]. Все фрагменты имеют массивные толстые стенки (0,8–1,2 см), глина аттическая, хорошо отмученная, с очень мелкими известковыми и слюдяными блестками. Фрагменты отличаются не только стилистическими особенностями росписи, характером гравировки, но и оформлением края рисунка, цветом черепка, который варьирует от розоватого до светло-коричневого. Так, например, на фрагментах ГЭ. Х. 134, 135 (рис. 3 б, в) и на одном из фрагментов из коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 4 в) граница рисунка подчеркнута полоской в цвете глины, на некоторых других фрагментах из этой

же коллекции – выгравированными линиями (рис. 3 д, е). Они принадлежали пяти сосудам, часть из них можно отнести к двум хронологическим группам – серии Никократа (333–322 гг. до н. э.) и серии Никомаха, архонтство Кефисодота (323–322 гг. до н. э.). К серии Никократа можно отнести фрагменты из Эрмитажа ГЭ. Х. 132, 134, 135 (рис. 3 а, б, в). Они очень близки и по сюжету (состязания в длинном беге), и по стилистике угловатого, отрывистого рисунка росписи амфоры из Лондона (Британский музей) [19, πιν. 75] (рис.3 з). Гравировка очерчивает контур головы короткими штрихами резца, такими же штрихами очерчены группы мышц. Характерный элемент – линия, завершающаяся волютообразным завитком. Близкая ей по времени серия Никомаха (архонтство Кефисодота) представлена фрагментом из Эрмитажа ГЭ. Х. 133 с изображением дискобола (рис. 4 а). Округлые, волнообразно изгибающиеся линии, которыми очерчивается мускулатура атлета, близки стилистике рисунка амфоры из Лувра MN504 (рис. 4 г) [20, p. 415; 21, № 306; 22, pl. 131]. С некоторой долей вероятности можно предположить, что фрагмент с изображением ноги (часть голени) стоящего атлета из коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 4 в) также относится к этой серии.

Пока не найдены аналогии росписи фрагментов еще одного сосуда (рис. 3 г, д, е), на которых рисунок очерчен врезной линией, а поверхность покрыта красноватым ангобом.

Итак, судя по остаткам росписи на фрагментах сосудов из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, это были фрагменты панафинейских амфор, призы за победу в соревнованиях в беге (рис. 3, а, б, в), метании диска (рис. 4 а). Изображение спокойно стоящего атлета, вероятно, показывает момент его награждения (рис. 4 в). Мы не имеем на наших фрагментах надписей, которые служили бы неопровержимым доказательством того, что амфоры действительно призовые. Но толщина и массивность стенок, совпадение со стилистикой росписи призовых амфор этого времени склоняют нас к мнению, что амфоры все же призовые.

Рассмотрим более подробно фрагменты с изображениями атлетов, соревнующихся в беге (ГЭ. Х. 132, 134, 135). На одном из фрагментов (инв. ГЭ. Х. 132, рис. 3 а) сохранилась верхняя часть торса атлета. Видно, что это изображение безбородого юноши. Состязания в беге – древнейшие в программе Панафинейских игр. В них принимали участие три возрастных группы: мальчики, юноши и мужчины. Эти три категории соревнующихся часто изображаются на амфорах. Например, на сосуде инв. 303106 из музея А. Вивенеля (Компьень, Франция) [20, p. 410, 1; 23, pl. 103, 3–4] бегут мальчики (рис. 3 и), на вазе из Эрмитажа инв. Б4262 [24, с. 129–130, № 95] – бородатые мужи (рис. 3 к), а на сосуде из Лондона инв. 303151 (Британский музей) [20, p. 415, 5; 22, pl. 125, a, b] изображены юноши (рис. 3 з), как и на нашем фрагменте. Состязания проводились на короткие (στάδιον) и на длинные дистанции (δίαυλος, δόλιχος). Длина трека на древнем стадионе по результатам раскопок определена как 204,07 м. Перед благоустройством стадиона в Афинах для проведения Олимпийских игр архитектор Эрнст Зиллер в 1869 и 1870 гг. провел раскопки и обнаружил беговую дорожку длиной 204,07 м и шириной 33 м [25]. На конце трека стоял поворот-

ный столбик. Во время соревнований на длинные дистанции спортсмены поворачивали вокруг него. Возможно, такой столбик изображен на одном из обломков (инв. № 247/35272) амфор из Херсонеса (рис. 3 г). Его же мы можем видеть на оборотной стороне амфоры из Музея искусств в Ганновере США (рис. 3 ж) [26].

На фрагментах инв. ГЭ. Х. 132, 134, 135 (рис. 3 а, б, в), судя по позам атлетов, изображен бег на длинную дистанцию – поскольку движения более спокойные, рассчитанные на сохранение силы. Это видно при сравнении с изображениями бегунов на амфоре из музея А. Вевенеля (рис. 3 и) и из Эрмитажа инв. Б4262 (рис. 3 к), которые стремительно движутся вперед, помогая себе энергичными взмахами рук, колени высоко подняты. Характерно также, что на фрагментах из Херсонеса изображено движение бегунов – как влево (инв. ГЭ. Х. 134, рис. 3 б, в), так и вправо (инв. ГЭ. Х. 132, рис. 3 а). Очевидно, это движение от стартовой линии, которая обычно находилась рядом с алтарем божества, и движение в обратном направлении в случае длинного бега.

Второй сюжет связан с метанием диска, включенным в пятиборье – пентатлон. Метание диска на известных нам рисунках на панафинейских амфорах запечатлено на разных этапах броска. Так, на оборотной стороне амфоры инв. 86333 из Неаполя [6, tav. 40, 3) атлет движением сверху вниз и вперед толкает диск, его тело распрямляется как пружина. На фрагменте же из Эрмитажа ГЭ. Х. 1903. 133 (рис. 4 а) атлет только начинает вращение диска, который находится у его бедра. Правой рукой он отводит диск назад, влево от зрителя, торс поворачивается вслед за этим движением, ноги же показаны в ¾ повороте вправо. Хорошо показано напряжение мышц всего тела. На некоторых амфорах показан момент награждения дискобола, например на амфоре из Лувра MN705 (рис. 4, б) [20, p. 416, 13; 20, pl.132]. Возможно, такой же момент представлен на двух обломках (инв. № 247/35272) из Херсонеса (рис. 3 д, 4 в); не обязательно это награждение дискобола – оно происходило стандартно для всех видов соревнований. На награждении присутствует атлет, судья с ветвью священной оливы, Ника.

В 2002 г. во время раскопок С. Г. Рыжова в IX квартале, во дворе (рис. 2), был обнаружен фрагмент лицевой стороны панафинейской амфоры (инв. № 19/37380) [27]. Это фрагмент горловины и верхней части тулова (рис. 5 б). Толщина стенки достигает местами 1,5–2,0 см, поскольку это место перехода от тулова к горловине. Глина светло-коричневая с розоватым оттенком, хорошо отмученная, с мельчайшими известковыми включениями и блестками слюды. Лак черный, местами разбавлен до светло-коричневого и красноватого цвета. На этот раз перед нами лицевая сторона. Богиня изображена в профильном повороте вправо, видны часть шлема, кудри, ниспадающие из-под шлема, часть эгиды, декор которой передан гравировкой и белой накладной краской. В руке богиня держит копье, обратив его вниз. Копье, как и тело богини, покрыто белой накладной краской. На запястье изображены два браслета, нанесенные разбавленным рыжеватым лаком. Афина повернута вправо, это говорит о том, что амфора датируется временем после 360/359 г. до н. э. [7, с. 63–64]. Изображение богини похоже на рисунок на амфорах К1 и К6 из Эретрии (19, πιν. 50), где у

богини также копье нанесено белой накладной краской. П. Валаванис относит эту амфору к числу работ мастера Афины 12592 и датирует 360–359 гг. (7, с. 80).

Таким образом, фрагменты панафинейских амфор из Херсонеса относятся к трем хронологическим группам: 360–359 гг. до н. э. (мастер Афины 12592), 333–322 гг. до н. э. (серия Никократа), 323–322 гг. до н. э. (серия Никомаха, архонтство Кефисо-дота). Находки фрагментов панафинейских амфор в Херсонесе дают возможность говорить о возможном неоднократном участии херсонеситов в этом панэллинском состязании во второй половине IV в. до н. э. Наличие сосудов-призов за победу в длинном беге, метании диска – свидетельство разносторонней подготовки атлетов из Херсонеса.

Между тем некоторые исследователи придерживаются мнения, что на периферию античного мира панафинейские призовые амфоры попадали в качестве престижных сосудов, которые приобретались ценителями во время распродажи их на рынке [8, p. 49; обзор мнений по этому вопросу см: 28, с. 32–35]. Даже если предположить именно такой способ попадания этих фрагментов в Херсонес Таврический, нужно отметить интерес граждан к этим панэллинским состязаниям, который выражался в том числе и в приобретении аттических ваз с соответствующими сюжетами. Надеюсь, что публикация новых находок фрагментов панафинейских амфор из раскопок Херсонеса послужит поводом для дальнейшего обсуждения вопроса об участии жителей отдаленных окраин античного мира в Панафинеях и других общегреческих праздниках.

Список использованных источников и литературы

1. Зубарь В. М. Партенос – верховная богиня Херсонеса / В. М. Зубарь // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2005. – Т. XX. – С. 202–219.

Zubar' V. M. Partenos – verkhovnaya boginya Khersonesa / V. M. Zubar' // Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu. – Zaporizhzhya, 2005. – T. XX. – S. 202–219.

2. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху / А. С. Русяева. – Киев : Издательский дом «Стилос», 2005. – 558 с.

Rusyaeva A. S. Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu / A. S. Rusyaeva. – Kiev : Izdatel'skiy dom «Stilos», 2005. – 558 s.

3. Шевченко Т. М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса / Т. М. Шевченко. – Київ : Інстітут археології Національної академії наук України, 2011. – 512 с.

Shevchenko T. M. Religiyniy svitoglyad naselennya antichnogo Khersonesa / T. M. Shevchenko. – Kiïv : Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini, 2011. – 512 s.

4. Вдовиченко И. И. ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΑ / И. И. Вдовиченко // Археология и история Боспора. – Керчь : Деметра, 1999. – Т. 3. – С. 239–243.

Vdovichenko I. I. ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΑ / I. I. Vdovichenko // Arkheologiya i istoriya Bospora. – Kerch' : Demetra, 1999. – T. 3. – S. 239–243.

5. Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье / И. И. Вдовиченко. – Симферополь : Сонат, 2008. – 351 с.

Vdovichenko I. I. Antichnye raspisnye vazy v Severnom Prichernomor'e / I. I. Vdovichenko. – Simferopol': Sonat, 2008. – 351 s.

6. Corpus vasorum antiquorum, Italia. LXIX, Museo nazionale di Napoli. V : Raccolta Cumana [Texte imprimé] / a cura di Nazarena Valenza Mele ; Union académique internationale. – Roma : "l'Erma" di Bretschneider, impr. 1995. – 56 p.

7. Βαλαβάνης Π. Δ. Παναθηναικοί αμφορείς απο την Ερετρία / Π. Δ. Βαλαβάνης. – Αθήνα : Έκδοση στη σειρά : «Βιβλιοθήκη της Εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας», 1991. – 354 p., 167 pl.

8. Neils J. Panathenaic Amphoras. Their Meaning, Makers and Markets / J. Neils // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. – Princeton : Princeton University Press, 1992. – P. 25–51.

9. Маринович Л. П. Судьба Парфенона / Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 347 с.

Marinovich L. P. Sud'ba Parfenona / L. P. Marinovich, G. A. Koshelenko. – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 2000. – 347 s.

10. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – СПб. : Алетейя, 2010. – 464 с.

Skrzhinskaya M. V. Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e / M. V. Skrzhinskaya. – SPb. : Aleteyya, 2010. – 464 s.

11. Лукиан. Анахарсис, или Об упражнении тела / Лукиан // Лукиан. Собрание сочинений / Под ред. Б. Л. Богаевского. – М. ; Л. : Academia, 1935. – С. 348–349.

Lukian. Anakharsis, ili Ob uprazhnenii tela / Lukian // Lukian. Sobranie sochineniy / Pod red. B. L. Bogaevskogo. – M. ; L. : Academia, 1935. – S. 348–349.

12. Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе / Л. Г. Колесникова. – Л. : Советский художник, 1964. – 29 с.

Kolesnikova L. G. Sport v antichnom Khersonese / L. G. Kolesnikova. – L. : Sovetskiy khudozhnik, 1964. – 29 s.

13. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках за 1903 г. / К. К. Косцюшко-Валюжинич // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 12.

Kostsyushko-Valyuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh za 1903 g. / K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich // NauchnyyarkhivGosudarstvennogoistoriko-arkheologicheskogomuzeya-zapovednikaKhersonesTavricheskiy. F. 1. D. 12.

14. Κεφαλίδου Ε. Νικητής. Εικονογραφική μελέτη του αρχαίου ελληνικού αθλητισμού / Ε. Κεφαλίδου. – Θεσσαλονίκη, 1996. – 268 ς.,78 πιν.

15. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи / Э. И. Соломоник. – Киев : Наукова думка, 1973. – 282 с.

Solomonik E. I. Novye epigraficheskie pamyatniki Khersonesa. Lapidarnye nadpisi / E. I. Solomonik. – Kiev : Naukova dumka, 1973. – 282 s.

16. Золотарев М. И. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции / М. И. Золотарев, А. В. Буйских // ВДИ. – 1994. – № 3. – С. 78–101.

Zolotarev M. I. Temenos antichnogo Khersonesa. Opyt arkhitekturnoy rekonstruktsii / M. I. Zolotarev, A. V. Buyskikh // VDI. – 1994. – № 3. – S. 78–101.

17. Соломоник Э. И. О культе Афины в Херсонесе в IV–III вв. до н. э. / Э. И. Соломоник // Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 7–12.

Solomonik E. I. O kul'te Afiny v Khersonese v IV–III vv. do n. e. / E. I. Solomonik // Antichnaya i srednevekovaya ideologiya. – Sverdlovsk, 1984. – S. 7–12.

18. Вдовиченко И. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) / И. И. Вдовиченко, Г. И. Жесткова // Stratum plus. – 2011. – № 3. – С. 3–111.

Vdovichenko I. I. Raspisnaya keramika Khersonesa Tavricheskogo (Raskopki K. K. Kostsyushko-Valyuzhinicha i R. Kh. Lepera) / I. I. Vdovichenko, G. I. Zhestkova // Stratum plus. – 2011. – №3. – S. 3–111.

19. Οι Ολυμπιακοί αγόνες στην αρχαία Ελλάδα. – Αθήνα : Εκδοτική Αθηνών, 1982. – 276 ς.

20. Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters / J. D. Beazley. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – 851 p.

21. Boardman J. Athenian Black Figure Vases / J. Boardman. – N.Y. : Thames and Hudson,1988.– 383 p.

22. Bentz M. Panathenaische Preisamphoren. Eine athenishen Vasengattung und ihre Funktion Vom 6–4. Jahrhundert / M. Bentz. – Basel : Antike Kunst, Beihefte 18., 1998. – V. 18. – 138 s.

23. Lambrino M. F. Corpus vasorum antiquorum. France. Musée de Compiègne (Musée Vivenel) / M. F. Lambrino. – Paris : É. Champion, 1924. – 32 p.

24. Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже / К. С. Горбунова. – Л. : Искусство, 1983. – 221 с.

Gorbunova. K. S. Chernofigurnye atticheskie vazy v Ermitazhe / K. S. Gorbunova. – L. : Iskusstvo, 1983. – 221 s.

25. The Panathenaic Stadium : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pe04.com/olympic/athens1896/stadium_1896.php. – Дата обращения : 03. 05. 2016.

26. The Panathenaic amphora : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://hoodmuseum.dartmouth.edu/ explore/collection/ancient-art. – Дата обращения : 03. 05. 2016.

27. Рыжов С. Г. Отчет о раскопках в 2002 г. / С. Г. Рыжов // НА ГМЗ ХТ. Д. 3682, альбом № 3684. Л. 109. Рис. 110.

Ryzhov S. G. Otchet o raskopkakh v 2002 g. / S. G. Ryzhov // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika Khersones Tavricheskiy. D. 3682, al'bom № 3684. L. 109. Ris. 110.

28. Фрешер Ю. А. Участие в Панафинеях – привилегия или общее право? / Ю. А. Фрешер //Antiquitas Iuventae. Сб. науч. трудов студентов и аспирантов. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – С. 28–37.

Fresher Yu. A. Uchastie v Panafineyakh – privilegiya ili obshchee pravo? / Yu. A. Fresher //Antiquitas Iuventae. Sb. nauch. trudov studentov i aspirantov. – Saratov : ITs «Nauka», 2011. – S. 28–37.

Vdovichenko I. I. Panathenaic amphorae from the Tauric Chersonesos : new findings and discoveries / I. I. Vdovichenko // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 70-81.

The article is devoted to the study of fragments of Panathenaic amphorae which were discovered in the collection of painted pottery of the National Preserve of Tauric Chersonesos. If previously the undisputed leader in the number of such findings was the territory of the Bosporan Kingdom, now, we can say that in 4th cent. BC Panathenaic amphorae arrived in ancient Chersonesos. 14 pieces were found during excavations of K. K Kosciusko-Valyuzhinich in 1903 on the site. They had five vessels, which can be attributed to two chronological groups – Nikokratos series (333–322 BC) and a series of Nikomachos, arhonship of Kefisodotos (323–322 BC). Judging from the remains of the vase-painting on the back side of the amphorae, athletes were prized for winning the competition in the race (2), discus throw (1). Two fragments are not detected; most likely there were a part of the stand still athletes image- probably shows the time of award. In 2002, during excavations S. G. Ryzhov in the IX quarter of Tauric Chersonesos, was found one piece of the front side of the Panathenaic amphora with an image of goddess Athena with spear in her hand. We can attribute this painting as a work of the master Athens 12592, and date it as 360-359 BC. These finds show the traditional and repeated participation of citizens of Chersonesos in the Panathenaic Games, the high level of their physical fitness, it confirms the cultural and economic ties of the city with Athens in the middle – second half of the 4th century BC.

Keywords: Panathenaic amphorae, Tauric Chersonesos, excavations, K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, S. G. Rizhov.

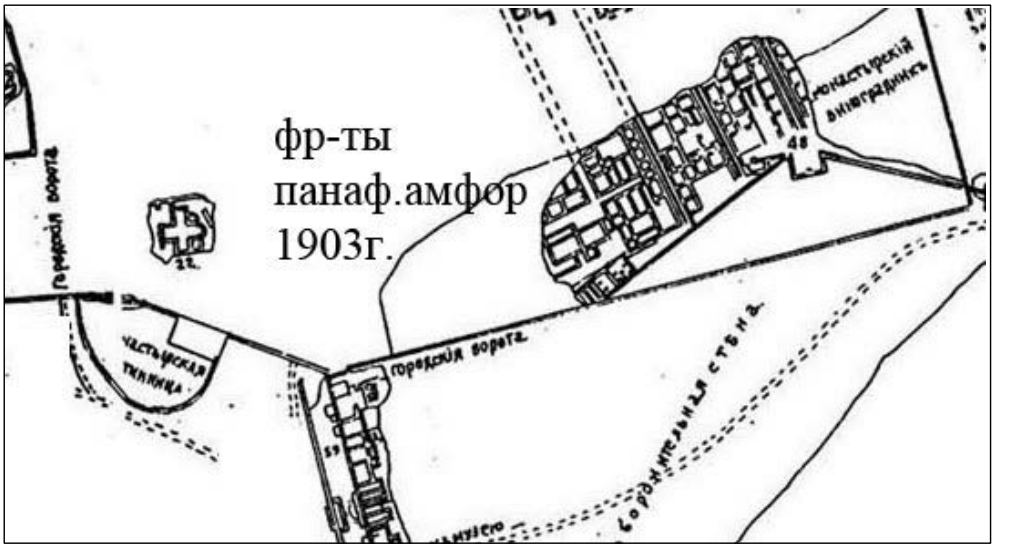


Рис. 1. Участок раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г.,
на котором были найдены фрагменты панафинейских амфор.

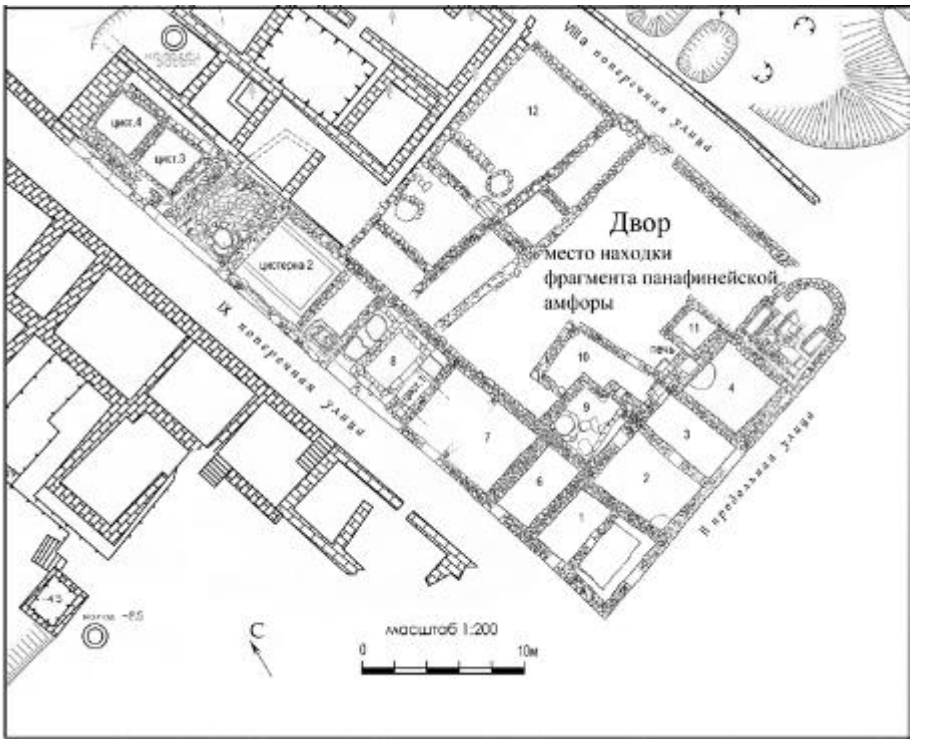


Рис. 2. План раскопок С. Г. Рыжова в 2002 г. Двор усадьбы, в котором
был найден фрагмент панафинейской амфоры.

Рис. 3. Изображения состязаний в беге на панафинейских амфорах: а – фрагмент, Гос. Эрмитаж, ГЭ. Х. 132; б – фрагмент, Гос. Эрмитаж, ГЭ. Х. 134; в – фрагмент, Гос. Эрмитаж, ГЭ. Х. 135; г – фрагмент, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», инв. 35272/247; д–е – фрагменты, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», инв. 35272/247; ж – Музей искусств Ганновер, США; з – Лондон, Британский музей, инв. 303151; и – Музей А. Вивенеля (Компьень, Франция), инв. 303106; к – Эрмитаж, инв. Б4262.

Рис. 4. Изображение состязаний дискоболов, бегунов, награждений атлетов на панафинейских амфорах: а – фрагмент, Гос. Эрмитаж, ГЭ. Х. 133; б – Лувр MN705; в – фрагмент, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», инв. 35272/247; г – Лувр MN504.

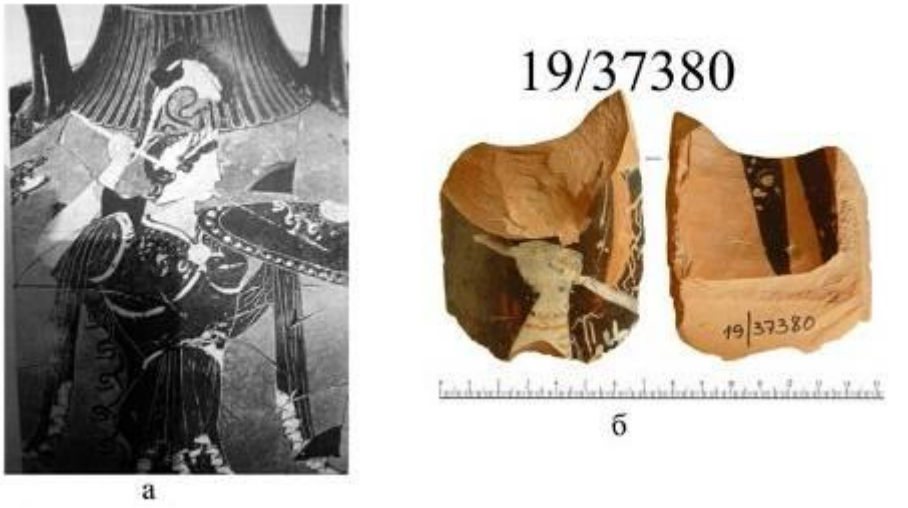


Рис. 5. Фрагмент лицевой стороны панафинейской амфоры из раскопок С. Г. Рыжова в 2002 г. – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», инв. 19/37380.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 82–99.

УДК 902(652+0500): 0100(477.75)

АНТИЧНОЕ СЕЛИЩЕ КРАСНОВКА 1 В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИСИВАШЬЕ

Гаврилов А. В.

Отдел античной археологии ФГБУН Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: feochora@yandex.ru

Представлены результаты исследования античного селища Красновка 1, находящегося в юго-восточной части крымского Присивашья. Полученные материалы показывают, что по топографическим, материально-культурным, хронологическим признакам данное селище похоже на другие селища феодосийской хоры. Основным видом хозяйственной деятельности его обитателей было земледелие, выращивание зерновых культур. В период наиболее интенсивной торговли Боспора хлебом в IV в. до н. э. часть экспортного зерна поступала в Феодосию из Присивашского региона полуострова.

Ключевые слова: Юго-Восточный Крым, Присивашье, античная эпоха, хора Феодосии, степные селища, земледелие, торговля зерном.

В 2004 г. была опубликована наиболее полная на то время карта античных поселенческих памятников Юго-Восточного Крыма, дано их описание, определены хронологические рамки их существования. Площади памятников определены на основании визуальных наблюдений за распространением подъемного археологического материала. В случаях, когда удавалось наблюдать концентрацию, распространение золистого культурного слоя и материала на местах бывших жилищно-хозяйственных комплексов, площадь памятников определялась с учетом размеров и расположения данных золистых пятен. Поэтому в основном площади памятников в указанном списке определены приблизительно [1, с. 154–187].

Нужно отметить, что зольники – непременный атрибут любой долговременной поселенческой структуры степного Крыма вплоть до середины XX в. Это связано с тем, что в качестве топлива для очагов местное население использовало верблюжью колючку (местное название – курай или перекати-поле) и сухой навоз (кизяк). Это подтверждают средневековые письменные источники, а также этнографические материалы. Других видов топлива в степной зоне не было. Данное топливо обладало относительно высокой калорийностью и зольностью. Учитывая ежедневное в обычном режиме и усиленное в холодный период года использование такого вида топлива, можно представить какой ежедневный выход золы оно давало. Если золу не собирать в определенном месте, то в сухой период года ветер разносил ее по поселению, создавая определенные неудобства. Кроме этого, собирать золу в одно место требовали и религиозные представления, связанные с культом огня и домашнего очага [2, с. 75]. Поэтому собирание золы и бытового мусора в одно место близ жилья было

обычным делом в местах проживания людей в степной полосе Крыма во все исторические эпохи. В частности, это хорошо прослеживается на античных селищах хоры Феодосии, где жилищно-хозяйственные комплексы выделяются на фоне пашни золистыми пятнами, оставшимися от приусадебных зольников. Большое количество золы на поселениях влияло на процесс слоеобразования, вследствие которого наслоения на памятниках всегда носят более или менее золистый характер. Это отмечено при раскопках абсолютного большинства памятников степной зоны региона. Таким образом, золистые пятна или наличие золистого пыльного слоя – обязательный атрибут почти всех поселенческих памятников. Их количество и расположение наряду с археологическим материалом указывает на присутствие жилищно-хозяйственных комплексов (далее ЖХК) и в целом на поселенческий памятник – стойбище или селище.

Наивысшего экономического расцвета этот регион достиг в IV в. до н. э., когда вошел в состав античного Боспора. В этот период отмечается рост количества сельских поселений, увеличивается сельскохозяйственная территория. Письменные источники отражают активизацию хлебной торговли и значительную роль в этом виде экономической деятельности боспорских царей и феодосийского порта. На сегодня в регионе выявлены и обследованы 85 археологических памятников античной эпохи – стойбища, селища, городища, святилища, укрепления. Часть из них находится в зоне юго-восточного Присивашья, где имелись необходимые условия для возделывания зерновых культур. Это наличие плодородных каштановых черноземов, источников пресной воды в виде нижних течений рек, впадающих в Сиваш. Вблизи таких мест и основывались поселения, население которых выращивало пшеницу – основной экспортный продукт античной Феодосии в период ее расцвета. В 2015 г. проведено исследование одного из таких селищ – Красновка 1, находящегося в степном Присивашье (Рис. 1).

Селище находится в 1,4 км к северо-западу от села Красновка Кировского района [1, с. 160]. Располагается на левой стороне широкой степной лощины, по которой протекает река Кхоур Джилга. В древности русло реки было ближе к селищу, чем настоящее, спрямленное. Левая сторона лощины плавно повышается к северу от поймы, селище располагалось на самой высокой части склона, близ кургана. В рельефе окружающей местности памятник ничем не выделяется, его территория подвергается многолетней распашке и сельскохозяйственному использованию. С северной, западной и восточной сторон селища находятся курганы, самый западный из них имеет значительные размеры и собственное название – Кара Кош. Курган, находящийся восточнее селища, на карте-верстовке XIX в. обозначен под названием Таш Оба [3, с. 271].

Золистые пятна (месторасположения ЖХК) хорошо выделяются на фоне пашни, на них чаще встречается материал; расстояние между крайним восточным и крайним западным пятном составляет 0,63 км. На селище отмечено 12 золистых пятен, которые соответствуют жилищно-хозяйственным комплексам (Рис. 2). Причем золистый слой мощнее и ярче выражен на центральных пятнах, чем на окраинных. Не все золистые пятна в равной степени насыщены археологическим материалом, центральные – больше, периферийные – меньше.

Преобладают фрагменты синопских амфор (Рис. 6), фрагменты гераклейских амфор попадаются реже (Рис. 5), херсонесских – единичны (Рис. 3). Из средиземноморских центров – фрагменты амфор Фасоса (Рис. 3), круга Фасоса, Хиоса, Книда (Рис. 3), Менды (Рис. 4), Пепарета. Есть также находки фрагментов амфор начала – середины V в. до н. э., принадлежащих винопроизводящим центрам Северной Эгеиды [ср.: 4, с. 30, 2.42], Лесбоса [ср.: 5, с. 41, 48, табл. 25–4, 26–6, 31–34], Аттики [ср.: 4, 1993, с. 31, 2.52] (Рис. 3).

В 2015 г. на селище найдено одно гераклейское и 15 синопских клейм (Табл. 1). Синопские клейма относятся к последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э., что дополняет и подтверждает сделанные ранее выводы о хронологии завершающего этапа жизни селища [6, с. 36]. С помощью металлодетектора в центральной части селища найдены монеты пантикапейской чеканки (тетрахалки и дихалк, табл. 1; рис. 7), имевшие хождение в последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. [ср.: 7, с. 140–141, табл. 3, 111, 112; табл. 4, 125]. Найдены фрагменты лепной керамики с орнаментацией скифского и таврского типов (Рис. 8), зернотерок и терочников, оселков, пряслиц, бронзовых бляшек для сбруи и пр. На основании данного материала время возникновения селища можно отнести к началу V в. до н. э., а прекращение его существования – к 70-м годам III в. до н. э. Ближайшие к нему античные поселенческие памятники – стойбище Красновка 3 и селище Синицыно 2.

В юго-восточной части селища на крайнем слабовыраженном золистом пятне собраны фрагменты лепной керамики, стенки которой заглажены т. н. горизонтальными «расчесами» (Рис. 9). Ее можно отнести к населению катакомбной культуры эпохи средней бронзы, в памятниках которой встречается подобная керамика [8, с. 94, рис 68, 4]. На селище также найдены кремневые пластинки и фрагменты каменных шлифованных топоров и молотков (Рис. 10), которые бытовали в эпоху средней бронзы у населения катакомбной культурно-исторической общности [см., например: 8, с. 156, рис. 83, 1; с. 94, рис. 68, 4; с. 156, рис. 83, 1]. Очевидно, здесь какое-то время существовала стоянка носителей катакомбной культуры. Нужно отметить, что на ряде других античных селищ Присивашья также найдены материалы эпохи неолита – ранней бронзы [9, с. 142]. Наличие на одной площади памятников разных эпох является нормальной ситуацией для Крымского полуострова, где благоприятные для жизни места неоднократно обживались или посещались населением на протяжении всех исторических эпох [10, с. 142].

На селище в месте концентрации зольных пятен была сделана инструментальная топографическая съемка и магниторазведка. На исследованной территории селища с помощью магнитометрии выявлено 630 зерновых и хозяйственных ям. Они группируются в небольшие кластеры и обычно совпадают с золистыми пятнами и местами наибольшей концентрации находок (Рис. 2). Здесь же обнаружены аномалии размером 4 х 5 м, которые, по-видимому, принадлежат полуземлянкам. Это подтверждает вывод о том, что золистые пятна скрывают под собой полуземлянки и принадлежат отдельными ЖХК, а сопутствующие им группы хозяйственных ям являются придомными зернохранилищами. По данным магниторазведки на обследованной терри-

тории селища Красновка 1 выявлено 25 таких жилищно-хозяйственных комплексов (они отмечены синими пунктирными овалами на рис. 2).

Выявленные десять крупных магнитных аномалий диаметром 10–14 м с величинами 25–40 нТл Т. Н. Смекалова называет древними колодцами [11, с. 46]. На сравнительно ровной поверхности селища они выделяются едва заметными понижениями и не содержат археологического материала. Но поскольку в первой половине января 1942 г. по территории селища проходила линия обороны немецко-румынских войск, то очевидно, что данные аномалии принадлежат капонирам для укрытия орудий и минометов. С этих позиций хорошо простреливалась дорога из Ерчи (Красновка) на Ислам Терек (Кировское), вдоль которой велось наступление наших войск. Находки различных боеприпасов на территории селища и на находящемся поблизости кургане также указывают на это. Об использовании данной территории в военных целях говорят и оперативные карты того времени: на них показано расположение здесь немецко-румынских подразделений (Рис. 1). Да и к чему обитателям античного селища было столько колодцев на водоразделе, если в 150–200 м протекала река, вода в которой была почти круглый год. А если в засушливый период и возникала потребность в колодце, то копать его было перспективней рядом с руслом реки, где водоносные слои обильней и ближе к поверхности.

Инструментальной съемкой была охвачена центральная часть памятника площадью 10,4 га. На основании зон распространения золистого культурного слоя, подъемного материала, мест концентрации хозяйственных ям и жилищных объектов установлены границы селища. С помощью GPS-приемника координаты границ нанесены на карту, согласно им площадь памятника составляет 18,0 га (Рис. 2).

Нужно отметить, что материалов V в. до н. э. на селищах собрано мало, хотя не больше их найдено и на других аналогичных памятниках в округе Феодосии, за исключением Новопокровки 1, где проводились многократные сборы и раскопки [12, с. 82; 13, с. 82]. Такая картина, очевидно, связана с тем, что места части будущих селищ первоначально были стойбищами и лишь спустя некоторое время стали стационарными пунктами. Обращает на себя внимание столь раннее освоение этих территорий скифским населением, что, очевидно, было связано с наличием здесь кочевий, которые позже стали принадлежать определенным родам, беднейшие представители которых оседали здесь. В целом присивашские памятники продолжают феодосийскую территориальную группу аналогичных селищ и, по-видимому, были составной частью поселенческой структуры округи Феодосии. Их расцвет также падает на IV в. до н. э., а гибель, судя по монетным находкам и амфорным клеймам, на окончание первой трети III в. до н. э. Находки монет боспорской чеканки почти на всех селищах региона подтверждают вхождение этого района Крымского полуострова в сферу экономического влияния Боспора [1, с. 85].

В Присивашском регионе Крыма насчитывается еще не менее 35 крупных античных поселений: Тарасовка 1 и 2; Алмазное; Надежда, Новоселовка, Ореховка 1, Софиевка, Шубино 1, Синицыно 1-3, Яркое Поле 3; Терчек; Островное, Васильковое 2, Корпечь, Тулумчак и др. Все они похожи на известные селища феодосийской хоры

по топографическим, материально-культурным, хронологическим признакам. Их население также выращивало товарное зерно, необходимое для внешней торговли античным центрам Боспора, в частности, Феодосии.

Полученные материалы показывают, что основным видом хозяйственной деятельности обитателей античного поселения Красновка 1 было земледелие, выращивание зерновых культур. Они позволяют утверждать, что в период наиболее интенсивной торговли хлебом в IV в. до н. э. часть экспортного зерна поступала в Феодосию из Присивашского района полуострова.

Список использованных источников и литературы

1. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии / А. В. Гаврилов. – Симферополь : Азбука. – 2004. – 368 с.

Gavrilov A. V. Okruga antichnoy Feodosii / A. V. Gavrilov. – Simferopol' : Azbuka. – 2004. – 368 s.

2. Носова Л. В. Об античных зольниках, или, «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья / Л. В. Носова // БФ : Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. – 2007. – С. 69–79.

Nosova L. V. Ob antichnykh zol'nikakh, ili, «primenyaya atticheskuyu terminologiyu, doshedshuyu k nam cherez Pavsaniya», eskharakh Severnogo Prichernomor'ya / L. V. Nosova // BF : Sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Ch. 2. – 2007. – S. 69–79.

3. Гаврилов А. В. Курганы Юго-Восточного Крыма / А. В. Гаврилов // Stratum plus. – 2010. – № 3. – С. 261–280.

Gavrilov A. V. Kurgany Yugo-Vostochnogo Kryma / A. V. Gavrilov // Stratum plus. – 2010. – № 3. – S. 261–280.

4. Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология / А. П. Абрамов // БС. — 1993. — Вып. 3. — С. 4–135.

Abramov A. P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya / A. P. Abramov // BS. –1993. –Vyp. 3. – S. 4–135.

5. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель / С. Ю. Монахов. – Москва ; Саратов : Киммерида. — 2003. – 352 с.

Monakhov S. Yu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel' / S. Yu. Monakhov. – Moskva ; Saratov : Kimmerida. – 2003. – 352 s

6. Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии : Материалы к хронологии археологических памятников / А. В. Гарилов // Археологический альманах № 24. – Донецк : Донбасс. – 2011. – 350 с.

Gavrilov A. V. Amfornye kleyma okrugi antichnoy Feodosii : Materialy k khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov / A. V. Garilov // Arkheologicheskiy al'manakh № 24. – Donetsk : Donbass. – 2011. – 350 s.

7. Анохин В. А. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. / В. А. Анохин. — Киев : Наукова думка, 1986. — 179 с.

Anokhin V. A. Monetnoe delo Bospora v VI–II vv. do n. e. / V. A. Anokhin. – Kiev : Naukova dumka, 1986. – 179 s .

8. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы / Г. Н. Тощев. – Запорожье : ЗНУ. – 2007. – 304 с.

Toshchev G. N. Krym v epokhu bronzy / G. N. Toshchev. – Zaporozh'e : ZNU. – 2007. – 304 s

9. Гаврилов А. В. Новые памятники эпохи средней бронзы в Юго-Восточном Крыму / А. В. Гаврилов, Г. Н. Тощев // ССПК. — 2000. — Т. VIII. — С. 163–169.

Gavrilov A. V. Novye pamyatniki epokhi sredney bronzy v Yugo-Vostochnom Krymu / A. V. Gavrilov, G. N. Toshchev // SSPK. – 2000. – T. VIII. – S. 163–169.

10. Гаврилов О. В. Знахідка теракоти на античному поселенні Журавки 1 у Криму / О. В. Гарилов // Археологія. – 1997. – № 1. – С. 142–144.

Gavrilov O. V. Znakhidka terakoti na antichnomu poselenni Zhuravki 1 u Krimu / O. V. Garilov // Arkheologiya. – 1997. – № 1. – S. 142–144.

11. Гаврилов А. В. Дистанционные и геофизические исследования степной части округи античной Феодосии / А. В. Гаврилов, Т. Н. Смекалова, Б. В. Беван, А. С. Гарипов // Вестник РГНФ. – 2016. – № 2 (83). – С. 38–56.

Gavrilov A. V. Distantsionnye i geofizicheskie issledovaniya stepnoy chasti okrugi antichnoy Feodosii / A. V. Gavrilov, T. N. Smekalova, B. V. Bevan, A. S. Garipov // Vestnik RGNF. – 2016. – № 2 (83). – S. 38–56.

12. Гаврилов О. В. Античне поселення Новопокровка 1 у Південно-Східному Криму / О. В. Гаврилов // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 76–93.

Gavrilov O. V. Antichne poselennya Novopokrovka 1 u Pivdenno-Skhidnomu Krimu / O. V. Gavrilov // Arkheologiya. – 1999. – № 1. – S. 76–93.

13. Гаврилов А. В. Амфорный импорт на античном поселении Новопокровка в Юго-Восточном Крыму / А. В. Гаврилов // Stratum plus. – 1999 а. – № 3. – С. 81–95.

Gavrilov A. V. Amfornyy import na antichnom poselenii Novopokrovka v Yugo-Vostochnom Krymu / A. V. Gavrilov // Stratum plus. – 1999 a. – № 3. – S. 81–95.

14. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма : Опыт комплексного изучения / В. И. Кац // БИ. – 2007. – Вып. XVIII. – 478 с.

Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma : Opyt kompleksnogo izucheniya / V. I. Kats // BI. – 2007. – Vyp. XVIII. – 478 s.

15. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского / В. А. Анохин. — К. : Одигитрия. – 1999. – 249 с. Anokhin V.A. Istoriya Bospora Kimmeriyskogo / V.A. Anokhin. – K. : Odigitriya. – 1999. – 249 s.

Gavrilov A. V. The ancient settlement Krasnovka 1 in the South-Eastern part of Sivash region / A. V. Gavrilov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 82–98.

The article is devoted to the ancient settlement Krasnovka 1, located in the South-Eastern part of the Crimean Sivash region. The obtained results show that the topographic, cultural and chronological characteristics of this village are typical for Theodosia Chora. The main economic activities of its inhabitants were agriculture, the cultivation of crops. In the period of most intensive trade of the Bosporus bread in the IV century BC part of the export of grain came to Theodosia from Sivash region of the Crimean Peninsula.

Keywords*:* the South-Eastern Crimea, Sivash region, ancient era, Chora of Theodosia, steppe settlements, agriculture, grain trade.

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА И МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА СЕЛИЩЕ КРАСНОВКА 1 в 2015 г.

№ п-п	Наименование находки	К-во	Мат-л	Место находки	Размеры	Центр произ-ва	Примечания и аналоги
1	3	4	5	6	7	8	9
1	[…]ΣΟΣ […]ΕΣΟ	1	глина	центральная часть селища	∅ горла по венчику 9,6 см	Гераклея, магистратское	На горле, энглифическое, двустрочное, оттиск четкий, начало легенды отбито. С внешней стороны покрыт красной краской.
2	[ΠΟΣ]ΕΙΔ[ΩΝΙΟ] [ΑΣΤΥ]ΝΟΜ[ΟΥ] [ΚΑ]ΛΛΙΣ[ΘΕΗΟΥ] конец 320-х г. – начало III в. до н. э.	1	-||-	северная часть селища	∅ ручки 2,3 х 4,4 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск четкий, начало и окончание всех строк сбито, Астином Посейдоний 2 (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
3	A[PIΣ]TO[KΛE]OY [ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟ […]ΑΤ канфар и герма конец 320-х г. – начало III в. до н. э.	1	-||-	западная часть селища	∅ ручки 2,7 х 4,4 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий. У верхней строки плохо оттиснулась средняя часть начало и окончание, у средней – начало, у нижней строки сбито начало. Эмблемы: канфар располагается слева от легенды, герма – справа. Астином Аристокл 1. (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
4	[ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΥ] [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ] [ΣΑ]ΓΑΡΙΟΣ ← неясное изображение 320-е г. – начало III в. до н. э.	1	-||-	центральная часть селища	∅ ручки 2,5 х 4,5 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, легенда ретроградная, оттиск нечеткий, две нижние строки легенды сбиты. Покрыта светлым ангобом. Астином Посейдон 3 (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
5	IKE[ΣIOY] ΑΣΤ[ΥΝΟΜΟΥ] ΠΥ[ΘΕΩ] слон конец 320-х г. – начало III в. до н. э.	1	-||-	северная часть селища	∅ ручки 2,3 х 4,2 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, в прямоугольной рамке, почти вся легенда сбита, эмблема расположена слева от легенды. Астином Икесий 1 (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
6	[ΘΕ]ΥΠΕΙΘΟΥ [Α]ΣΤΥΝΟ[ΜΟΥ] ΚΑ[ΛΛΙΣΘΕΗΟΥ] конец 320-х г. – начало III в. до н. э.	1	-||-	центральная часть селища	∅ ручки 2,4 х 4,4 см	Синопа, астиномное	На ручке, в прямоугольной рамке, рельефное, четырехстрочное, третья строка является повторением предыдущей, начало первой и второй строк, окончание легенды и эмблема сбиты. окрыта светлым ангобом. Астином Феупейт (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
7	[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ	1	-||-	северная часть	∅ ручки 2,4 х 4,4 см	Синопа,	На ручке, рельефное, четырехстрочное, оттиск

	[ΠΟΣΕΙ]ΔΩΝΙΟΥ [ΤΟΥ ΑΙΣΧΙ]ΝΟΣ ΠΟ [ΣΕΙΔΩΝΙΟΥ] виноградная гроздь и колос вправо ? 90-е – 80-е г. III в. до н. э.			селища		астиномное	нечеткий, начало легенды и нижняя строка отбиты. Нижняя легенда (колос вправо) оттиснулась нечетко. Покрыта светлым ангобом. Астином Посейдоний, сын Эсхина (IV МГ). [Кац, 2007, с. 435].
8	[ΜΙΚΡΙ]ΟΥ ΑΣΤΥΝ[Ο] [ΜΟΥΝΤ]ΟΣ [ΦΙΛΟΚΡΑΤ]ΟΥ вздыбленный конь влево 90-е – 80-е г. III в. до н. э.	1	-||-	центральная часть селища	∅ ручки 2,4 х 4,3 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий. У верхней строки сбито начало и окончание, у средней и нижней – начало. Эмблема располагается справа от легенды, оттиснута четко. Астином Микрий 1 (IV МГ). [Граков, 1928, с. 20; Кац, 2007, с. 435].
9	[ΜΙΚΡ]ΙΟΥ [ΑΣΤΥΝΟ] [ΜΟΥΝΤ]ΟΣ [ΦΙΛΟΚΡΑΤΟΥ] вздыбленный конь влево 90-е – 80-е г. III в. до н. э.	1	-||-	северная часть селища	∅ ручки 2,3 х 3,9 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий. Покрыта светлым ангобом. У верхней строки сбито начало и окончание, у средней – начало, нижняя строка не оттиснулась. Эмблема располагается справа от легенды, оттиснута четко, но задняя часть изображения коня сбита. Астином Микрий 1 (IV МГ). [Граков, 1928, с. 20; Кац, 2007, с. 435].
10	[Μ]ΙΚΡΙΟΥ [Α]ΣΤΥΝ[Ο] ΜΟΥΝΤ[ΟΣ] [ΦΙΛΟΚΡΑΤΟΥ] вздыбленный конь влево 90-е – 80-е г. III в. до н. э.	1	-||-	центральная часть селища	∅ ручки 2,1 х 4,2 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий. Покрыта светлым ангобом. У верхней строки сбито начало и окончание, у средней – начало и окончание, нижняя строка не оттиснулась. Эмблема располагается справа от легенды, оттиснута четко, но задняя часть изображения коня сбита. Астином Микрий 1 (IV МГ). [Граков, 1928, с. 20; Кац, 2007, с. 435].
11	[Β]ΟΡΥΟ[Σ] [ΑΣ]Τ[Υ]ΝΟΜΟΥ]Ν [ΤΟΣ] [ΣΤ]ΕΦΑ[ΝΟΥ] голова человека в профиль вправо 90-е – 80-е г. III в. до н. э.	1	-||-	восточная часть селища	∅ ручки 2,3 х 4,6 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий, начало и окончание легенды, нижняя эмблема отбиты. Покрыта светлым ангобом. Астином Борий 1 (IV МГ). [Кац, 2007, с. 435].
12	[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ [ΠΥ]ΘΟΚΛΕΟΥΣ …ΟΥ … голова человека в профиль влево	1	-||-	центральная часть селища	∅ ручки 2,2 х 3,4 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, четырехстрочное, оттиск нечеткий, начало легенды и нижняя строка оттиснулись слабо. Эмлема расположена слева от нижних строк. Астином Пифокл (IV МГ). [Кац, 2007, с. 435].

	90-е – 80-е г. III в. до н. э.						
13	[ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ] [ΑΡΙΣ]ΤΟ[ΒΟ]ΥΛ[Ο] … кадуцей вправо конец 320-х г. – начало III в. до н. э.	1	-‖-	северная часть селища	∅ ручки 2,3 х 4,1 см	Синопа, астиномное	На ручке, рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий, легенда сбита, просматриваются отдельные буквы, часть эмблемы сбита. Эмблема расположена справа от нижней строки. Астином Аристобул (III МГ). [Кац, 2007, с. 434].
14	Тетрахалк, 320 – 310 гг. до н. э.	1	медь	центральная часть селища	∅ 1,8 х 2,0 см; вес - гр	Пантикапей	Л. С. Голова бородатого божества вправо. О.С. ΠΑΝ. Протома грифона влево, внизу осетр. [Анохин, 1999, с. 66, рис. 15, 7].
15	Тетрахалк, 293 – 283 гг. до н. э.	1	-‖-	западная часть селища	∅ 2,0 х 2,0 см: вес - гр	Пантикапей	Л. С. Голова безбородого божества в венке влево. О. С. ΠΑΝ. Голова льва влево, внизу осетр. [Анохин, 1999, с. 76, рис. 17, 9].
16	Обол, 320 – 310 г. до н .э.	1	-‖-	центральная часть селища	∅ 1,4 х 1,4 см: вес - гр	Пантикапей	Л. С. Голова безбородого божества вправо. О. С. ΠΑΝ. Протома пегаса вправо. [Анохин, 1999, с. 76, рис. 15. 8].

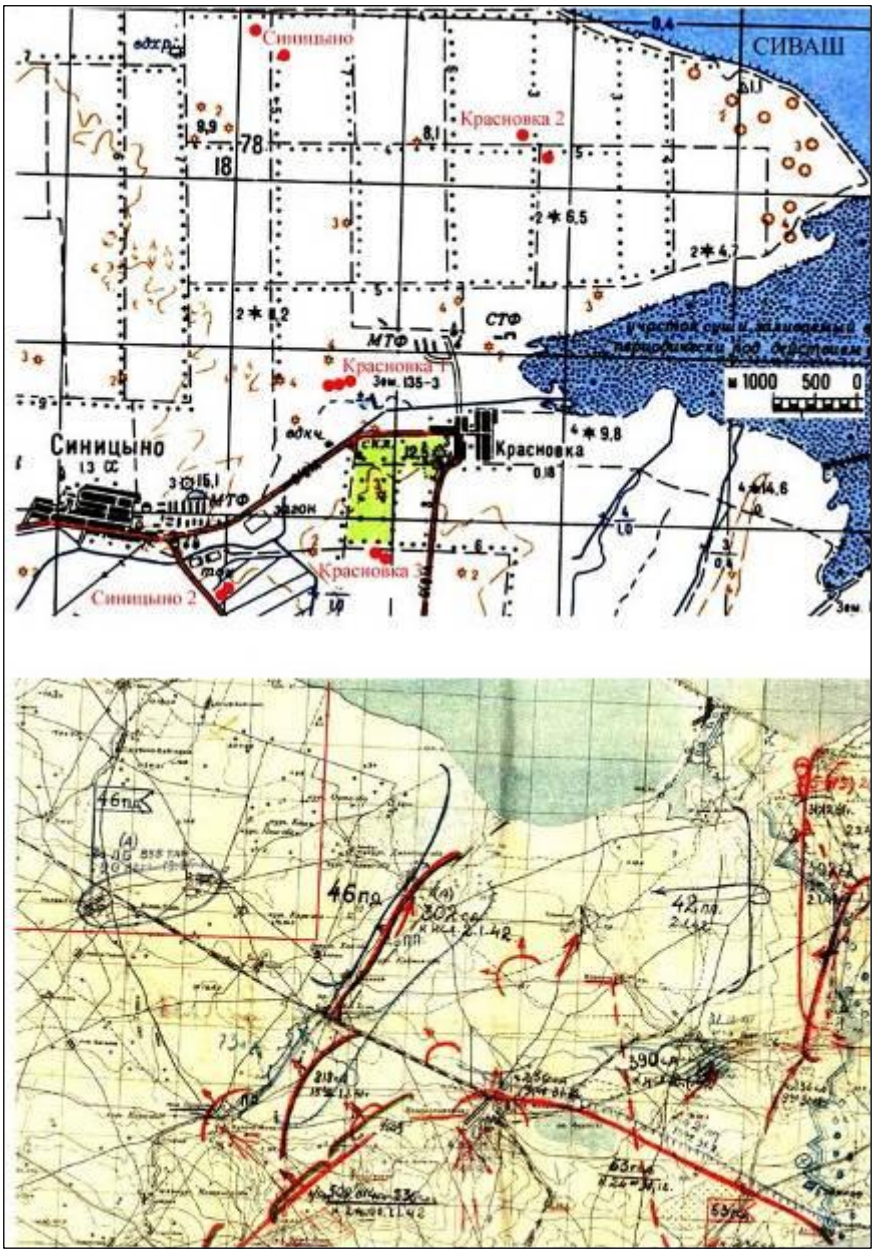


Рис. 1. Месторасположение античного селища Красновка 1
на топографических картах 1988 и 1942 гг.

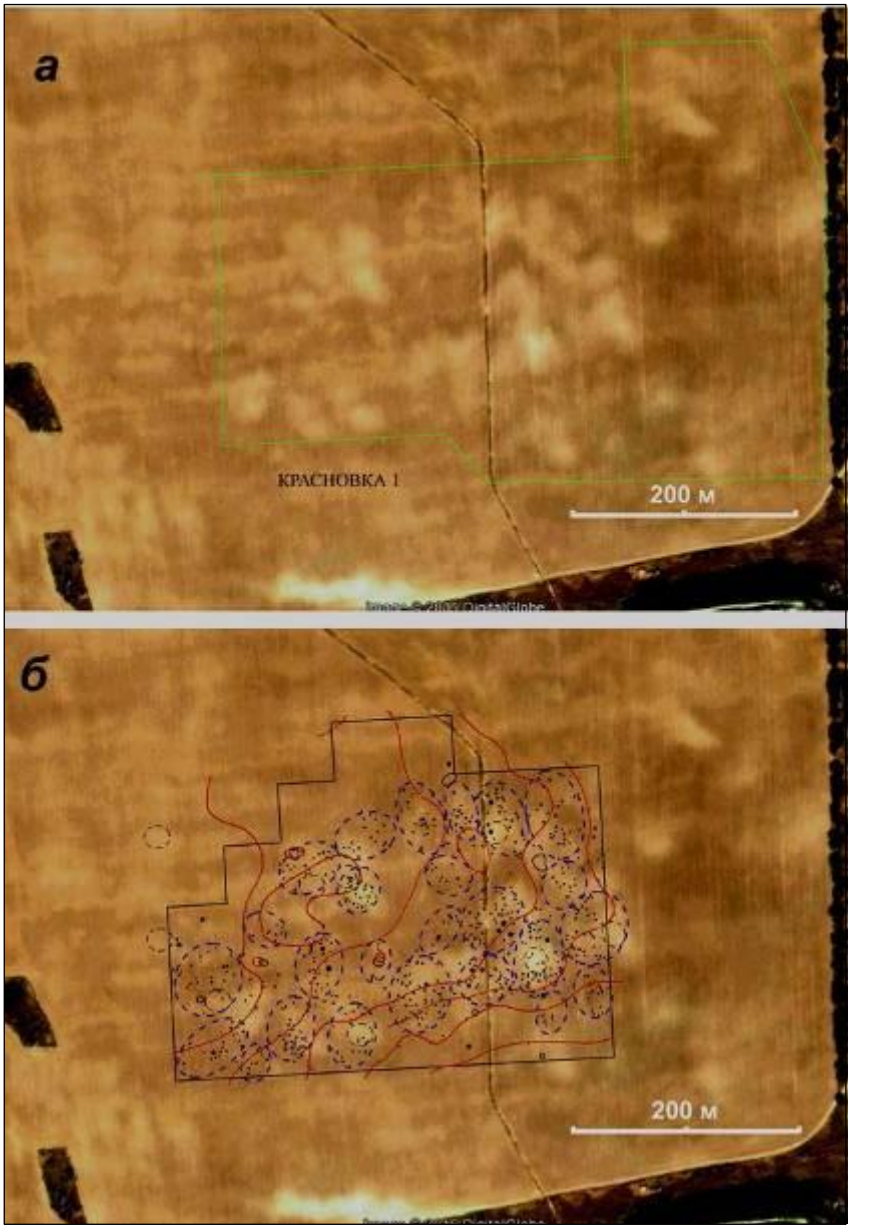


Рис. 2. Античное селище Красновка 1 на картах из ресурса Google Earth.

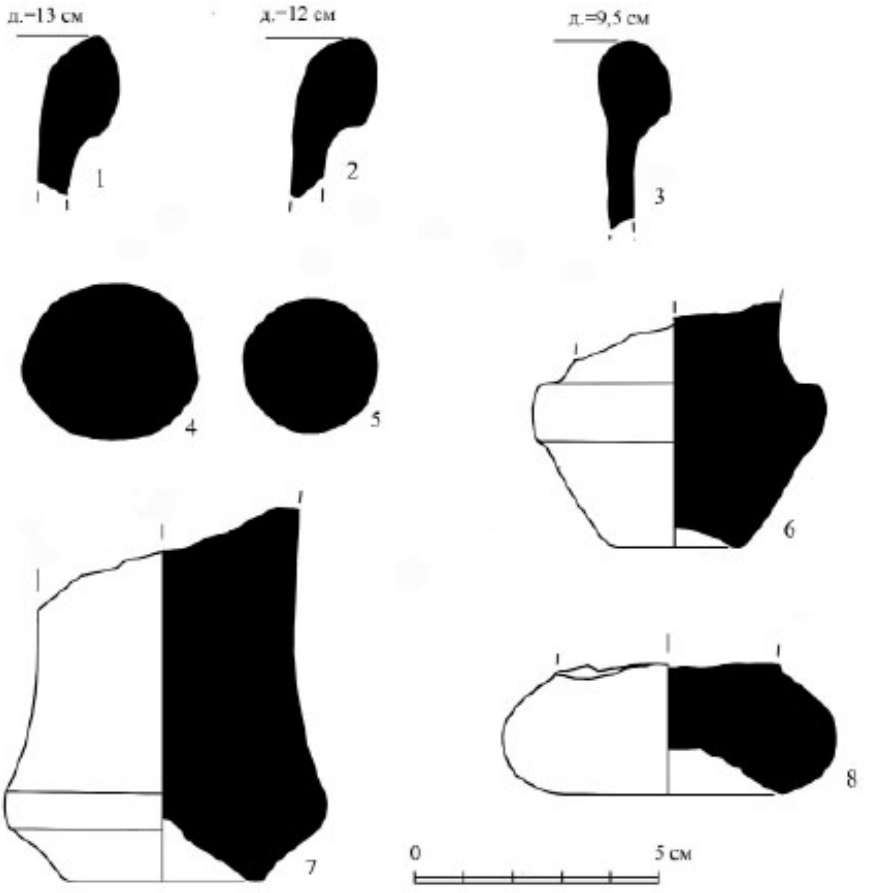


Рис. 3. Селище Красновка 1. Фрагменты амфор: 1–5 – венчики и ручки лесбосских красноглиняных амфор; 6 – ножка книдской амфоры; 7 – ножка фасосской амфоры; 8 – ножка херсонесской амфоры.

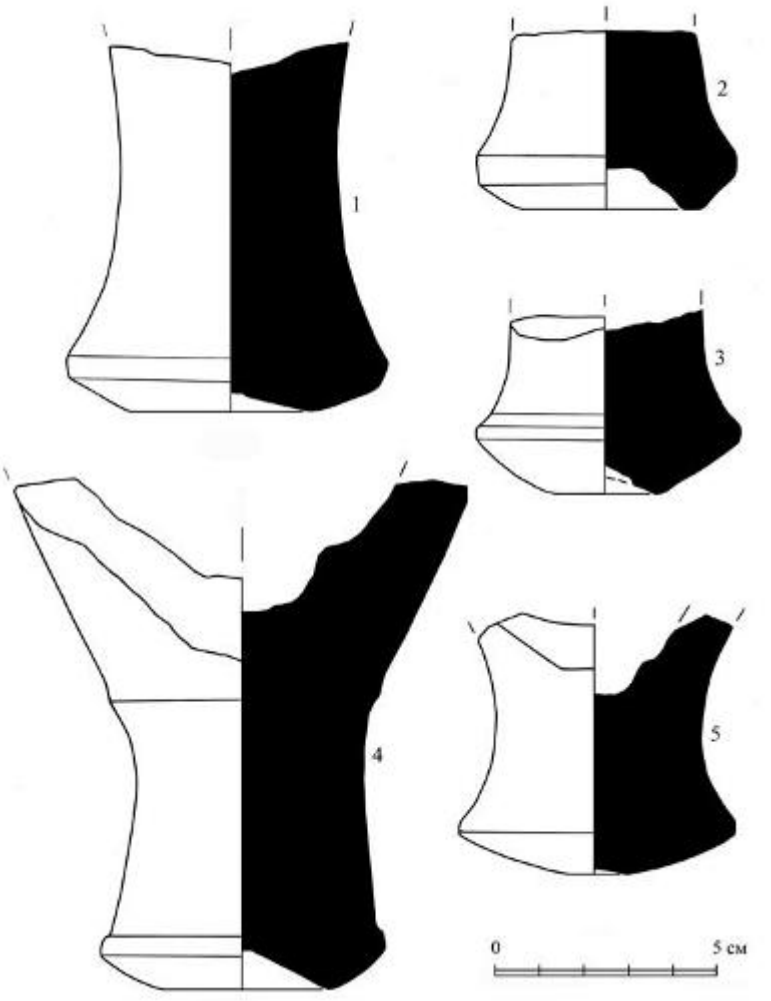


Рис. 4. Селище Красновка 1. Ножки амфор: 1, 2, 4, 5 – мендейских; 3 – пепаретской.

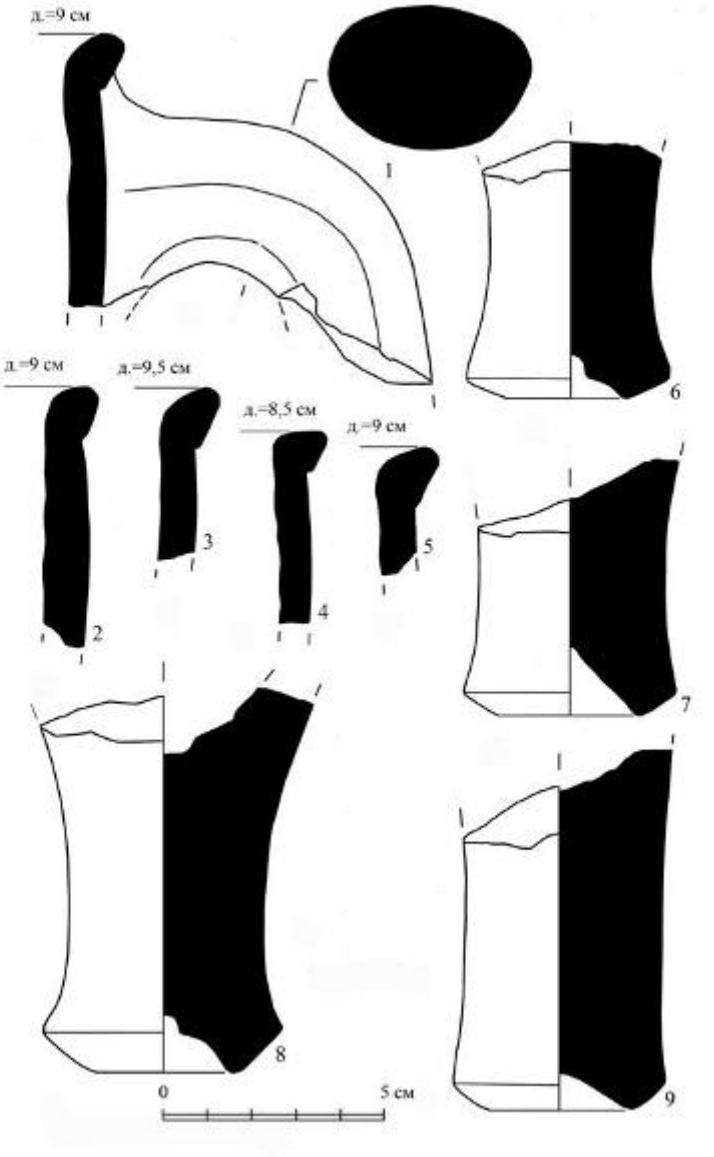


Рис. 5. Селище Красновка 1. 1–9: венчики, ножки гераклейских амфор.

Рис. 6. Селище Красновка 1. 1–10: венчики, ножки гераклейских амфор.

Рис. 7. Селище Красновка 1. 1–3 – монеты пантикапейской чеканки;
4 – зеркало бронзовое.

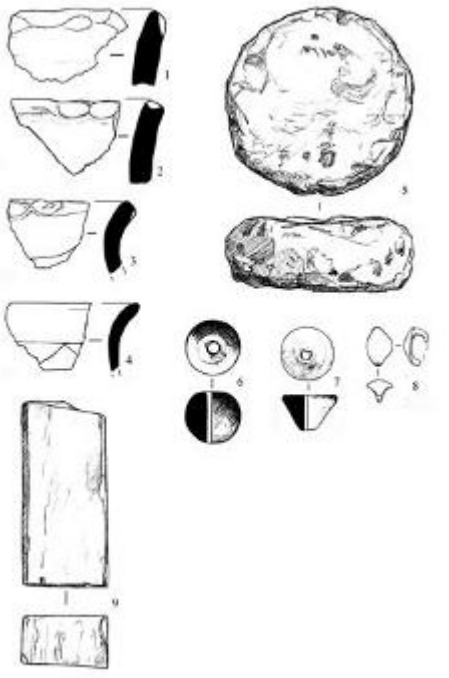


Рис. 8. Селище Красновка 1. 1–3 – венчики лепных горшков, орнаментированные пальцево-ногтевыми вдавлениями; 4 – венчик лепного лощеного сосуда с орнаментацией таврского типа; 5 – известняковая крышка сосуда (амфоры); 6 – прясло лепное; 7 – прясло свинцовое; 8 – бляшка бронзовая; 9 – оселок.

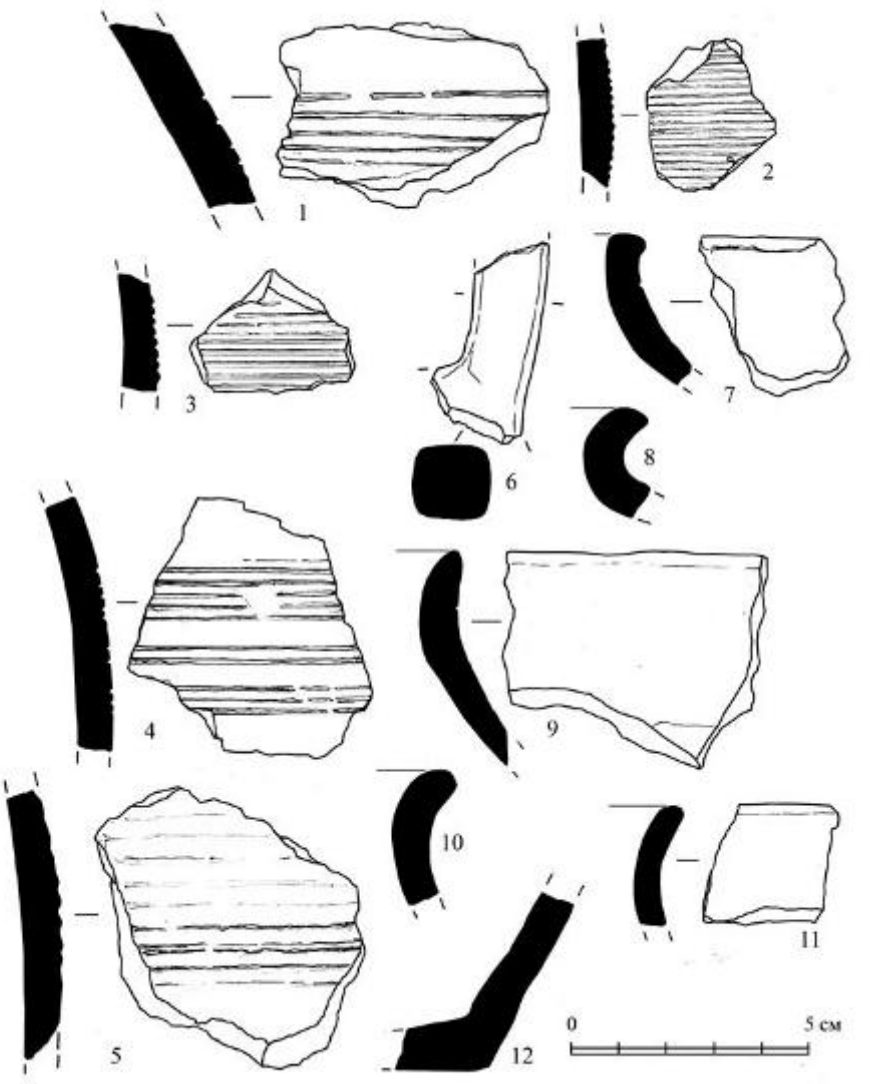


Рис. 9. Селище Красновка 1. Фрагменты лепных сосудов катакомбной культуры:
1–5 – стенки, орнаментированные «расчесами»; 6 – ручка;
7–11 – венчики; 12 – днище.

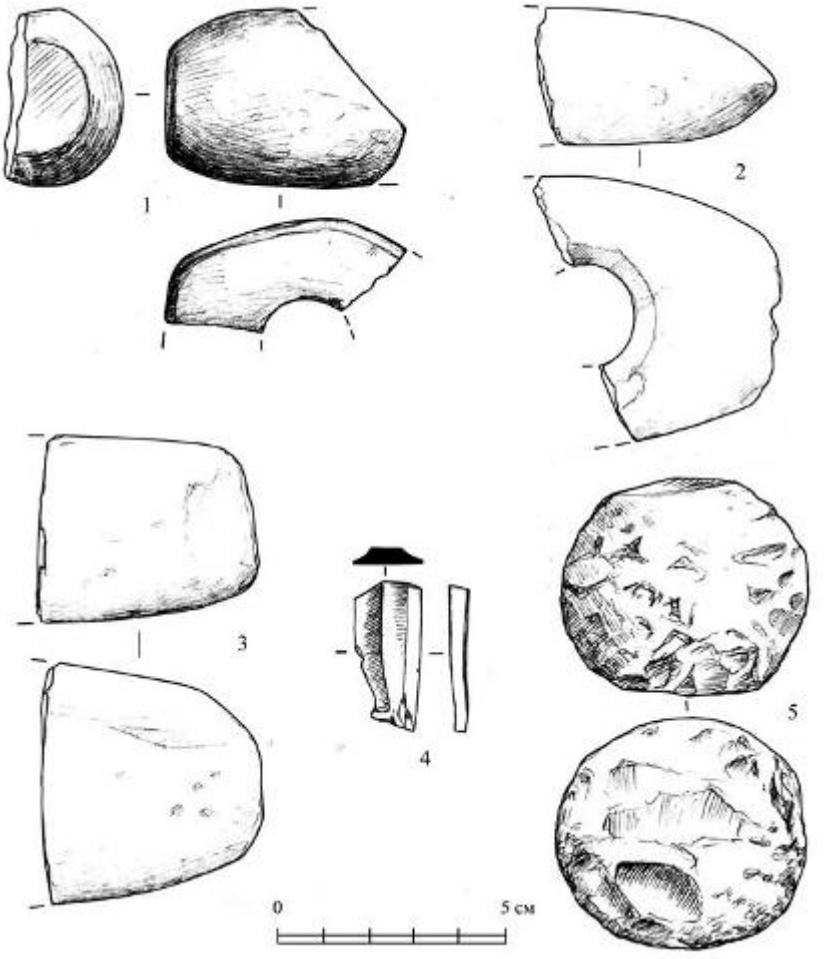


Рис. 10. Селище Красновка 1. Фрагменты каменные орудий: 1 – 3 – топоры; 2 – пластина кремневая; 5 – отбойник кремневый.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 100–116.

УДК 01-110

ЭСТАМПАЖИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРЕЙСКИХ НАДГРОБНЫХ ТЕКСТОВ НЕКРОПОЛЯ МАНГУП (КРЫМ) А. Я. ГИДАЛЕВИЧА ИЗ ФОНДОВ ИВР РАН

Кашовская Н. В.

ФБГУК «Музей истории религии»,
зав. отделом «Религии Востока», Санкт-Петербург, Российская Федерация
kashnat@mail.ru

Одним из интереснейших объектов по истории иудейских общин Крыма является Мангуп, в отрогах плато которого расположено иудейское кладбище. Его изучение было начато еще в середине XIX в. и продолжается по настоящее время. В 2014 г. сотрудниками ИВР и ГМИР в ходе совместных работ в библиотечном фонде Института восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга среди собрания рукописей Центральной Азии и Сибири в коллекции Н. Н. Кроткова из Восточного Туркестана, в папке с образцами уйгурской письменности обнаружены десять еврейско-язычных эстампажей. Приводимые в статье эстампажи будут введены по результатам исследования в Фонд ИВР РАН и займут свое историческое место в коллекции, часть которой С. М. Дубнов опубликовал в 1914 г. Они не только дополняют этот каталог, но являются уникальным материальным памятником исследования Мангупа. К сожалению, до сих пор так и не удалось обнаружить следы местонахождения коллекций эстампажей и прорисей, выполненных А. С. Фирковичем в 40-х гг. XIX в., Д. А. Хвольсоном в 80-х, девять эстампажей Ф. А. Брауна и последних оттисков А. Я. Гидалевича.

Обретение этой небольшой коллекции ставит новые задачи для ученых по анализу, атрибуции и обработке вновь введенных в научный оборот материалов, что, безусловно, даст ответы на многие вопросы, поставленные первыми исследователями Табана-Дере.

Ключевые слова: Мангуп-Кале, Феодоро, Чуфут-Кале, Константинополь, Табана-Дере, иудеи, евреи, караимы, кладбище, некрополь, могильник, надгробный камень, эпитафия, эстампаж.

Иудейские и караимские древности Крыма привлекают все большее внимание историков как пограничностью общего круга вопросов по иудейской проблематике, так и специфическими направлениями региона: крымский караимизм, его появление и распространение на полуострове, социально-политические аспекты внутриобщинной религиозной жизни караимов, самоидентификация народа в различных исторических эпохах.

Одним из таких проблемных исторических объектов общепризнанно является Мангуп, плато во внутренней гряде крымских гор, на котором находятся остатки городища, крепости с более чем тысячелетней историей. Иудейское кладбище расположено в верховьях ущелья Табана-Дере, образованного отрогами двух крайних правых сходящихся мысов плато Мангуп[1]. Вероятно, иудейские поселенцы, последние жители Мангупа, выбрали склоны Чамны-Буруна для кладбища, исходя из условий местности; дно оврага, по которому протекал ручей, было заболоченным. Могильник

[1] По планам А. Г. Герцена это стена А [2, с. 262, рис. 30].

имеет протяженность около 800 м и площадь до трех гектаров, внутри он разбит на условные секторы, которые образованы рельефом ущелья [1, с. 557]. На искусственных террасах более крутого склона Чамны-Буруна, резко спускающегося к тальвегу, в 30 м от крепостной стены[1], находились самые ранние погребения. Такое своеобразие месторасположения кладбища отмечали и путешественники, и исследователи: Кеппен [3, с. 261], Фиркович [4, с. 211–212], Марков [5, с. 410], Лепер [6, с. 297], Герцен [7, с. 744–751], Федорчук [8, с. 77–88], Кизилов [9, с. 191–205; 10, с. 544–545; 11, с. 300–306], Кашовская [12, с. 252, 256]. К настоящему времени это кладбище полностью картографировано силами исследовательской группы под руководством автора, составлен каталог надгробных надписей и готовится к печати полное описание надгробных текстов (результаты многолетних полевых исследований кратко опубликованы) [12, с. 250–276; 317–334]. В процессе его подготовки не покидала надежда на то, что удастся найти полевые материалы предшествующих работ, и поиски их в архивах и библиотеках Петербурга не прекращались.

В 2014 г. сотрудниками ИВР и ГМИР в ходе совместных работ в библиотечном фонде Института восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга, среди собрания Центральной Азии и Сибири, в коллекции Н. Н. Кроткова из Восточного Туркестана, в папке с образцами уйгурской письменности были обнаружены десять еврейскоязычных эстампажей[2].

Это десяток разрозненных листов тканевой бумаги, каждый из которых представлял рельефный оттиск (Рис. 1А-7А – эстампажи). Оттиски выполнены на одинаковых по обработке и толщине листах, на которых до сих пор видны и общие пятна загрязнений. Не все десять эстампажей одинаковой степени сохранности, отдельные листы имеют заломы, помятости, пылевые загрязнения, нечеткие рельефные отпечатки. На каждом листе сохранились пометы разновременных маркировок: красные карандашные – одного почерка, они, видимо, были последними, т. к. на листах этим же карандашом зачеркнуты другие номера, проставленные простым карандашом. Тот, кто наносил пометы, владел языком: ему удалось объединить в некоторых случаях по два оттиска в один номер: № III/1,2; V/1,2; VII/1,2. Подобные детали позволяют говорить или об одновременности изготовления эстампажей, или их одномоментной регистрации при поступлении в фонд и возможности отнесения этих оттисков к одной коллекции. Язык зафиксированных эстампажами надгробных текстов – еврейский.

При сопоставлении оттисков с имеющимся у автора собранием фотографий надгробных эпитафий иудейского кладбища Мангупа удалось достаточно точно их идентифицировать. Оказалось, что оттиски были сняты с семи надгробий, реально существующих на данном кладбище. Их можно было бы отнести к эпиграфическим коллекциям исследователей, в разные годы работавших на городище: Д. А. Хвольсон – в 1882-м [13], Ф. А. Браун – в 1890-м [14], Р. Х. Лепер и А. Я. Гидалевич – в 1912–1913 гг. [15, с. 1–21], чьи материалы признавались потерянными в бурный XX век. Однако чис-

[1] По планам А. Г. Герцена это стена **А** [2, с. 262, рис. 30].

[2] Десять оттисков в фондах Института Восточных рукописей РАН удалось обнаружить благодаря научному интересу, проявленному сотрудниками института Д. Рухлядевым, А. Грушевым, Е. Григоровой, С. Шевельчинской. Выражаю им свою искреннюю признательность.

ло обнаруженных листов указывало на собрание А. Я. Гидалевича, опубликованное в журнале «Еврейская старина» в Петрограде в 1914 г. С. М. Дубновым [15, с. 11]. В статье С. М. Дубнов указывал, что получил от А. Я. Гидалевича 60 эстампажей, но в публикацию вошло только 50 – без каких-либо комментариев о недостающей части. О происхождении коллекции в публикации сказано лишь то, что он (Дубнов) получил от А. Я. Гидалевича «60 оттисков и 17 фотографий», снятых в ходе «работ на местном кладбище (Табана-Дере, Мангуп), производившихся летом 1912, 1913 гг. в связи с исследованиями крымского археолога Р. Х. Лепера» [15, с. 11].

До недавнего времени статья С. М. Дубнова являлась единственным свидетельством существования коллекции, и научное сообщество не располагало никакими данными о ее судьбе.

Все косвенные признаки говорили о том, что следы недостающих оттисков теряются в Санкт-Петербурге: фонды Еврейского историко-этнографического общества после его закрытия в 1929 г. были переданы в Русский, Этнографический и Азиатский музеи; последний и сам в том же году претерпевает расформирование, и теперь уже его фонды расходятся по музеям и институтам Ленинграда. Десять эстампажей, сохранившихся в фондах Санкт-Петербургского Института восточных рукописей, могли быть именно той группой оттисков, что не вошли в публикацию. Таким образом, они могут являться теперь единственным материальным подтверждением большой многоплановой научной работы археологической экспедиции Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг.

Как исследователь Мангупа Р. Х. Лепер появляется неожиданно: до 1908 г. он был ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе (РАИК), но в мае этого года назначается управлять Херсонесом в связи со смертью основателя и первого директора Херсонесского музея – Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. Вскоре в его поле зрения – византиниста, археолога и топографа – попадает и Мангуп. Научное мнение того времени признавало Мангуп хорой византийского Херсонеса, а расширение археологических интересов Р. Х. Лепера превращает «Склад местных древностей» (именно так официально именовался Херсонесский музей) в научный центр.

На лето 1912 г. Императорской археологической комиссией было намечено возобновление раскопок на Мангупе, их руководителем назначается Р. Х. Лепер[1]. Лепер начал искать дополнительное финансирование. Тогда в Севастополе был известен

[1] Роман Христианович Лепер – член Императорской археологической комиссии; в 1901–1908 гг. – ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (РАИК). Во время пребывания в Константинополе Р. Х. Лепер занимался археологическими и топографическими изысканиями на территории Малой Азии. Одним из его занятий в РАИК было приведение в порядок, изучение, описание и публикация нумизматических коллекций Института. В 1908 г. Р. Х. Лепер по распоряжению Императорской археологической комиссии стал директором «Склада местных древностей» – музея Херсонеса. До 1914 г. он работал и занимался исследованиями Херсонеса и памятников Юго-Западного Крыма. Скончался в 1918 г. в Санкт-Петербурге.

своей благотворительностью Арон Яковлевич Гидалевич[1], купец 1-й гильдии и меценат. Р. Х. Леперу даже не пришлось его искать – Гидалевич сам обратился к нему с предложением о помощи. Разговор шел о кладбище в ущелье Табана-Дере. Лепер соглашается расширить планы археологической экспедиции и включает в них раскопки на кладбище, снятие эстампажей, зарисовок и чертежей с надгробных надписей [16, с. 154]. Курирование данным направлением работ возлагается на А. Я. Гидалевича.

Летом 1912 г. экспедиция поднимается на плато, начинаются работы на иудейском кладбище балки Табана-дере. Помимо археологических раскопок, предусматривается снятие эстампажей, зарисовок и чертежей с надгробных надписей [17, с. 265–269].

За два года работ (1912 и 1913 гг.) эпиграфической группой отряда собрана коллекция оттисков и фотографий, которая А. Я. Гидалевичем и была доставлена в комитет Еврейского историко-этнографического общества в Петербург [6, с. 297–300]. Ее всесторонним изучением занялся председатель общества – Семен Маркович Дубнов[2], видный еврейский историк, который «с восторгом» принял собрание артефактов [15, с. 11, 13]. Он уверенно полагал, что материалы, собранные «систематическими раскопками с чисто научными целями», обеспечат решение сложнейшего исторического вопроса о времени происхождения надгробий, с текстов которых сделаны эти оттиски. И вскоре собрание надписей было им разобрано и опубликовано: 50 надписей – с 1387 г. до 1730 г.; 13 – не датированы из-за плохого состояния оттисков [15, с. 1–21].

Самым древним текстом стала эпитафия «Ефросинии, дочери Иосифа» [15, с. 11, 13; 18, с. 556–561]. После долгого изучения фотоснимка памятника и эстампажа надписи С. М. Дубнов остановился на датировке надгробия под 1387 г. (в публикации Дубнов оперирует общепринятым летоисчислением по Р. Х.), отказываясь от 1487 и 1587 гг. [15, с. 13–14]. Однако его вывод базировался на косвенных аргументах, он считал, что орнамент в виде звезды не встречается на других памятниках, а имя Евфросиния[3] «не встречается в остальных памятниках, начинающихся с XVI века». Исходя из этого Дубнов заключает, «что данный памятник действи-

[1] Арон Яковлевич Гидалевич – член Таврической ученой архивной комиссии, купец 1-й гильдии, член Торгово-промышленного комитета Севастополя, владелец типографии «Прогресс»; был известен просветительско-благотворительной деятельностью. А. Я. Гидалевич участвовал в финансировании археологических раскопок в Крыму, на Мангупе в 1912–1913 гг. и в Херсонесе – на участке «базилики 1935 г.». С 12 февраля 1913 г. состоял членом ТУАК, активно печатался в ее журналах, в номерах за 1913–1916 гг. опубликовал пять статей, посвященных истории Крыма, в частности Мангупа. 23 февраля 1918 г. в числе других был убит в Севастополе во время красного террора, собранная им коллекция древностей оказалась разграбленной: «похищена драгоценная коллекция старинных монет, имевших огромную археологическую ценность».

[2] Семен Маркович (Шимон Мейерович) Дубнов – еврейский историк, публицист и общественный деятель, один из основателей и руководителей Еврейского историко-этнографического общества, в 1909–1918 гг. – редактор издаваемого обществом журнала «Еврейская старина». Подробно изучал фотографии и эстампажи, выполненные с надгробных памятников иудейского кладбища Мангупа. Результаты своих исследований сформулировал в статье «Историческая тайна Крыма», опубликованной в журнале «Еврейская старина» за 1914 г.

[2] В написании имени орфография С. М. Дубнова.

тельно относится к концу XIV века, т. е. к генуэзскому периоду, когда греческие и итальянские имена были в большом употреблении у евреев Тавриды» [15, с. 14]. Статья Дубнова в «Еврейской старине», представляющая новую датировку могильника и иной «историографический подход к изучению эпиграфического» корпуса, явилась началом нового этапа в изучении некрополя. С. М. Дубнов анализировал археологические и эпиграфические материалы, это значительно повысило историографический интерес к публикации у тех, кто продолжает изучение могильника Табана-Дере [1, с. 476].

Из-за изменений, внесенных в эпитафии на камне в разное время (и иными лицами), надгробные надписи с иудейского кладбища Мангупа стали для С. М. Дубнова серьезной проблемой [19, с. 61]. Он с сожалением заметил, что «ему повезло меньше, чем Фирковичу» [15, с. 13], а фрагментарность текстов на 13 надписях не позволила ему установить даты даже приблизительно» [15, с. 10, 13]; некоторые же надписи у Фирковича «при сходстве текстов резко отступают от наших в датах» [15, с. 13; 4, с. 211–216]. Как историк Дубнов недоумевал по поводу временного «перерыва в 118 лет», обнаружившегося в каталоге представленных надписей, т. к. «дата ближайшего памятника – 1505 год, да и она подлежит сомнению в виду неясности буквы, обозначающей сотни» [15, с. 14].

Оттиски, которые мы представляем в данной статье, по непонятной причине не были привлечены С. М. Дубновым к исследованию и обобщению (хотя, как уже отмечалось, С. М. Дубнов получил от А. Я. Гидалевича 60 листов эстампажей). В семи обнаруженных текстах читаются более ранние даты, относящиеся как раз ко второй половине XV в., они могли бы заполнить названную временную лакуну.

Тем более интересно привлечь к атрибуции обнаруженных листов топографический план ущелья и кладбища Табана-Дере, составленный по результатам геодезической съемки 1991–1992 гг., и проследить по карте, как эти семь эпита- фий реальных надгробий распределяются на местности по ущелью с учетом всех остальных камней из собрания Гидалевича-Дубнова [12, с. 257–259, 317]. Они распределились по карте следующей картиной (Рис. 8 а, б): надгробия с обнаруженными текстами заполняют пространство между верхними и нижними горизонталями топографических отметок 459,0–447,0, последовательно спускаясь ко дну оврага. Мы полагаем, что исследователи делали такую выборку по надгробию на каждой высотной террасе не случайно. Кладбище располагалось на искусственных террасах, которые нарезались по мере возникновения необходимости в новых погребальных участках, вследствие чего можно проследить хронологию развития могильника. Этим обусловлена логика передвижения исследований, что и подтверждают даты на эстампажированных памятниках: на верхних горизонталях первый текст – с датой 1471 г. (5231 г.), а на самых нижних – последний – 1583 г. (5343 г.). Эти эстампажи решают временную проблему в собрании Гидалевича-Дубнова, о которой неоднократно говорил С. М. Дубнов.

Таким образом, складывается следующая картина: между номером первым и вторым в каталоге Дубнова в хронологическом порядке распределяются еще семь

эстампажей, что доказывается полной эпиграфической фиксацией могильника, проведенной нами в 1991–1992 гг. [12, с. 317].

Публикуемые эстампажи из Института восточных рукописей маркируются в статье двумя номерами, где первый номер – коллекционный (неизвестной этимологии), второй – по авторскому каталогу (К – Кашовская).

1. ЭСТАмПАЖ ИВр - № I; К-823[1]

1. הז רבקה לש רש סולש וב
2. השומ תנש ה‹ר‹ל‹א‹

2. ЭСТАмПАЖ ИВр-№ II; К-740

1. תאז הבצמה לש [מחנ...]
2. וב ורהא תנש שה[ו]

3. ЭСТАмПАЖИ ИВр – № III/1, III/2; К-849

1. הזו בקהר לש סהרבא
2. וב השמ תנש
3. ה‹ר‹ל‹ז‹

4. ЭСТАмПАЖ ИВр - № IV; К-724

1. הז רבקה לש ורהא תנש
2. בסרה הריציל סלועה

5. ЭСТАмПАЖИ ИВр – № V/1, V/2; К-755

1. הז רבקה לש [תרמ] ארתס תב השמ
2. תנש ערה[ו] ל[י]הריצ סלועה

6. ЭСТАмПАЖ ИВр – № VI; К– 560

1. תאז תבצמ [...]
2. הנח תב כ‹ר‹ ספוי
3. תנש דישה ת‹נ‹צ‹ב‹ה‹

7. ЭСТАмПАЖИ ИВр – № VII/ 1,VII/ 2; К-635

1. תבצמ תרובק הרש
2. תב קחצי תנש גמשה

[1] Данная эпитафия опубликована А. С. Фирковичем в Авне-Зиккароне под № 1. ינבא וורכז. תובצמ ירבק ינב לארשי ריעב פוגנמ הברחה. הנליוו. בלרה.ד‹241 (иврит).

Приведенные в статье эстампажи введены по результатам исследования в фонде ИВР РАН и заняли свое историческое место в коллекции, часть которой С. М. Дубнов опубликовал в 1914 г.

К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить следы местонахождения коллекций эстампажей и прорисей, выполненных А. С. Фирковичем в 40-х гг. XIX в., Д. А. Хвольсоном – в 80-х гг. того же века, девять эстампажей Ф. А. Брауна и последних оттисков А. Я. Гидалевича.

Публикация С. М. Дубнова до недавнего времени являлась единственным свидетельством большой эпиграфической работы А. Я. Гидалевича, проведенной на иудейском кладбище Табана-Дере в период полевых сезонов 1912–1913 гг., но не было ничего известно о судьбе самой коллекции эстампажей. На сегодня обнаруженные десять листов – это все, что от нее осталось. Это обстоятельство делает их не только дополнением каталога С. М. Дубнова, но уникальным материальным памятником исследованию Мангупа.

Обретение этой небольшой коллекции ставит новые задачи для эпиграфиста по анализу, атрибуции и обработке вновь введенных в научный оборот материалов, что, безусловно, даст ответы на многие вопросы, поставленные первыми исследователями Табана-Дере.

Список использованных источников и литературы

1. Кашовская Н. В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена / Н. В. Кашовская // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. – Вып. XIII. – С. 475–482.

Kashovskaya N. V. O nadgrobnoy plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena / N. V. Kashovskaya // MAIET. – Simferopol’, 2007. – Vyp. XIII. – S. 475–482.

2. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А. Г. Герцен // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. – Вып. I. – С. 88–271.

Gertsen A. G. Krepostnoy ansambl’ Mangupa / A. G. Gertsen // MAIET. – Simferopol’, 1990. – Vyp. I. – S. 88–271.

3. Кеппен П. И. Крымский сборник : О древностях южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кеппен. – СПб. : Императорская Академия наук, 1837. – 409 с.

Keppen P. I. Krymskiy sbornik : O drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh / P. I. Keppen. – SPb. : Imperatorskaya Akademiya nauk, 1837. – 409 s.

4. Фиркович А. С. **פל‹‹ק.** תנש לרת‹‹ב אנליוו וורכז ינבא רפס / [Сефер Авне-Зиккарон] : сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем. Ч. I. Надгробные надписи. Часть II. Описание путешествий автора / А. С. Фиркович. – Вильнюс, 1872. – С. 209–210, 211–216, 217–223.

Firkovich A. S. ק’’פל ב’’לרת תנש. אנליוו וורכז ינבא רפס. / [Sefer Avne-Zikkaron] : sbornik nadgrobnykh evreyskikh nadpisey na Krymskom poluostrove, sobrannykh uchenym karaimom Avraamom Firkovichem. Ch. I. Nadgrobnye nadpisi. Chast’ II. Opisanie puteshestviy avtora / A. S. Firkovich. – Vil’nyus, 1872. – S. 209–210, 211–216, 217–223.

5. Марков Е. Л. Очерки Крыма / Е. Л. Марков. – СПб. : Таврия, 1995. – 543 с.

Markov E. L. Ocherki Kryma / E. L. Markov. – SPb. : Tavriya, 1995. – 543 s.

6. Лепер Р. Х. Сообщение Лепера Р. Х. о раскопках на Мангупе 1913 г. / Р. Х. Лепер // ИТУАК. – Симферополь, 1914. – Вып. 51. – С. 297–300.

Leper R. Kh. Soobshchenie Lepera R. Kh. o raskopkakh na Mangupe 1913 g. / R. Kh. Leper // ITUAK. – Simferopol’, 1914. – Vyp. 51. – S. 297–300.

7. Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму / А. Г. Герцен // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 744–751.

Gertsen A. G. Arkheologicheskie issledovaniya karaimskikh pamyatnikov v Krymu / A. G. Gertsen // MAIET. – Simferopol', 1998. – Vyp. VI. – S. 744–751.

8. Федорчук А. М. Находки и загадки Авраама Фирковича / А. М. Федорчук // Восточная коллекция. – М. : Российская государственная библиотека, 2006. – С. 77–88.

Fedorchuk A. M. Nakhodki i zagadki Avraama Firkovicha / A. M. Fedorchuk // Vostochnaya kollektsiya. – M. : Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka, 2006. – S. 77–88.

9. Кизилов М. Б. Караимские некрополи Чуфут-Кале и Мангупа по описаниям путешественников и ученых XVIII–XIX вв. / М. Б. Кизилов // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 191–205.

Kizilov M. B. Karaimskie nekropoli Chufut-Kale i Mangupa po opisaniyam puteshestvennikov i uchenykh XVIII–XIX vv. / M. B. Kizilov // Materialy Vos'moy ezhegodnoy Mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike. – M., 2001. – Ch. 1. – S. 191–205.

10. Кизилов М. Б. Крымские «пещерные города» по описанию Е. Скимунта (Поята) / М. Б. Кизилов // МАИЭТ. – Симферополь, 2002. – Вып. IX. – С. 543–548.

Kizilov M. B. Krymskie «peshchernye goroda» po opisaniyu E. Skimunta (Poyata) / M. B. Kizilov // MAIET. – Simferopol', 2002. – Vyp. IX. – S. 543–548.

11. Кизилов М. Б. Крымская Готия / М. Б. Кизилов. – Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. – 351 с.

Kizilov M. B. Krymskaya Gotiya / M. B. Kizilov. – Simferopol' : Nasledie tysyacheletiy, 2015. – 351 s.

12. Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования / Н. В. Кашовская // Труды Государственного музея истории религии. – СПб., 2013. – Вып. 13. – С. 250–276, 317–334.

Kashovskaya N. V. Korpus epitafiy iudeyskogo kladbishcha Mangup-Kale kak istoricheskiy istochnik. Zavershenie sistematizatsii epitafiy i obobshchenie rezul'tatov issledovaniya / N. V. Kashovskaya // Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. – SPb., 2013. – Vyp. 13. – S. 250–276, 317–334.

13. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надгробных надписей, содержащие надгробные надписи из Крыма и другие надгробные надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия / Д. А. Хвольсон. – СПб. : Императорская Академия наук, 1884. – 528 с.

Khvol'son D. A. Sbornik evreyskikh nadgrobnykh nadpisey, soderzhashchie nadgrobnye nadpisi iz Kryma i drugie nadgrobnye nadpisi iz inykh mest, v drevnem evreyskom kvadratnom shrifte, takzhe obraztsy shriftov iz rukopisey ot IX–XV stoletiya / D. A. Khvol'son. – SPb. : Imperatorskaya Akademiya nauk, 1884. – 528 s.

14. Браун Ф. А. Отчет о раскопках на юге России 1890 г. / Ф. А. Браун // ИИМК. Д. 40/1890. 1893 г. С. 30–31.

Braun F. A. Otchet o raskopkakh na yuge Rossii 1890 g. / F. A. Braun // IIMK. D. 40/1890. 1893 g. S. 30–31.

15. Дубнов С. М. Историческая тайна Крыма / С. М. Дубнов // Еврейская старина. – Пг. : Еврейское историко-этнографическое общество, 1914. – С. 1–21.

Dubnov S. M. Istoricheskaya tayna Kryma / S. M. Dubnov // Evreyskaya starina. – Pg. : Evreyskoe istoriko-etnograficheskoe obshchestvo, 1914. – S.1–21.

16. Лепер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. / Р. Х. Лепер // ИАК. – СПб., 1913. – Т. 47. – С. 146–154.

Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniya na Mangupe v 1912 g. / R. Kh. Leper // IAK. – SPb., 1913. – T. 47. – S. 146–154.

17. Лепер Р. Х. Сообщение Лепера Р. Х. о раскопках на Мангупе августа-сентября 1912 г. / Р. Х. Лепер // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – Вып. 49. – С. 265–269.

Leper R. Kh. Soobshchenie Lepera R. Kh. o raskopkakh na Mangupe avgusta-sentyabrya 1912 g. / R. Kh. Leper // ITUAK. – Simferopol', 1913. – Vyp. 49. – S. 265–269.

18. Кашовская Н. В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа / Н. В. Кашовская // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 556–561.

Kashovskaya N. V. Zametki po iudeyskoy epigrafike Mangupa / N. V. Kashovskaya // MAIET. – Simferopol', 2003. – Vyp. Kh. – S. 556–561.

19. Герцен А. Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе / А. Г. Герцен // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и Средневековья. – Керчь, 2002. – С. 60–67.

Gertsen A. G. Mezhdu Bosporom i Khersonom: khazary v Dorose / A. G. Gertsen // Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i Srednevekov'ya. – Kerch', 2002. – S. 60–67.

Kashovskaya N. V. Estampages of the medieval Jewish tombstones texts in the necropolis Mangup (Crimea)from the funds of the IOM / N. V. Kashovskaya // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science.– 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 100–116.

Jewish and Karaite antiquities in Crimea attract the attention of researchers of the border issues in Jewish issues, especially with specific Crimean karaism. One of the specific issue is the historical sites of Mangup, where the Jewish cemetery is located. The study of that place was started in the middle of the XIX century and continues to the present. In 2014, 10 estampages in Hebrew language were discovered in a folder with the samples of the Uighur script, by the staff of the IOM and The State Museum of the History of Religion during the joint work in the library of the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg. The estampages were found among the manuscripts in the collection of the Central Asia and Siberia manuscript, in the collection of N. Krotkova of the East Turkestan. Estampages, which are quoted in the article, will be placed in the Funds of the IM concerning the results of the researching and will take its historical place in the collection, which was published in 1914 by S. Dubnov. These estampages are unique evidences in the Mangup material study.

Unfortunately, until now it's not possible to find the races of the location of the estampages collection, fulfilled by A.S. Firkovich in the 40s of the XIX century, by D. A. Chwolsson in 80, by F. A. Brown (9 estampages) and last stamps by A.Y. Gidalevich.

The acquisition of this small collection gives the new challenges for scientists to analyze, for the attribution and adaptation new scientific materials, and this work can give answers to many questions which were raised by the first researchers of Taban-Dere.

Keywords: Mangup-Kale, Taban-Dere, Jews, Karaites, cemetery, necropolis, tombstone, epitaph, estampages.

Рис. 1а. Эстампаж. ИВР – № I К-823.

Рис. 1б. Фото. К-823.

Рис. 1в. Прорись. К-823.

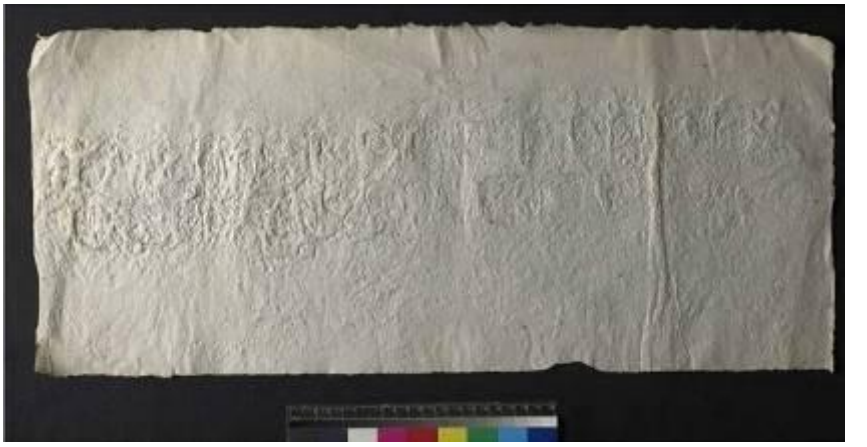


Рис. 2а. Эстампаж. ИВР – № II К-740.

Рис. 2б. Фото. К-740.

Рис. 2в. Прорись. К-740.

Рис. 3а. Эстампажи. ИВР – № III/1, III/2; К-849

Рис. 3б. Фото. К-849

Рис. 3в. Прорись. К-849

Рис. 4а. Эстампаж. ИВР – № IV К-724.

Рис. 4б. Фото. К-724.

Рис. 4в. Прорись. К-724.

Рис. 5а. Эстампажи. ИВР – № V/1, V/2; К-755.

Рис. 5б. Фото. К-755.

Рис. 5в. Прорись. К-755.

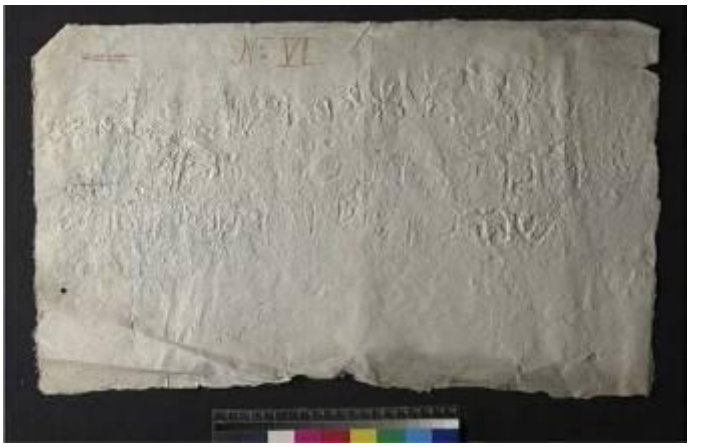


Рис. 6а. Эстампаж. ИВР – № VI; К-560.

Рис. 6б. Фото. К-560.

Рис. 6в. Прорись. К-560.

Рис. 7а. Эстампажи. ИВР – № VII/1,VII/2; К-635.

Рис. 7б. Фото. К-635

Рис. 7 в. Прорись. К-635.

Рис. 8а. Карта иудейского кладбища ущелья Табана-Дере (Мангуп), съемка 1991–1992 гг. Синий цвет – надгробия, представленные в публикации С. М. Дубнова по работам А. Я. Гидалевича 1912–1913 гг.; красный цвет – надгробия, представленные эстампажами А. Я. Гидалевича, работы 1912–1913 гг.

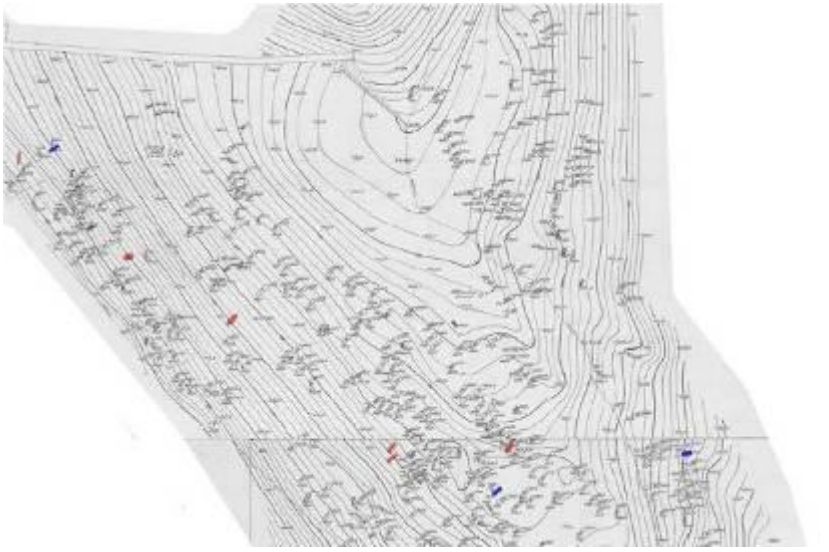


Рис. 8б. Фрагмент карты иудейского кладбища ущелья Табана-Дере (Мангуп), съемка 1991–1992 гг. Красный цвет – надгробия, представленные эстампажами А. Я. Гидалевеча, работы 1912–1913 гг.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 117–133.

УДК 903.532

НЕСКОЛЬКО ПОГРЕБЕНИЙ I ТЫС. ДО Н. Э. ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО КРЫМА[1]

Колотухин В. А.† [1]***, Колтухов С. Г.*** [2]

[1]***Кандидат исторических наук***

[2] ***Институт археологии РАН,***
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: skoltukhov@mail.ru

Статья посвящена археологическим материалам, происходящим из раскопок курганов с погребениями раннего железного века в восточной части Предгорного Крыма. Повторное изучение архивных данных позволило по-новому охарактеризовать и датировать шесть погребений предскифского, скифского и позднескифского времени.

Ключевые слова: ранний железный век, предскифский период, скифы, позднескифская культура, погребальный обряд, погребальные сооружения, Предгорный Крым.

В течение второй половины прошлого – начала нынешнего века в восточной части крымского предгорья раскопано несколько курганов с погребениями раннего железного века. Долгое время материалы раскопок были доступны лишь специалистам, работавшим с отчетными материалами, так как публикации результатов исследований постоянно откладывались из-за мнения о недостаточной информативности этих памятников, разграбленных в древности. Накопленные за прошедшие десятилетия данные позволили увидеть ранее недоступные аналогии и прийти к обоснованным выводам.

В этой публикации, по мере возможного, будут рассмотрены погребения предскифского, скифского и позднескифского времени, исследованные в разные годы под руководством П. Н. Шульца, Е. В. Веймарна и В. А. Колотухина у реки Биюк-Карасу и на горе Клементьева.

Белогорский курган скифский (?) располагался на южной окраине г. Белогорска у северных отрогов Главной гряды Горного Крыма (Рис. 1, *1*). Обнаруженный в центре кургана каменный склеп исследован сотрудниками Тавро-Скифской экспедиции в 1947 г. [1, с. 102–103] под руководством П. Н. Шульца. Диаметр кургана 12 м, высота около 2 м. Диаметр кургана не определен, высота около 2 м. Насыпь грунтово-каменная с каменным ядром или платформой (Рис. 2, *1*). Под насыпью находился склеп (Рис. 2, 2–*4*), сложенный из плитчатого известняка, характеризующийся продольно-осевым расположением погребальной камеры и перекрытого дромоса[2]. Плитовое пе-

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма», № 15-31-10128.

[2] Возможно, дромос закрывался плитой и с внешней стороны, тогда его правомерно рассматривать как небольшую привходовую камеру.

рекрытие склепа находилось на уровне погребенной почвы, что позволяет предположить скифское время сооружения кургана. Склеп неоднократно ограблен, закладная плита или закладные плиты отсутствовали, а в перекрытии погребальной камеры был сделан пролом.

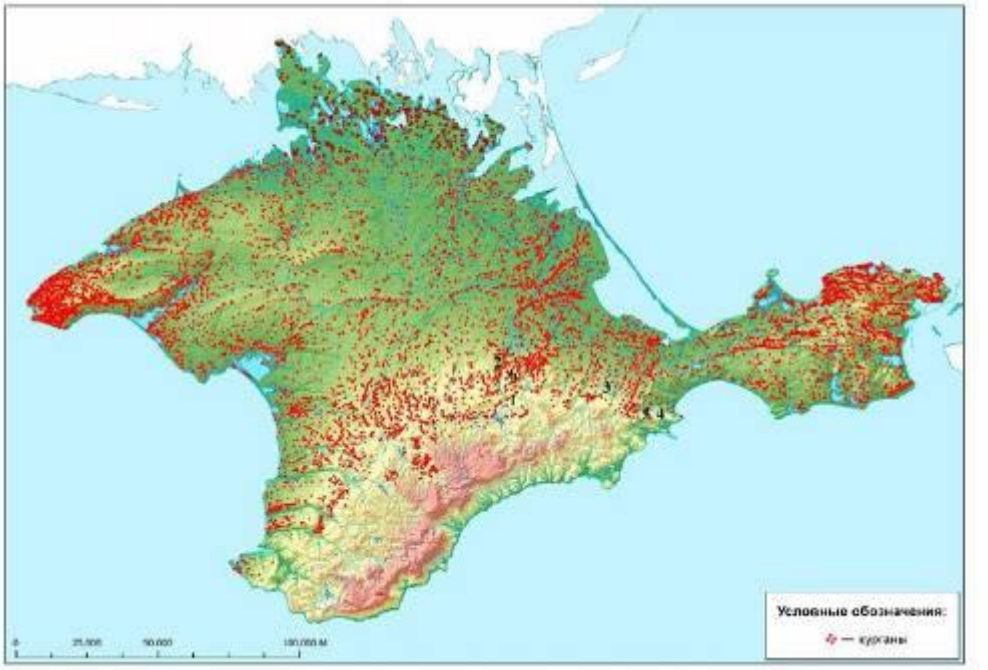


Рис. 1. Схема расположения исследованных курганов. 1 – Белогорский курган. 2 – курганы у с. Мельники. 3 – курган у с. Кринички. 4 – курган на г. Клементьева. 5 – курганы у г. Сары-Кая. 6 – Курганы Аккайского могильника.

Вход в склеп находился с восточной стороны. Погребальная камера прямоугольная размером 3,1 х 2,2 х 1,5 м. Стены возведены с легким наклоном внутрь в постелистой однорядной системе, местами переходящей в иррегулярную, лицевые и боковые поверхности плит тщательно обработаны. Перекрытие плитовое, нижние и боковые поверхности плит обработаны. Дно камеры грунтовое. Перед ней находился перекрытый плитой небольшой дромос (?) размером 1,3 х 1,2 х 1,4 м, который, судя по наличию перекрытия, должен был закрываться отдельной плитой и играть роль сеней; можно допустить, что его внешняя часть была разрушена при ограблении. Боковые стены сложены из вертикальных плит, у которых обработаны боковые поверхности, торец же, обращенный во внешнюю сторону, имел вид дуги (Рис. 2)[1]. Вероятно, далее существовали кладки из бутового камня, но ко времени раскопок они, скорее всего, были разрушены. Дверной проем, ведущий в погребальную камеру, слегка су-

[1] С тем же приемом мы столкнемся снова при характеристике одного из скифских склепов у с. Мельники.

жался кверху, а с внешней стороны был облицован хорошо обработанными плитами, поставленными вертикально. Его размеры 1,2 х 0,8 м, глубина 1,1 м, дно грунтовое наклонное (?), без выделенного порожка.

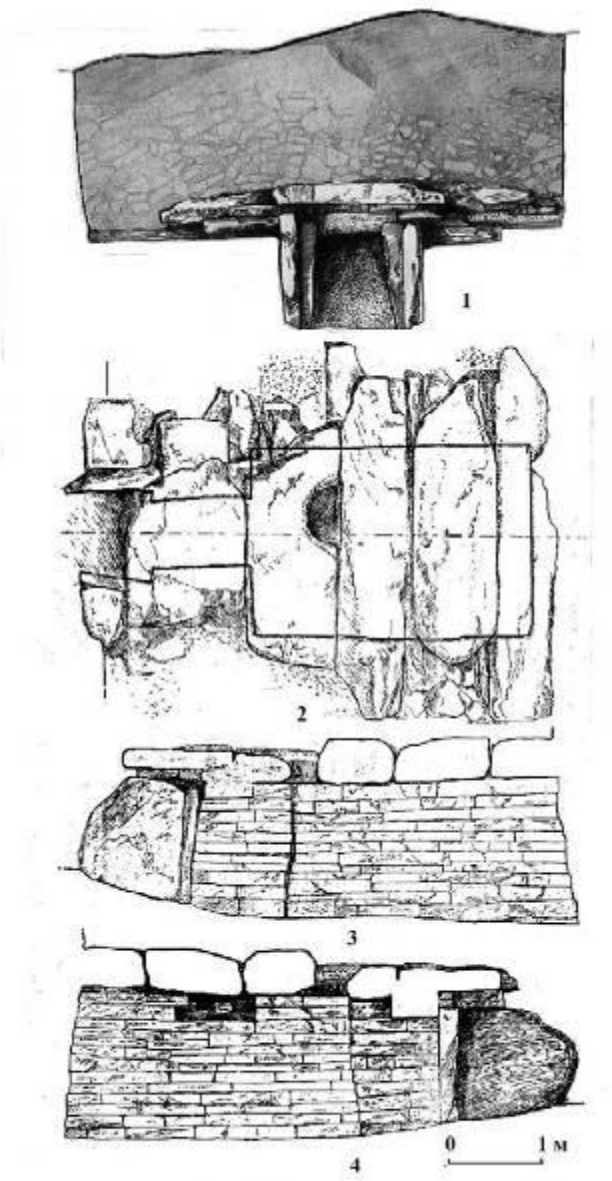


Рис. 2. План и фасировки склепа из Белогорского кургана 1948 г.

В погребальной камере обнаружены обломки человеческих костей, куски скипевшегося железного панциря, фрагменты чернолакового сосуда. В 1990 г. С. Г. Колтухову удалось увидеть фотографию этого сосуда в архиве П. Н. Шульца, впечатление, несомненно, беглое. Это был небольшой аттический канфар, близкий к тем сосудам, которые датируют третьей четвертью или второй половиной IV в. до н. э. [2, cat. 700–708]. Помимо канфара в камере найден обломок гераклейской амфоры с энглифическим клеймом.

Судя по отсутствию в ограбленной камере обильного «археологического» мусора, погребение было одиночным. Размеры кургана, тип погребального сооружения, качественная кладка и обработка строительного материала, остатки железного доспеха позволяют предположить, что исследователи имели дело с разграбленным захоронением воина – представителя скифской родовой верхушки. Время совершения погребения можно отнести к третьей четверти – второй половине IV в. до н. э. Подобная характеристика и датировка памятника соответствуют его расположению вблизи курганного могильника высшей скифской аристократии IV в. до н. э., находящегося севернее на возвышенностях Ак-Кая и Беш-Оба (Рис. 1, *6*) [3; 4].

Курганы у с. Мельники находились над правым берегом реки Биюк-Карасу в 0,2–0,8 км к юго-востоку, востоку и северо-востоку от села, на западном склоне и вершине степного водораздела (Рис. 1, *2*; 3). Они исследованы В. А. Колотухиным и Т. А. Копьевой в 2002 г. [5]

Курган 1 эпохи бронзы находился на водоразделе в 0,8 км к западу от села (Рис. 3). Диаметр насыпи 23 м, высота с западной стороны 0,9 м, с восточной – 1, 4 м, насыпь грунтово-каменная, в центре каменное ядро диаметром около 6 м высотой до 1 м (Рис. 4, *1*). Видимо, и его следует отнести к эпохе бронзы. По сообщению исследователей, здесь, наряду с двумя погребениями эпохи бронзы и средневековым захоронением, было обнаружено впускное погребение скифского времени [5, с. 5][1], с чем можно согласиться, дополнив интерпретацию памятника тем, что разновременные могилы, впущенные в центр кургана, последовательно разрушали предшествующие захоронения.

[1] Хотя этот небольшой сюжет не имеет прямого отношения к заявленной теме, он будет интересен для исследователей, изучающих киммерийские и скифские древности.

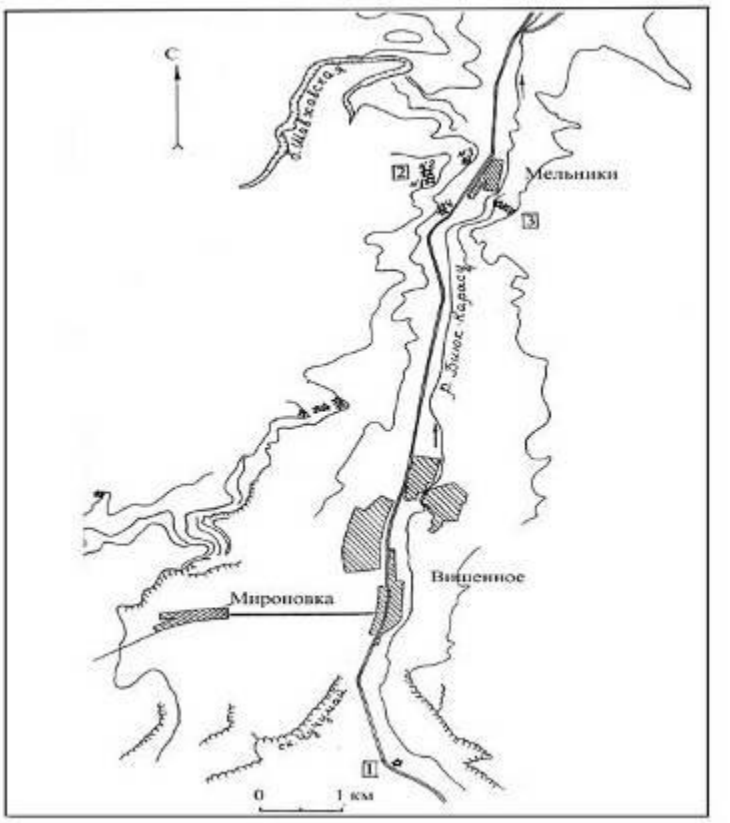


Рис. 3. Расположение курганов у с. Мельники Белогорского района Республики Крым.

Итак, *Погребение 2*, впускное, разграблено. Могильная яма, судя по описанию, вытянуто-овальной формы, длиной 2,5 м, шириной 1,25 м, ориентирована с запада на восток. В заполнении – обломки человеческих костей, на дне – обломки лепного чернолощеного горшка, а в юго-западном углу – скопление древесных угольков. Исходя из размеров и формы могильной ямы, можно думать, что в ней находилось захоронение взрослого человека, совершенное в вытянутом положении с широтной ориентацией.

Судя по форме, горшок (Рис. 4, *2*), высотой 21 см, диаметром 23,6 см, диаметр венчика 17 см, с валиковым декором, относится к предскифскому времени. Например, подобный профиль имеет сосуд, происходящий из ямы 26 раскопа 1 на поселении Уч-Баш [6, рис.75, *1*]. Таким же профилем характеризуется сосуд, обнаруженный в одной из ям поселения Кизил-Коба [7, рис. 25, *5*]. По мнению С. Н. Сенаторова, которым исследователь любезно поделился с С. Г. Колтуховым, эту находку следует отнести к X–IX вв. до н. э.

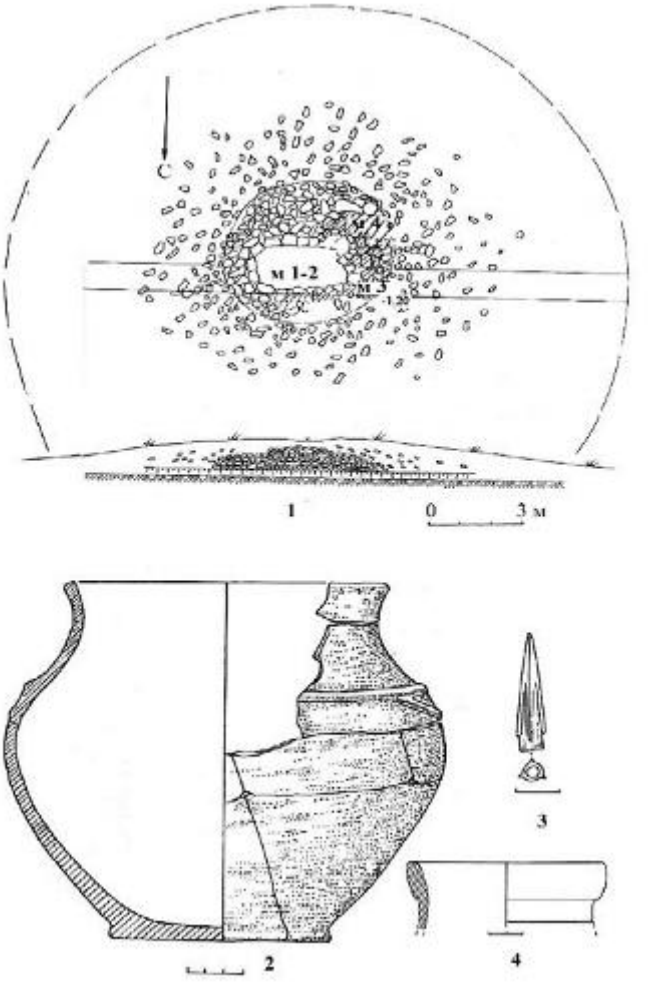


Рис. 4. Курган 1. 1 – план и стратиграфия кургана. 2 – лепной сосуд из погребения 2. 3 – наконечник стрелы из заполнения погребения 1. 4 – венчик амфоры из насыпи кургана.

Однако к этому же комплексу В. А. Колотухин отнес трехлопастную бронзовую стрелу, найденную вне могильной ямы [5, с. 5], которая вряд ли датируется временем ранее V–IV вв. до н. э. (Рис. 4, *3*). Само погребение 2 достаточно раннее, стрелу же, обнаруженную в позднекочевническом погребении № 1, можно попытаться связать с гипотетическим скифским погребением, находившемся в центре курганной насыпи и разрушенным при совершении упомянутого половецкого захоронения, в заполнении которого она и была найдена. В пользу такого предположения свидетельствует и обломок венчика красноглиняной, по определению исследователей кургана, «про-

тофасосской» амфоры (Рис. 4, *4*), найденный в насыпи кургана. Сосуды с подобным венчиком, по мнению С. Ю. Монахова [8, табл. 41, *3*], могут относиться к фасосским амфорам коническо-биконического типа фанагорийского варианта последней трети V в. до н. э. [8, с. 65]. Вполне возможна и более ранняя серия, впрочем, того же V в. до н. э. Таким образом, обломок амфоры по времени соответствует бронзовому наконечнику стрелы.

В любом случае у нас появляются серьезные основания для того, чтобы принять версию существования в кургане полностью разрушенного скифского погребения V в. до н. э., а погребение 2 отнести к предскифскому времени. Вопрос лишь в том, признать ли его новочеркасским или, учитывая особенности декора сосуда, охарактеризовать погребение как раннее кизилкобинское.

Курган 2 скифский, находился на водоразделе в 50 м от кургана 1 (Рис. 3), грунтово-каменная насыпь серьезно повреждена в 80-е гг. прошлого века, когда здесь вырыли капонир и траншею. Судя по остаткам насыпи, диаметр кургана несколько превышал 20 м, высота более 1 м.

В центре кургана находился основной каменный склеп (Рис. 5, *1–6*) с продольно-осевым расположением двух камер, привходовой и погребальной, впущенный в грунт на глубину до 0,7 м и ориентированный с севера на юг, вход в него располагался с южной стороны. Погребальная камера прямоугольная, размером 3,0 х 2,6–2,4 м, прослеженная высота стен до 1,8 м. Объем уменьшался кверху за счет незначительного наклона стен внутрь. Кладка стен орфостатно-постелистая, с элементами полигональной и мозаичной, из хорошо отесанных и подогнанных разномерных плит и квадров (Рис. 5, *2–6*). Местами выделен цоколь из поставленных на ребро плит разного размера. Разномерность всех камней свидетельствует об оттеске и подгонке камня на месте, а не в местах его добычи. Близкую систему кладки можно наблюдать в склепе кургана Ленино 12 на Керченском полуострове [9, 1970, с. 159, 160; 7, с. 284][1].

Верхняя часть камеры полностью разрушена, поэтому остается неясным, было ли перекрытие плитовым или деревянным. Дно камеры грунтовое. Высокий входной проем начинался с уровня пола и в нижней части был заложен плитчатыми обломками камня – это либо порожек высотой 0,4 м, либо, что более вероятно, остатки каменного заклада (Рис. 5, *6*). Узкая привходовая камера сохранилась частично, ее первоначальные размеры 1,9 х 1,6 м, высота не определена. Здесь сочетались орфостатно установленные плиты и постелистая кладка из мелких грубо обколотых камней. Грунтовое дно слегка повышалось к входу, ширина которого вряд ли превышала 0,7 м. Внизу вход выделен каменным порожком. К югу от входа сохранилась иррегулярная плитчатая обкладка одного из бортов траншеи – «дромоса», которая вела к склепу извне.

[1] Склеп разграблен, но, судя по железному наконечнику трехлопастной втульчатой стрелы, обломку железной панцирной пластины и очень раннему экземпляру симметричной курильницы с «шаровидным» туловом [9, с. 160, рис. 15, 4, 3, 2], захоронения в нем относились к ко второй половине IV–III в. до н. э.

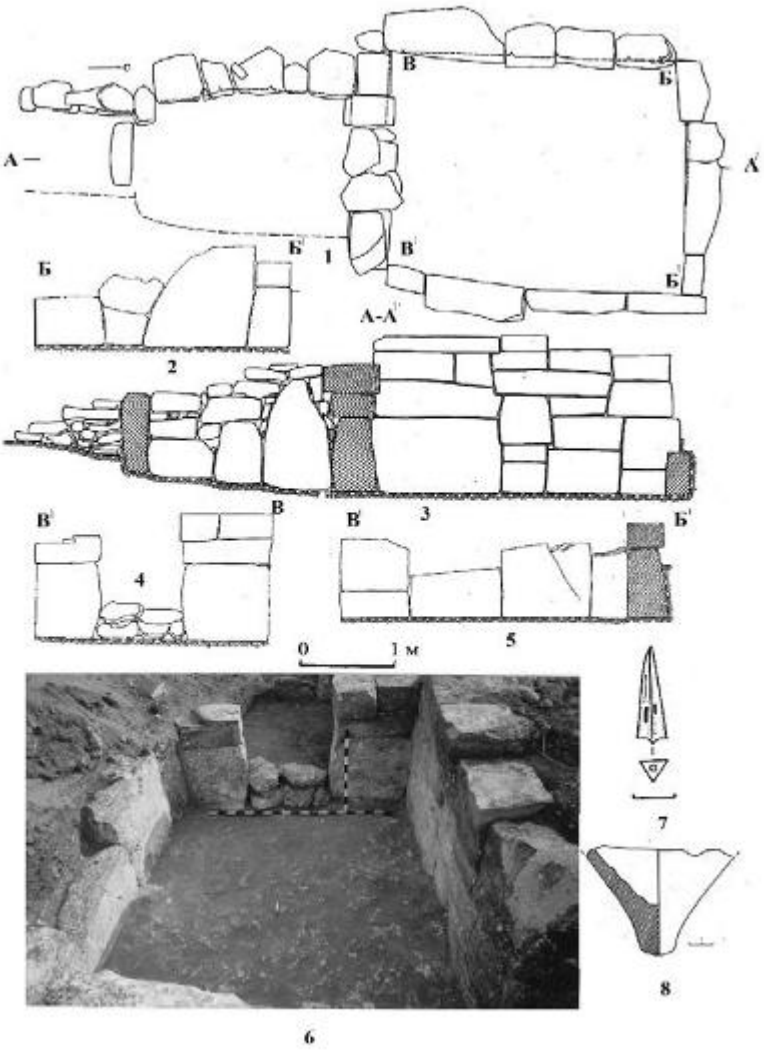


Рис. 5. Курган 2, основное погребение. 1–5 – план и фасировки склепа. 6 – вид из погребальной камеры на входной проем. 7 – наконечник стрелы. 8 – ножка синопской амфоры.

В заполнении склепа и на его дне встречены человеческие кости, в том числе обломки десяти черепов. Среди находок – ножка (Рис. 5, *8*) и обломки стенок синопской амфоры, бронзовый трехгранный наконечник стрелы (Рис. 5, *7*), десять бусин[1]. Трехгранная, сточенная с боков стрела характерна для скифских комплексов IV–III вв.

[1] К сожалению, нам не представилось возможности опубликовать изображения бус из курганов у с. Мельники. Ознакомиться с ними специалист сможет в научном отчете [5, рис. 46].

до н. э. Коническая, ножка синопской амфоры может быть отнесена к позднему типу различных вариантов, типичных для III–II вв. до н. э. [8, с. 157, 159] и более позднего времени.

Бусы, стеклянные, глазчатые и монохромные, имеют очень широкие хронологические рамки. Бусина из темного стекла с косыми желтыми полосами подобна найденной в коллективном погребении 40 грунтового могильника Беляуса, датированного концом II – серединой I в. до н. э. [10, с. 33, табл. 71, 20]. По Е. М. Алексеевой, ее можно отнести к типу 239, датируемому I в. до н. э. – I в. н. э. [11, с. 46, табл. 29, 34–39]. Пронизь из темного стекла с белыми кольцами в центральной части аналогична пронизям, найденным в коллективном погребении 55 Беляусского могильника, датированном II в. до н. э. [10, с. 36, табл. 82, 27–28]. Следовательно, набор бус может быть отнесен к позднеэллинистическому времени.

В целом, эти разновременные предметы указывают на широкий хронологический диапазон в рамках IV–I вв. до н. э. Существование в нижнем слое заполнения не менее чем десяти фрагментированных черепов позволяет думать, что склеп во II–I вв. до н. э. использовали для коллективных погребений.

Намного интереснее само погребальное сооружение. Например, близким, хотя и не аналогичным по планировке, представляется склеп, исследованный А. М. Лесковым, у с. Кринички Кировского района (Рис.1, *3*) [12]. Это сооружение с квадратной погребальной камерой и высокими вертикальными стенами первоначально имело небольшую привходовую камеру, к которой примыкал узкий дромос. Показательно и то, что при строительстве погребальной камеры, так же, как и в кургане 2 у с. Мельники, были использованы разномерные плиты, поставленные на ребро и тщательно подогнанные. Отмечен участок стены, сложенный в постелистой системе[1]. Эклектические приемы кладки и характер обработки камня, примененный строителями, несомненно, сближают гробницы из кургана 2 у с. Мельники и из кургана у с. Кринички.

Склеп из Криничек ограблен, но остатки погребального инвентаря исследователям удалось связать с коллективными погребениями конца II – начала I в. до н. э. [12, с. 37][2]. Впрочем, присутствие в тризне этого же кургана обломков гераклейских [12] и некоторых синопских амфор [12, с. 32, рис. 9, *31*] дает основание для датировки гробницы временем не позднее второй половины IV в. до н. э. Следовательно, «коллективные» погребения не относятся к самым ранним в этой гробнице, а раннее захоронение (или захоронения) было удалено перед вторичным использованием.

В кладках стен склепа из кургана 2 у с. Мельники можно увидеть и другие особенности, сближающие его с погребальной архитектурой IV в. до н. э. Это дуговидная обработка вертикального торца крупных плит в тыльной стене погребальной камеры, в небольшой привходовой камере и во входе в погребальную камеру (Рис. 5, *1–6*). Те

[1] Та же постелистая система зафиксирована в кладке склепа в кургане 4 близ с. Мельники, но об этом ниже.

[2] Представляется, что подлинная дата комплекса несколько шире и охватывает вторую половину II – первую половину I в. до н. э.

же приемы можно наблюдать в «дромосе» Белогорского кургана. Поэтому нельзя исключать строительство склепа из кургана 2 еще во второй половине IV–III в. до н. э.

Курган 3 раннего железного века, расположен на западном склоне водораздела, ближе к реке (Рис. 3). Высота грунтово-каменной насыпи 0,8 м, диаметр 15 м, в центре кургана – остатки куполовидной выкладки диаметром 7 м, с каменной гробницей в центре (Рис. 6, *1*).

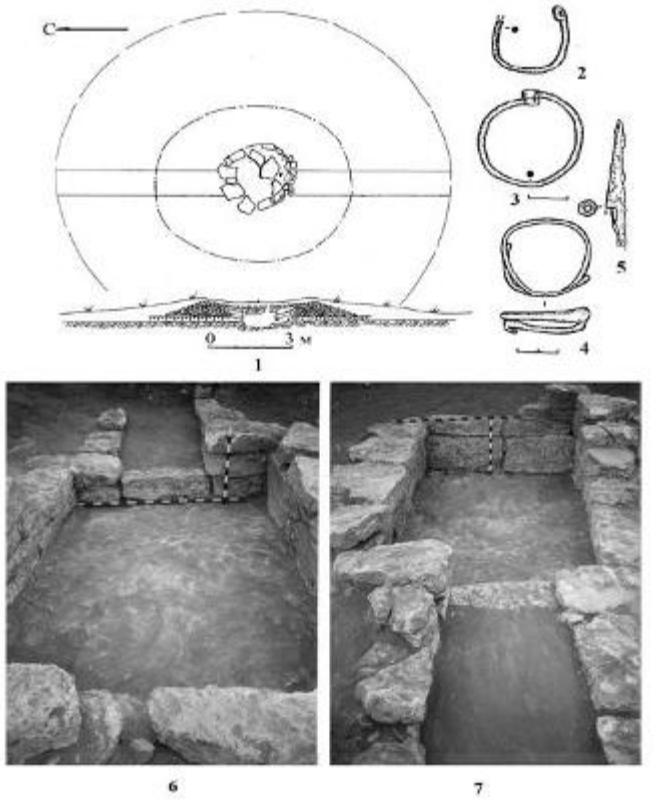


Рис. 6. 1 – курган 3, план и стратиграфия. 2-5 – находки из могилы 2. 6 – курган 4, каменный склеп, вид из погребальной камеры на дромос. 7 – курган 4, каменный склеп вид из дромоса в погребальную камеру.

Можно предположить, что прямоугольная каменная гробница, получившая в отчете номер 1, размером 2,1 х 0,9 м, с грубой постелистой кладкой стенок, ориентированная с СВ на ЮЗ, относилась к железному веку и была использована вторично для погребения средневекового кочевника. С юго-востока к этой могиле примыкала разрушенная ранняя (основная?) могила 2, от которой в материковой скале сохранился лишь участок подрубки длиной около 2 м, шириной не менее 1,2 м и глубиной в

несколько см. На ее дне отмечены единичные обломки костей человека, положение костяка не восстанавливалось. В ее заполнении найден бронзовый перстень с закрученными в кольцо концами (Рис. 6, *3*), развернутыми горизонтально, обломок серьги с ушком на конце (Рис. 6, *2*), железное височное кольцо в полтора оборота (Рис. 6, *4*), обломок железного острия (рис.6, *5*). Подобные предметы характерны для памятников раннего железного века.

Курган 4 относился к эпохе бронзы, расположен на склоне у восточного подножья водораздела (Рис. 3). Диаметр насыпи 28 м, высота с западной стороны 0,9 м, с восточной – 1,8 м. В скифское время курган (после сооружения в нем каменного склепа) был досыпан и окружен широкой крепидой диаметром 23–15 м. Она сложена из бутового известняка и не имела выраженного лицевого слоя. В грунтово-каменной досыпке кургана найден обломок стенки синопской амфоры.

Впускное погребение полностью разграблено, погребальное сооружение представляло собой однокамерный склеп (Рис. 6, *6*, *7*; 7, *1*), который располагался в центральной части кургана. Он был впущен в первичную насыпь, погребенную почву и материковый суглинок. Размещение камеры и дромоса продольно-осевое (Рис. 6, *6*, 7), ориентация запад – восток, вход с восточной стороны (Рис. 7, *1*). Погребальная камера прямоугольная, размеры 3,5 х 2,3 м, сохранившаяся высота до 1,6 м. Кладка камеры орфостатно-постелистая из грубо обработанных известняковых плит (Рис. 7, *2*) на глиняном растворе, широкие щели заполняли мелким камнем. Сочетание же приемов кладки, в которых использованы орфостатные плиты в цокольном ряду с расположенной выше постелистой кладкой или же чередуются участки с орфостатной и постелистой кладками, не является чем-то необычным в каменных гробницах скифского времени в Восточном, Предгорном и Северо-Западном Крыму [9; 13; 14]. Объем камеры уменьшался кверху за счет небольших уступов в кладке. Такой же прием зафиксирован в каменном склепе в кургане IV/ 8, на возвышенности Беш-Оба (Рис.1, *6*) [15, с. 291, 292, рис. 6, 3].

Перекрытие могло быть как деревянным, так и плитовым. Дно грунтовое, ширина входа 1,1 м, высота порожка 0,4 м. Дромос, сложенный в иррегулярной постелистой системе из необработанных плитчатых камней, рваных по слою, располагался с восточной стороны, прослеженная длина до 2, 8 м. Дно грунтовое, со слабым наклоном к камере.

В придонной части заполнения камеры обнаружены обломки человеческих костей, в том числе и фрагменты не менее чем десяти черепов[1]. В этой же части заполнения встречались фрагменты синопской и херсонесской амфоры, а также амфоры, которую исследователи кургана после консультаций с коллегами отнесли к типу Солоха 2, датируемому IV в. до н. э.

Лепная посуда представлена обломком придонной части нелощеного лепного горшка, подлощеной лепной чашкой высотой 3 см и диаметром 8,4 см (Рис. 7, *6*), чернолощеным горшочком высотой 9,0 см, диаметр венчика 7,2 см (Рис. 7, *3*). В заполнении дромоса обнаружен обломок придонной части лепного горшка, фрагменты подлощеной лепной чашки высотой 3,5 см (Рис. 7, *5*), диаметр венчика 6,7 см,

[1] Общее число погребенных могло быть и заметно большим.

фрагменты лепного кубка высотой 7 см, диаметр венчика 6,3 см (Рис.7, 4). Такая миниатюризация посуды традиционна для погребальных памятников позднескифской культуры.

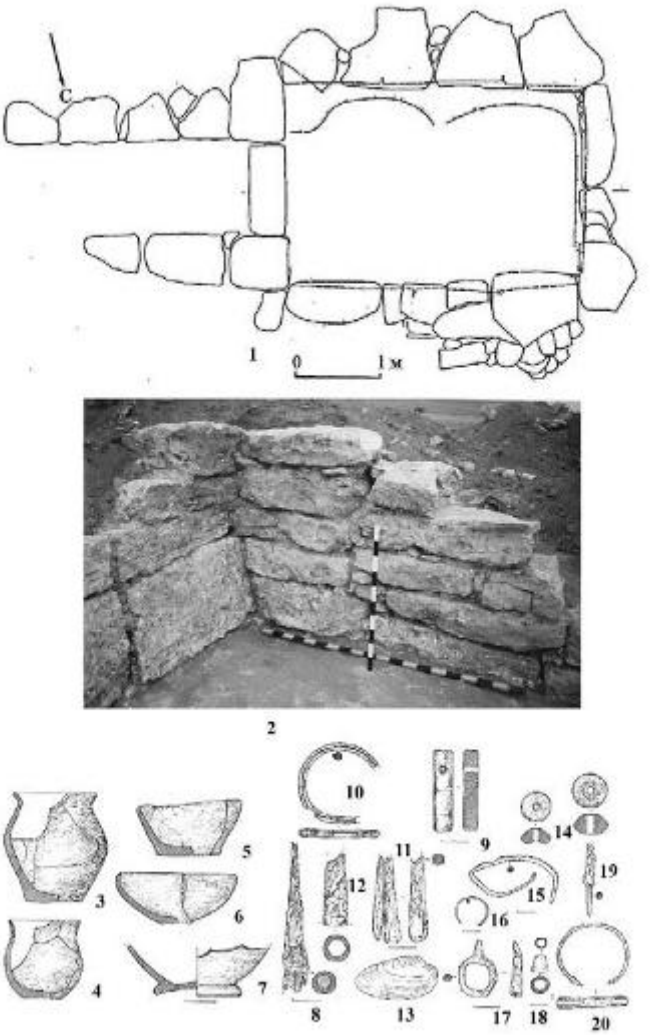


Рис. 7. Курган 4, каменный склеп. 1 – план склепа. 2 – вид на северный угол погребальной камеры. 3-20 – находки из склепа.

В камере найдены два лепных пряслица (Рис. 7, *14*), фрагменты бронзовой проволочной серьги (Рис. 7, *16*), бронзовый пластинчатый браслет со змеиной головкой на конце (Рис. 7, *20*), обломок бронзового браслета (Рис. 7, *10*).

Железные изделия представлены обломками втулок копий (Рис. 7, *8*, *12*), обломками двух железных предметов длиной 7 и 5 см (Рис. 7, *11*), фрагментом проколки, обломком железного проволочного изделия, очевидно браслета (Рис. 7, *15*). Интересна железная кольцевая пряжка с язычком-выступом (Рис.7, *17*). Подобные изделия [16, с. 71] известны во II–I вв. до н. э., например, в мавзолее Неаполя скифского и на восточном некрополе этого городища [16, рис. 22, *12*; 26, *13, 14*], изредка встречаются и позднее.

Здесь же, в камере, обнаружен прямоугольный песчаниковый оселок длиной 7 см с отверстием для подвешивания (Рис.7, *9*).

На дне камеры – 120 бусин, стеклянных, полихромных-глазчатых и монохромных. Присутствовали среди находок и изделия из гагата, египетского фаянса и яшмы, что наиболее характерно для памятников позднескифской культуры. Показательны округлые бугристые бусы из египетского фаянса, датируемые Е. М. Алексеевой временем от III в. до н. э. до II в. н. э. [17, с. 35, тип 19], но наиболее характерные, на наш взгляд, для позднеэллинистического времени. Несколько лучше датируются бочонковидные пронизи с перистыми фестонами, относящиеся ко II–I вв. до н. э. [11, с. 53, тип 333; с. 49, тип 281]. В целом, бусы либо датируются широко, либо относятся ко II–I вв. до н. э. Хорошо опубликованные аналогии им можно видеть в комплексах II–I вв. до н. э. из могильника Беляуса [10, табл. 15, 4–5; 47–66; 21. 12–22; 29. 22–27; 40. 24–25, 37–51; 56, 12–33; 82, 9–36].

В склепе найдено и изделие другого времени – это амфоровидная подвеска из прозрачного стекла. Аналогичные украшения известны в хорошо датированных комплексах Мелитопольского кургана [18, рис. 124 *л*], что дает основание для ее датировки IV в. до н. э.

Таким образом, судя по основной массе находок, фрагментам херсонеских и синопских амфор, бусам, изделиям из металла, а также с учетом количества черепов, можно считать, что склепе находились позднескифские «коллективные» погребения II–I вв. до н. э.

Но некоторые находки свидетельствуют в пользу того, что погребальное сооружение может относиться еще к IV–III вв. до н. э.

Феодосийское низкогорье. В 1981 г. на горе Клементьева (между Феодосией и Коктебелем) раскопан курган с основным погребением скифского времени (Рис. 1, 4). Его диаметр 27 м, высота 1,1 м, щебенистая насыпь, состоявшая из наскальной корки, повреждена перекопами. В центре кургана находился полуразрушенный каменный ящик размером 1,9 х 1,25 х 1,1 м, ориентированный с юго-запада-запада на северо-восток-восток (Рис. 8, *1*). Ограбленная гробница сложена из нескольких вертикально установленных известняковых и песчаниковых плит и частично заглублена в наскальную корку. В заполнении – измельченные человеческие кости, мелкие обломки лепной (Рис. 8, *10*) и гончарной посуды (Рис. 8, *11, 12*). На дне – несколько стеклянных бусин, монохромных и глазчатых (Рис. 8, *13*), имеющих широкую датировку, семь бронзовых наконечников стрел (Рис. 8, 2), бронзовые серьги (Рис. 8, *6*,*8*), обломок серебряной серьги (Рис. 8, *7*), бронзовое кольцо из пластины, согнутой в

полтора оборота (Рис. 8, *9*), мелкие обломки бронзовых проволочных украшений. С этим же комплексом связаны три лепных пряслица (Рис. 8, *3–5*). Судя по обломкам украшений, погребенных в могиле было несколько.

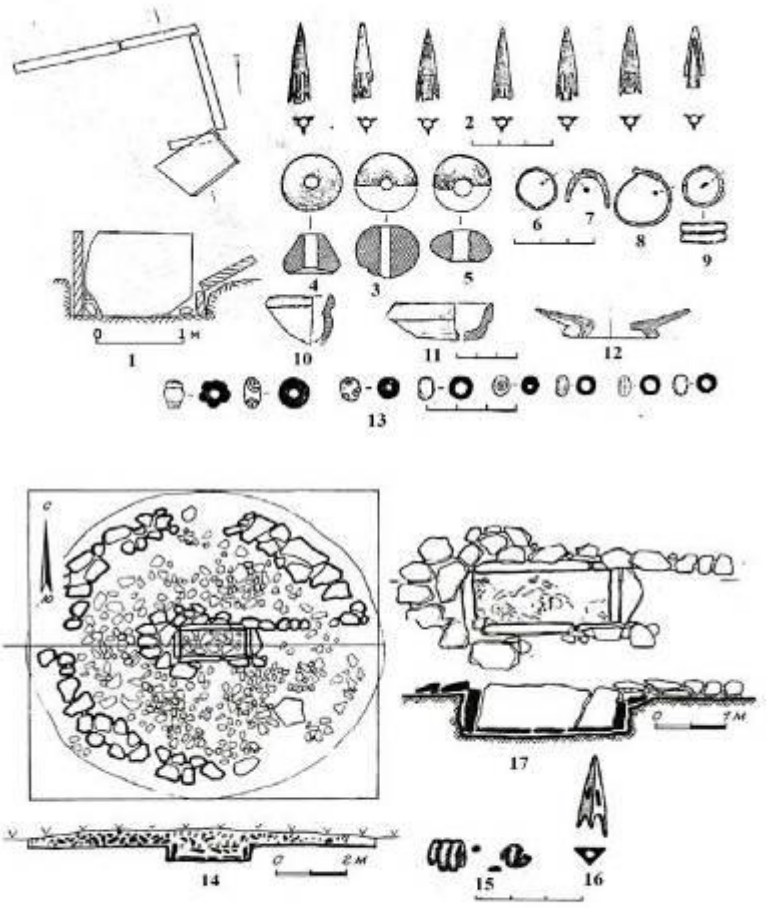


Рис. 8. Курганы на г. Клементьева и г. Сары-Кая. 1 – курган на г. Клементьева, каменная гробница. 2–13 – находки из каменной гробницы. 14 – план и стратиграфия кургана 2 на г. Сары – Кая. 17 – каменная гробница из кургана 2. 15, 16 – ранние находки из каменной гробницы в кургане 2.

Большинство находок – бусы, фрагменты неопределенных гончарных сосудов, украшения – не имеет узкой датировки, такие изделия встречаются в позднескифское

время, впрочем, велика вероятность того, что в этой гробнице находилось несколько захоронений II–I вв. до н. э.

Отличается от них набор стрел, явно не полный, но состоящий из типов: II.4.9; III.3.2; III.8.4 (по А. И. Мелюковой). Подобная типология позволяет датировать наконечники стрел IV–III в. до н. э. Следовательно, у нас появляется основание датировать курган и погребальное сооружение этим же временем.

Возможно, предложенная хронология подтвердит правильность предложенного С. Г. Колтуховым датирования IV в. до н. э. [15, с. 279; 13, с. 248] каменных гробниц в небольших курганах на горе Сары-Кая, расположенных в нескольких км от горы Клементьева (Рис. 1, *5*), исследованных Е. А. Катюшиным [19]. Например, гробница с разграбленным коллективным погребением из Сарыкайского кургана 2 не отличалась по архитектуре от описанной выше (Рис. 8, *14, 17*), а среди многочисленных находок II–I до н. э. [19, рис. 1–6] оказались спиральные пронизи и бронзовый наконечник стрелы, относящийся ко времени не ранее второй половины V в. до н. э. (Рис. 8, *15, 16*)[1].

Таким образом, анализ ранее полученного материала позволил охарактеризовать одно погребение предскифского времени, два погребения железного века, так и не получившие четкой датировки, и несколько коллективных погребений позднескифской культуры, совершенных, по мнению С. Г. Колтухова, во вторично использованных каменных гробницах IV или IV–III вв. до н. э.

Список использованных источников и литературы

1. Троицкая Т. Н. Скифские курганы в Крыму / Т. Н. Троицкая // ИКОГО. – Вып. 1. – Симферополь, 1951. – С. 85–112.

Troitskaya T. N. Skifskie kurgany v Krymu / T. N. Troitsaya // IKOGO. – Vyp. 1. – Simferopol’, 1951. – S. 85–112.

2. Sparkes B. A. Black and plain pottery of 6-th, 5-th, 4-th centuries B. C. / B. A. Sparkes, Z. Talcott // The Athenian Agora. – Princeton (N. J.), 1970. – Vol. XII. – 472 p., 23 fig., 100 pls.

3. Мозолевський Б. М. Кургани віщої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії / М. Б. Мозолевський // Археологія. – Київ, 1990. – № 1. – С. 122–138.

Mozolevs’kyj B. M. Kurgany vishhoi’ skifs’koi’ znati i problema politychnogo ustroju Skifii’ / M. B. Mozolevs’kyj // Arheologija. – Kyi’v, 1990. – № 1. – S. 122–138.

4. Колтухов С. Г. О топографии и хронологии Аккайского курганного некрополя / С. Г. Колтухов, В. Л. Мыц // Культура народов Причерноморья. – Вып. 5. – Симферополь : ТНУ, 1998. – С. 99–108.

Koltukhov S. G. O topografii i khronologii Akkayskogo kurgannogo nekropolya / S. G. Koltukhov, V. L. Myts // Kul’tura narodov Prichernomor’ya. – Vyp. 5. – Simferopol’ : TNU, 1998. – S. 99–108.

5. Колотухин В. А. Отчет о работах Степной экспедиции в 2002 г. / В. А. Колотухин, Т. А. Копьева-Колотухина. – Симферополь, 2003. – 73 с. // НА ИАК РАН. – Инв. кн. № 5, инв. № 743, п. № 1160.

Kolotukhin V. A. Otchet o rabotakh Stepnoy ekspeditsii v 2002 g. / V. A. Kolotukhin, T. A. Kop’eva-Kolotukhina. – Simferopol’, 2003. – 73 s. // NA IAK RAN. – Inv. kn. № 5, inv. № 743, p. № 1160.

6. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму / Е. А. Кравченко ; Під ред. С. А. Скорого. – Київ ; Луцьк : Старожитності, 2011. – 272 с.

Kravchenko E. A. Kyzyl-kobyns’ka kul’tura u Zahidnomu Krymu / E. A. Kravchenko ; Pid red. S. A. Skorogo. – Kyi’v ; Luc’k : Starozhytnosti, 2011. – 272 s.

[1] Предложенная Е. А. Катюшиным датировка этого могильника несколько завышена.

7. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века / В. А. Колотухин. – Киев : Южногородские ведомости, 1996. – 98 с.

Kolotukhin V. A. Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznogo veka / V. A. Kolotukhin. – Kiev : Yuzhnogorodskie vedomosti, 1996. – 98 s.

8. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре : Каталог-определитель / С. Ю. Монахов ; Под ред. В. И. Каца. – М. : Киммерида, 2003. – 352 с.

Monakhov S. Yu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov – eksporterov tovarov v keramicheskoy tare : Katalog-opredelitel' / S. Yu. Monakhov ; Pod red. V. I. Katsa. – M. : Kimmerida, 2003. – 352 s.

9. Яковенко Э. В. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма / Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова // Древности Восточного Крыма / Под ред. А. М. Лескова. – Киев : Наукова думка, 1970. – С. 136–179.

Yakovenko E. V. Opisanie skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma / E. V. Yakovenko, E. V. Chernenko, V. N. Korpusova // Drevnosti Vostochnogo Kryma / Pod red. A. M. Leskova. – Kiev : Naukova dumka, 1970. – S. 136–179.

10. Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса / О. Д. Дашевская ; Под ред. С. Б. Ланцова. – Симферополь : Предприятие Феникс, 2014. – 284 с.

Dashevskaya O. D. Nekropol' Belyausa / O. D. Dashevskaya ; Pod red. S. B. Lantsova. – Simferopol' : Predpriyatie Feniks, 2014. – 284 s.

11. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1-12 / Е. М. Алексеева. – М. : Наука, 1978. – 100 с.

Alekseeva E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. SAI G1-12 / E. M. Alekseeva. – M. : Nauka, 1978. – 100 s.

12. Кропотов В. В. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички / В. В. Кропотов, А. М. Лесков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : ТНУ, 2006. – № 84 – С. 25–39.

Kropotov V. V. Kurgan s «kollektivnym pogrebeniem» u s. Krinichki / V. V. Kropotov, A. M. Leskov // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – Simferopol' : TNU, 2006. – № 84 – S. 25–39.

13. Колтухов С. Г. Каменные ящики и овальные гробницы варварского населения Степного Крыма / С. Г. Колтухов // Древности Боспора. – М. : Институт археологии, 2005. – Т. 8. – С. 235–258.

Koltukhov S. G. Kamennye yashchiki i oval'nye grobnitsy varvarskogo naseleniya Stepnogo Kryma / S. G. Koltukhov // Drevnosti Bospora. – M. : Institut arkheologii, 2005. – T. 8. – S. 235–258.

14. Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Археологический альманах № 27 / С. Г. Колтухов ; Под ред. А. В. Колесник. – Донецк : Донбасс, 2012. – 268 с.

Koltukhov S. G. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n. e. (pogrebal'nye pamyatniki). Arkheologicheskiy al'manakh № 27 / S. G. Koltukhov ; Pod red. A. V. Kolesnik. – Donetsk : Donbass, 2012. – 268 s.

15. Колтухов С. Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время / С. Г. Колтухов // Старожитності Степового Причорномор´я і Криму. – Т. XII. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2005. – С. 259–299.

Koltuhov S. G. Sklepy varvarskogo naselenija Stepnogo i Predgornogo Kryma v skifskoe vremja / S. G. Koltuhov // Starozhytnosti Stepovogo Prychornomor´ja i Krymu. – T. XII. – Zaporizhzhja : Zaporiz'kyj nacional'nyj universytet, 2005. – S. 259–299.

16. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники / А. Е. Пуздровский ; Под ред. В. Л. Мыца, С. А. Скорого. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.

Puzdrovskiy A. E. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki / A. E. Puzdrovskiy ; Pod red. V. L. Mytsa, S. A. Skorogo. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2007. – 480 s.

17. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ Г1–12. – М. : Наука, 1975. – 95 с.

Alekseeva E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya / E. M. Alekseeva // SAI G1–12. – M. : Nauka, 1975. – 95 s.

18. Тереножкин А. И. Мелитопольский курган / А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский ; Под ред. Е. В. Черненко. – Киев : Наукова думка, 1988. – 264 с.

Terenozhkin A. I. Melitopol'skiy kurgan / A. I. Terenozhkin, B. N. Mozolevskiy ; Pod red. E. V. Chernenko. – Kiev : Naukova dumka, 1988. – 264 s.

19. Катюшин Е. А. Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии / Е. А. Катюшин // МАИЭТ.– Симферополь : Таврия, 1996 – Т. V. – С. 21–31.

Katyushin E. A. Kurgannyy mogil'nik I v. do n. e. – II v. n. e. v okrestnostyakh Feodosii / E. A. Katyushin // MAIET.– Simferopol' : Tavriya, 1996 – T. V. – S. 21–31.

Kolotukhin V. A. †, Koltukhov S. G. Several burials of I millennium BC. from the eastern part of the Crimean Mountains / S. G. Koltukhov // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 117–133.

Article is devoted to the archaeological material originating from the excavations of burial mounds with burials of the Early Iron Age in the eastern foothills of the Crimea. Re-examination of archive materials allowed to give new interpretation and date of the six burials Prescythian, Scythian and the late Scythian time.

Keywords*:* Early Iron Age, Prescythian period, the Scythians, the late Scythian culture, funeral rites, burial structures, Foothill Crimea.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 134–148.

УДК 904’18(477.75)»09/11»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XII в. В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Майко В. В.

Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

В статье рассматриваются материалы второй половины X–XII в., полученные в ходе раскопок археологических памятников Юго-Западного Крыма. Их датировка основывается на приведенных аналогиях с других территорий Крымского полуострова. Проанализированы как археологические находки, так и материалы некрополя у с. Верхняя Голубинка, исследованного в 1978–1979 гг. Этот памятник датируется временем не ранее середины X в. и демонстрирует особенности погребального обряда, ставшие характерными для средневековой Таврики X–XII вв. Сделан вывод о том, что некоторые раннесредневековые памятники Юго-Западного Крыма продолжают функционировать и после середины X в.

Ключевые слова*:* Юго-Западный Крым, Византия, хлебные штампы, ойнахойи, некрополи, погребальный обряд.

Археологические памятники Юго-Западного Крыма средневизантийского времени на сегодня изучены далеко не достаточно. Долгое время в литературе господствовала точка зрения А. Л. Якобсона, считавшего, что сельские поселения Юго-Западного Крыма существовали в VIII – начале X в. Древности средневизантийского времени в отдельный период не выделялись, а возрождение жизни на памятниках датировалось не ранее второй половины XIII–XIV в. [1, с. 56].

Полученные в ходе многолетних работ материалы, часть из которых опубликована, позволяют говорить о том, что некоторые поселения продолжали функционировать и после середины X в.

В качестве примеров можно привести погребения прихрамового некрополя в с. Гончарном (бывш. Варнутка). Здесь зафиксировано два яруса погребенных: верхний, грунтовые и частично обложенные камнями могилы; и нижний – плитовые. В погребальном инвентаре и засыпи могил верхнего горизонта (в частности могила 4) обнаружены стеклянные браслеты из разрушенных погребений [1, с. 139].

На этом же некрополе зафиксирован и обряд подкладывания на верхнюю часть груди, под подбородок, реже – на нижнюю часть головы захороненного фрагмента черепицы, часто специально оббитой. По наблюдениям А. Л. Якобсона, из 54 могил 27 имели фрагменты черепицы на груди или в нижней части черепа [1, с. 140]. Аналогии данному христианскому обряду, получившему распространение в разных регионах Таврики, который А. Л. Якобсон почему-то считал языческим [1, с. 141], известны на печенежско-половецком некрополе средневизантийского времени в Сугдее и на более позднем могильнике Мамай-Сурка в причерноморских степях [2, с. 159–176; 3; 4].

Несомненный интерес представляет оббитая в виде неправильного овала черепица с процарапанным крестом и граффити I X N K (IC XP NI KA) [1, с. 140, рис. 91, 1] (Рис. 1, 5). Аналогичное изделие, обращенное изображением к покойнику, обнаружено в погребении 61 некрополя Судак-IX [5, с. 275] (Рис. 1, 6). Оно представляло собой грунтовую подбойную могилу, вертикальный дромос которой перекрыт диагонально установленными можжевеловыми плахами, изготовленными из распущенного бревна. Датировать захоронение затруднительно, однако не исключено, что оно является одним из наиболее ранних в материалах этого долговременного некрополя и относится к XII в.

Типологически близкое изделие с формулой IC XI N KA обнаружено и в заполнении костницы под абсидой часовни городища Эски-Кермен [6, с. 451, рис. 19, 9] (Рис. 1, 4). Судя по находкам в заполнении этого первоначального погребального объекта стеклянного браслета [6, с. 451, рис. 19, 7], бубенчика с рифленой нижней частью без крестообразного выреза [6, с. 452, рис. 20] и гравированного византийского энколпиона с каплевидными лучами архаичного вида [6, с. 454, рис. 22], он может датироваться в рамках второй половины X–XII в. Широкое распространение данного обряда и в более позднее время демонстрирует находка стенки амфоры с дуговидными ручками с процарапанным крестом и формулой IC X N K из погребения священника в средневековом храме на горе Аю-Даг, где она располагалась в верхней части грудной клетки, перекрывая низ черепа [17, с. 143, рис. 4, 4] (Рис. 1, 7). По мнению авторов, этот фрагмент сосуда символизировал воздух (плат), которым традиционно покрывалось лицо священнослужителя [7, с. 137].

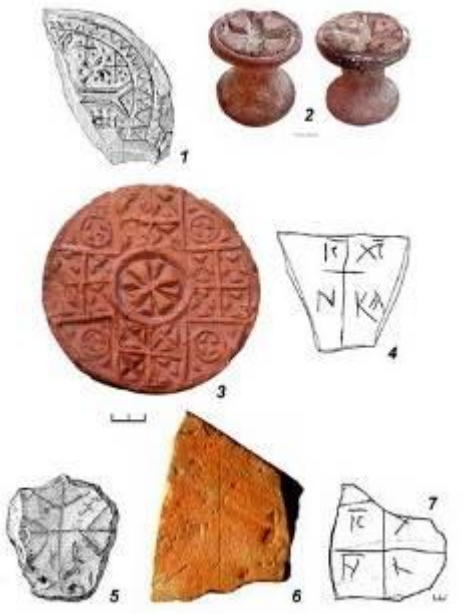


Рис. 1. Просфорные штампы и керамика с христианскими формулами из материалов памятников Юго-Западного Крыма и их некоторые аналогии.

Средневизантийским временем можно датировать и каменный просфорный штамп, происходящий с территории некрополя в с. Гончарном [1, с. 139, рис. 90, 13]. А. Л. Якобсон атрибутировал его как надгробье в виде небольшого каменного креста в круге, с раздвоенными ветвями [1, с. 142]. Полный диаметр изделия 9 см. Крест заключен в двойной круг с зигзагом; в промежутках между ветвями креста помещены простые крестики с углублениями вокруг и углубленные розетки. Рисунок выполнен врезной линией (Рис. 1, 1). Однако диаметр изделия и особенности изображений свидетельствуют в пользу того, что это, скорее, христианское литургическое изделие, изготовленное не из глины, как большинство штампов этого времени, а из камня. Аналогии ему достаточно многочисленны. В частности, в коллекции музея Спийкенисс в Нидерландах известен двойной глиняный хлебный штамп с подобным крестом с раздвоенными концами (Рис. 1, 2). Изделие датируется XI–XII вв. [8]. Детали орнаментального оформления изделия из Гончарного, в частности сочетание рельефных крестиков и розеток, находят аналогии и в штампе, происходящем из раскопок усадьбы 1 на территории городища Эски-Кермен [6, с. 457, рис. 25] (Рис. 1, 3). Последний предмет датируется серединой – второй половиной XIII в.

В средневизантийское время продолжал функционировать и прихрамовый некрополь на плато Пампук-Кая. Об этом свидетельствует известная находка в погребальном инвентаре гробницы 6 русского энколпиона, а также находка в погребальном инвентаре могилы 5 гончарного горшка с шаровидным корпусом и плоской ручкой [1]. Горшок датируется временем не ранее второй половины X в.

Сказанное справедливо и по отношению к некрополю у с. Родникового. Здесь отмечены погребения, совершенные по разнообразному обряду, в том числе и плитовые. Все они практически не содержали погребального инвентаря. Однако А. Л. Якобсон отметил наличие глазчатых бус, датированных второй половиной X–XI в. Здесь же в погребении 21 при захороненном находились два тонкостенных гончарных сосуда с широким дном и темно-красным черепком. Сосуды стояли у таза, с левой стороны. Отмечено также двускатное перекрытие могил каменными плитами («домиком») [1], что находит аналогии в некоторых погребениях средневезантийского времени некрополя Судак-II.

Исследования у с. Передовое принесли находки второй половины X–XII в. В частности в раскопе 3, в заполнении жилого дома была обнаружена шаровидная сплюснутая ойнахойя [1, с. 42, рис. 10, 4] (Рис. 2, 1). Вероятно, дом [1, с. 91, рис. 52] не однопериоден. Налицо перестройка его восточной стены. Возможно, это усиление стены произошло во второй строительный период его функционирования – во второй половине X в. Ойнахойя находит прямые аналогии в древностях Сугдеи, Нового Света, Партенита, Херсонеса. Они характеризуются низким горлом в форме трилистника и шаровидным, с мелким регулярным рифлением туловом. Тулово с противоположной от ручки стороны сильно приплюснуто, образуя плоскость на которой сосуд может лежать. Уплощенная ручка с отверстием на месте верхнего прилепа отходит непосредственно от края венчика. В придонной части расположена еще одна горизонтальная ручка для подвешивания. Помимо крупных определимых фрагментов из Сугдеи (Рис. 2, 2, 3) и Херсонеса [9, с. 122, рис. 18, 3, 4], целые формы обнаружены при проведении подводных работ в бухте поселка Новый Свет (Рис. 2, 4) и в матери-

алах раскопок в Партените [10, с. 82, рис. 7; 11, с. 99, рис. 8] (Рис. 2, 5). Все они четко датируются в рамках второй половины X–XI в.

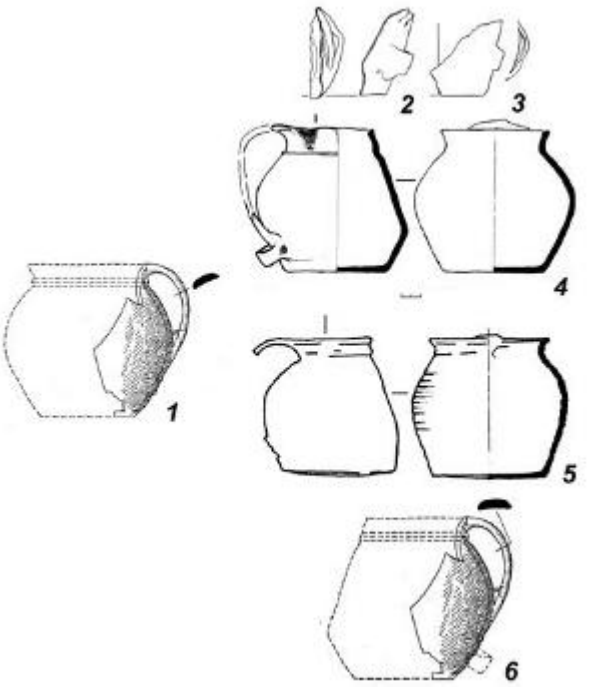


Рис. 2. Кухонная ойнахойя из материалов раскопок у с. Передовое и ее аналогии.

Безусловно, не ранее середины X в. датируется и некрополь у с. Верхняя Голубинка, расположенный на пологой площадке, на второй надпойменной террасе левого берега реки Бельбек (на высоте ок. 20 м от уровня реки). Здесь в ходе раскопок Л. А. Омельковой и О. Л. Пелевиной в 1978–1979 гг. [12, с. 395; 10, с. 294] обнаружено 17 грунтовых и обложенных камнями захоронений (рис. 3, 1) [14; 15]. Могильник частично разрушен современными мелиоративными работами. Особенно пострадал северный участок. Раскопанная площадь в 1978 и 1979 гг. составила 320 кв. м. Общая площадь памятника составляла, видимо, не менее 900 кв. м. Все могилы ориентированы по оси запад-восток, с небольшим отклонением к северу. По форме устройства четко выделяются два типа могил: 1 – обложенные бесформенными плитами песчаника (№ 1–11,13,15–17); 2 – грунтовые (№ 14) и грунтовые, перекрытые деревянными плахами (№ 12). Ямы исследованных могил вырыты в желтой материковой глине. Все погребения перекрывал культурный слой, являвшийся верхней частью заполнения могильной ямы.

Конструкция погребальных сооружений типична для этого региона средневековой Таврики. Каменная обкладка могил представляла собой разнокалиберные камни, небольшая часть из которых была обработана. В некоторых случаях из-за перепада

высот и глубины погребального сооружения они образовывали два, редко три небрежных рядка кладки, сложенных на глине. Перекрытие могил по большей части не сохранилось, но, судя по скоплению камней, перекрывавших верхний костяк, вероятно, захоронения перекрывались мелкими плитками и камнями. Исключение составляет погребение 5, перекрытое не только плитками, но и деревянными плахами.

Погребальный обряд, зафиксированный на некрополе, заслуживает особого внимания. Все захоронения многоярусные, с многократным повторным проникновением в могилу. При этом в рамках одной могилы отмечается сосуществование разнообразных элементов этого нового для полуострова обряда, что уже отмечалось в литературе на примере Херсонеса [16, с. 219–220].

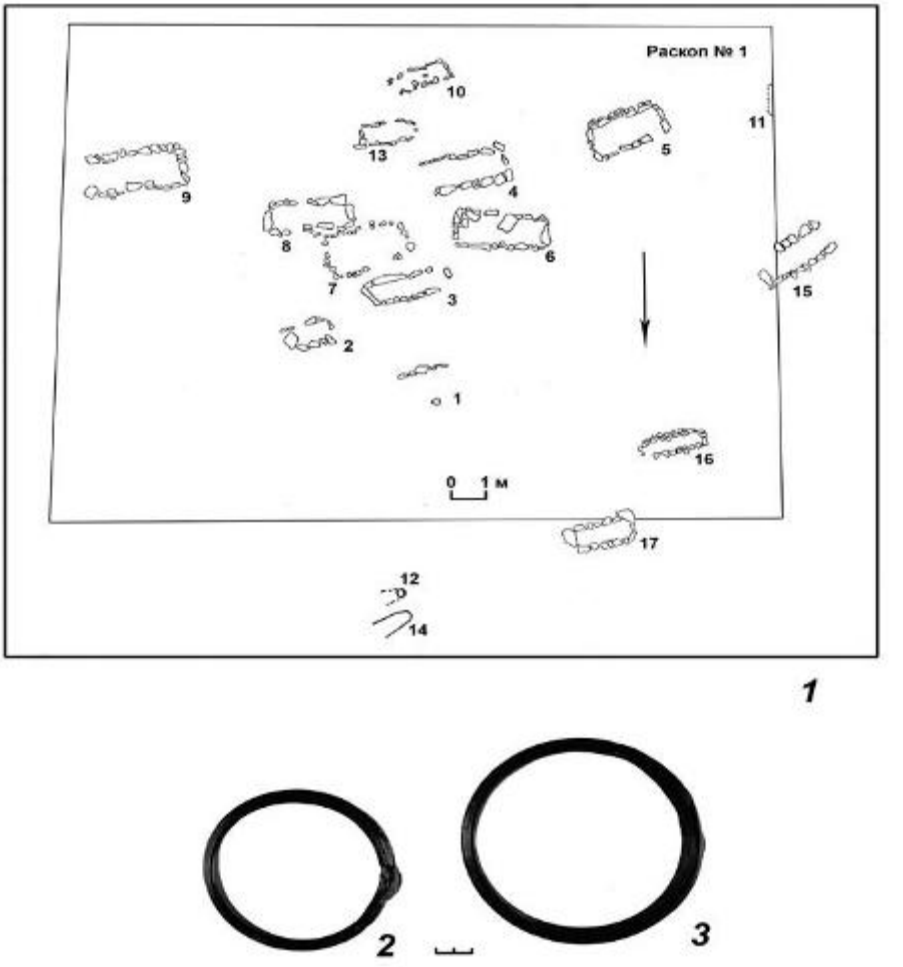


Рис. 3. План некрополя в с. Верхняя Голубинка и его погребальный инвентарь. 1 – план некрополя; 2 – м. 9; 3 – м. 6.

Исходя из этого, для анализа погребального обряда анализируемого некрополя в качестве примеров предлагается использовать ярусы погребенных в одной могиле. При раскопках отмечено четкое стратиграфическое разделение каждого яруса. Главным критерием для выделения типов погребального обряда послужил факт повторного проникновения в могилу. Представленные варианты основаны на характере повторного проникновения.

Наибольшее количество ярусов могил образуют погребения без нарушения анатомического порядка захороненного. Они представлены несколькими вариантами. *Во-первых,* это одиночные погребения, в том числе захоронения подростков или детей, значительно меньшие размера погребального сооружения, смещенные к одной из его стенок. Таких ярусов встречено 11, при этом в погребении 13 все четыре яруса такие, в погребении 16 из пяти ярусов таковы три нижние (Рис. 4, 1), в погребении 1 – из четырех ярусов – два верхние. В могилах 6 и 10 таких ярусов по одному. *Во-вторых* – одновременные парные и тройные погребения, разной сохранности, в том числе и детей, расположенные в анатомическом порядке. Таких ярусов отмечено 12. В некоторых случаях черепа одного, двух или всех трех захороненных отсутствовали и оказывались перемещенными в верхний ярус при последующем погребении. В могиле 8, ярус 3, исходя из размеров погребального сооружения, нижние конечности двух погребенных были согнуты. В могиле 15, ярус 3 были одновременно захоронены двое взрослых и один ребенок, расположенный в ногах одного из взрослых. В могиле 16, ярус 1 в ногах взрослого погребенного расположены два детских костяка (Рис. 6, 1). В могиле 17, ярус 1 зафикси- ровано одновременное погребение взрослого и расположенного рядом младенца, а в ярусе 2 этого же погребения – костяки взрослого и ребенка, расположенные один на другом (Рис. 4, 2). В погребении 5 (Рис. 4, 3) и 8 (Рис. 5, 1) таких ярусов два, в погребении 15 – все четыре (Рис. 4, 4), в погребении 16 – первый верхний, в погребении 17 – все три.

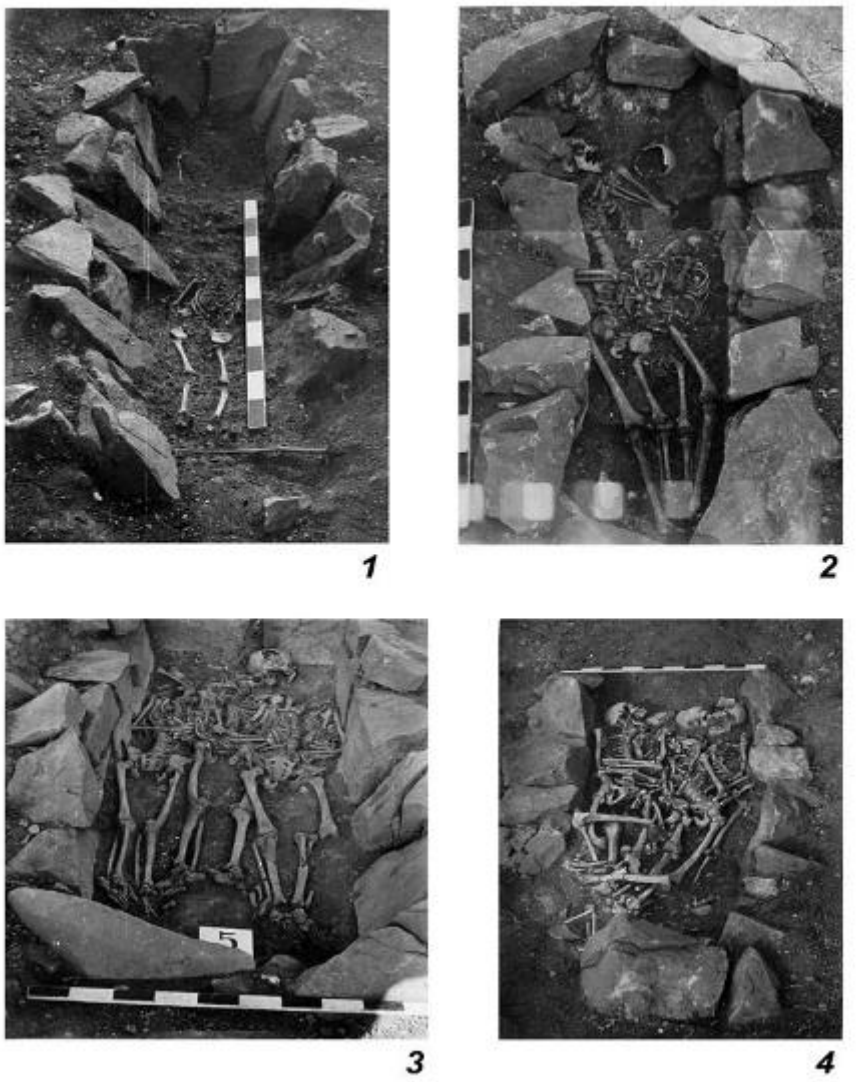


Рис. 4. Общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 16, ярус 4; 2 – м. 17, ярус 2; 3 – м. 5, ярус 3; 4 – м. 15, ярус 1.

Вторую условную группу образуют ярусы могил, где вместе с одним или двумя костяками, находящимися в анатомическом порядке, погребены отдельные черепа или части скелетов от предшествующих погребенных. Таких ярусов зафиксировано 7. Так, в двух ярусах могилы 4 зафиксированы разрушенные парные погребения и остатки трех или двух черепов в юго-западном углу погребального сооружения. В

могиле 8, ярус 2 вместе с остатками двух костяков в анатомическом порядке в западной части могилы находились два черепа. В 5 ярусе этой же могилы, помимо трех погребенных, в восточной части погребального сооружения в беспорядке лежали кости ног (Рис. 5, 2). В могиле 5, ярус 1 вместе с костяком в анатомическом порядке вдоль западной стенки погребального сооружения находилось пять черепов (Рис. 6, 3). В могиле 8, ярус 1, помимо детского костяка, в анатомическом порядке зафиксирован череп в изголовье и в восточной части могилы скопление берцовых костей от нескольких погребенных. В могиле 10, ярус 1, помимо детского костяка, в северо-западном углу погребального сооружения находилось два фрагментированных черепа, а в юго-западном – один.

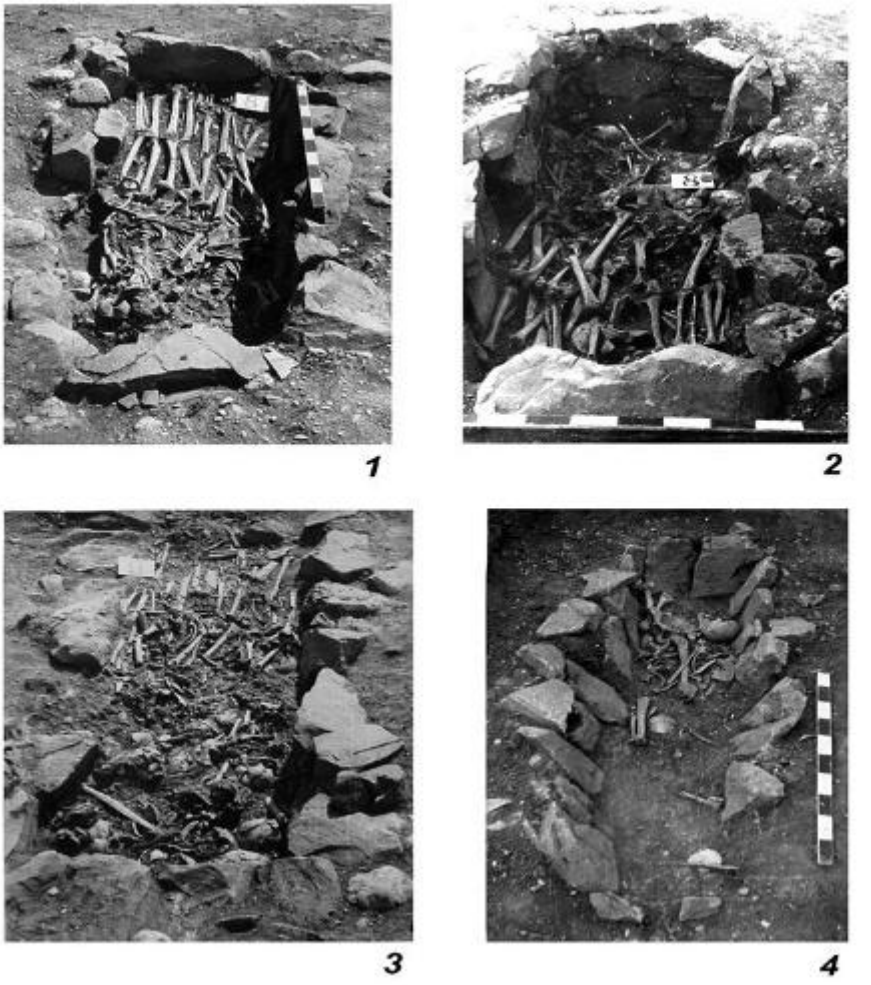


Рис. 5. Общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 8, ярус 4; 2 – м. 8, ярус 5; 3 – м. 9; 4 – м. 16, ярус 2.

Третью группу образуют ярусы могил, состоящие из сильно разрушенных и частично перемешанных костяков, где в большем или меньшем количестве фиксируются части скелетов в анатомическом порядке. Таких ярусов отмечено 11. Вероятнее всего, данные ярусы нельзя рассматривать в качестве костниц, что уже отмечалось в литературе [16, с. 219–220]. Во-первых, несмотря на сильную перемешанность костей, во всех случаях наблюдается преобладающее расположение черепов в восточной, а костей нижней части скелета – в западной части погребального сооружения. Во-вторых, в погребениях 6 и 10 таких ярусов зафиксировано только по одному. В первом случае ярус представлял собой затылочные кости от шести черепов и некоторые кости от двух костяков, лежавшие в анатомическом порядке, во втором – разрозненные кости от нескольких погребений. При этом в правильном анатомическом порядке лежали только бедренные кости, а большеберцовые разрушены и сдвинуты. Остальные части костяка отсутствовали. В погребениях 1 и 4 таких ярусов было только два. В первом случае они представляли собой сильно разрушенные кости с остатками частей скелета и фрагментами черепов, во втором – остатки двух или четырех черепов и разрушенные кости от нескольких погребений. Только в погребении 2 таковыми были все пять ярусов. Причем два из них не содержали фрагментов черепов и частей скелетов в анатомическом порядке. При этом ярусы в заполнении погребального сооружения выделялись достаточно четко.

Четвертую группу образуют немногочисленные ярусы, где четко зафиксировано повторное перемещение костей. Именно они и позволяют говорить о проникновении элементов афонского погребального обряда в средневековую Таврику. Таких ярусов зафиксировано три. Наиболее ярким примером является ярус 4 погребения 6, в котором в западной части могилы обнаружено шесть черепов, а в восточной – в хаотическом порядке исключительно берцовые кости нескольких костяков (Рис. 6, 4). В средней части могилы костей не обнаружено. Во втором ярусе этой же могилы зафиксировано 11 черепов, лежавших вплотную друг к другу, а в восточной части могилы – скопление костей ног (Рис. 6, 5). Между ними располагался костяк в анатомическом порядке (Рис. 6, 2). Кроме него, в средней части могилы других костей не выявлено. В погребении 16, ярус 2 в западной части могилы зафиксированы фрагменты двух черепов и беспорядочно отдельные чести скелетов, в восточной – остатки одного черепа без каких-либо других костей (Рис. 5, 4).

Только одно погребальное сооружение № 9 условно можно рассматривать в качестве костницы (Рис. 5, 3). В ней четкие ярусы погребенных не прослеживались, а в заполнении могилы находилось большое количество мелкораздробленных лежавших в беспорядке костей, перемешанных с землей. Тем не менее в западной части лежали фрагменты черепов, в восточной – кости ног. Всего прослежены остатки не менее 51 черепа.

В отличие от могил, обложенных камнем, обряд погребения в грунтовых могилах достаточно однообразен. В погребении 12 два костяка, находившихся в анатомическом порядке, расположены в два яруса; в разрушенной могиле 14 зафиксирован один разрушенный костяк, находившийся в анатомическом порядке.

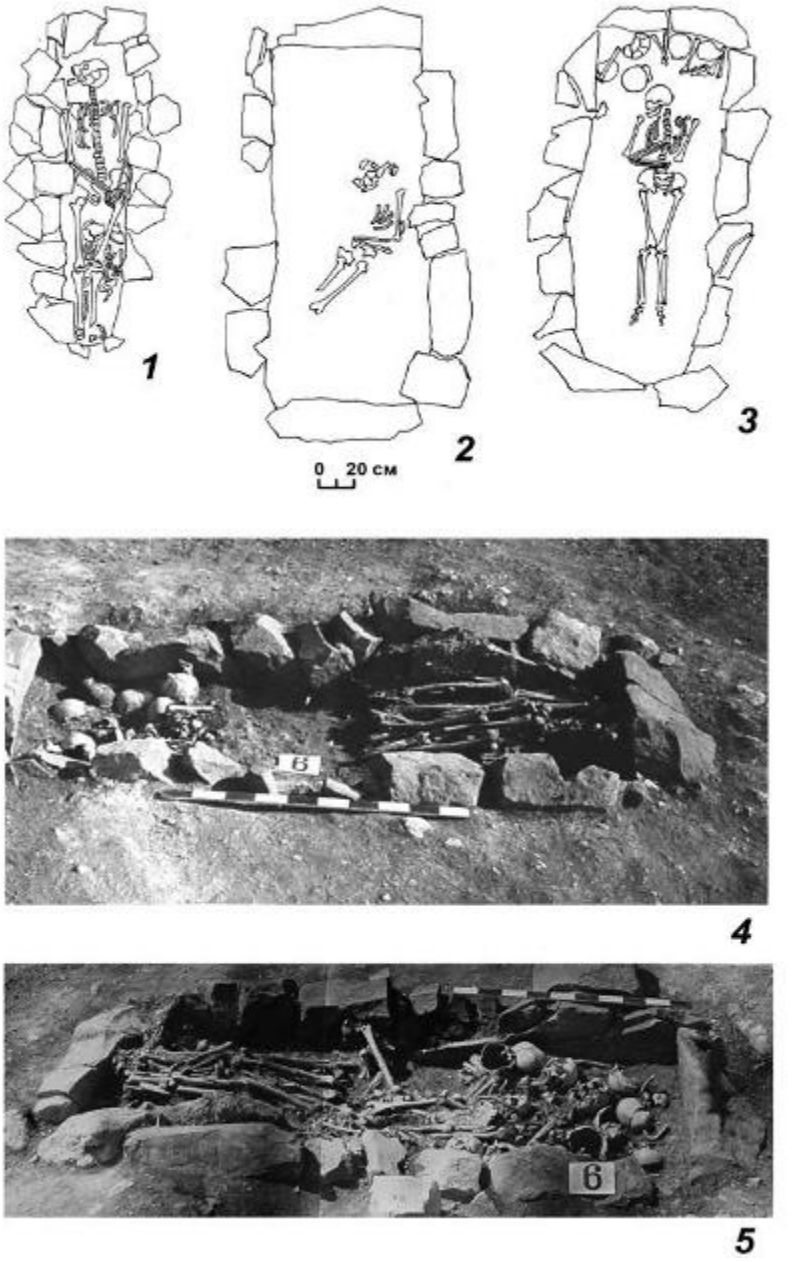


Рис. 6. Планы и общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 16, ярус 1; 2 – м. 6, ярус 2; 3 – м. 5, ярус 1; 4 – м. 6, ярус 4; 5 – м. 6, ярус 2.

Подводя итоги краткому анализу погребального обряда некрополя, необходимо отметить, что в общих чертах он подобен синхронному христианскому погребально-

му обряду, отмечаемому во всех частях Крымского полуострова средневизантийского времени. Тем не менее присутствуют и характерные отличия (Рис. 7). Связаны они с тем, что погребальные сооружения с одиночным погребением не встречены вообще, а процент ярусов могил с одиночными погребениями очень невелик. Преобладающими являются ярусы с коллективными многоразовыми погребениями, встречающиеся в Юго-Восточном Крыму реже. Для восточной Таврики они получают широкое распространение в более позднее время. При этом некрополь у с. Верхняя Голубинка нельзя рассматривать, в отличие от некрополей Сугдеи, Боспора или Херсонеса, в качестве городского. Он наверняка связан с сельским поселением, то есть влияния урбанистических процессов на изменение погребального обряда здесь не было. Маловероятно и то, что некрополь связан с монастырским комплексом.

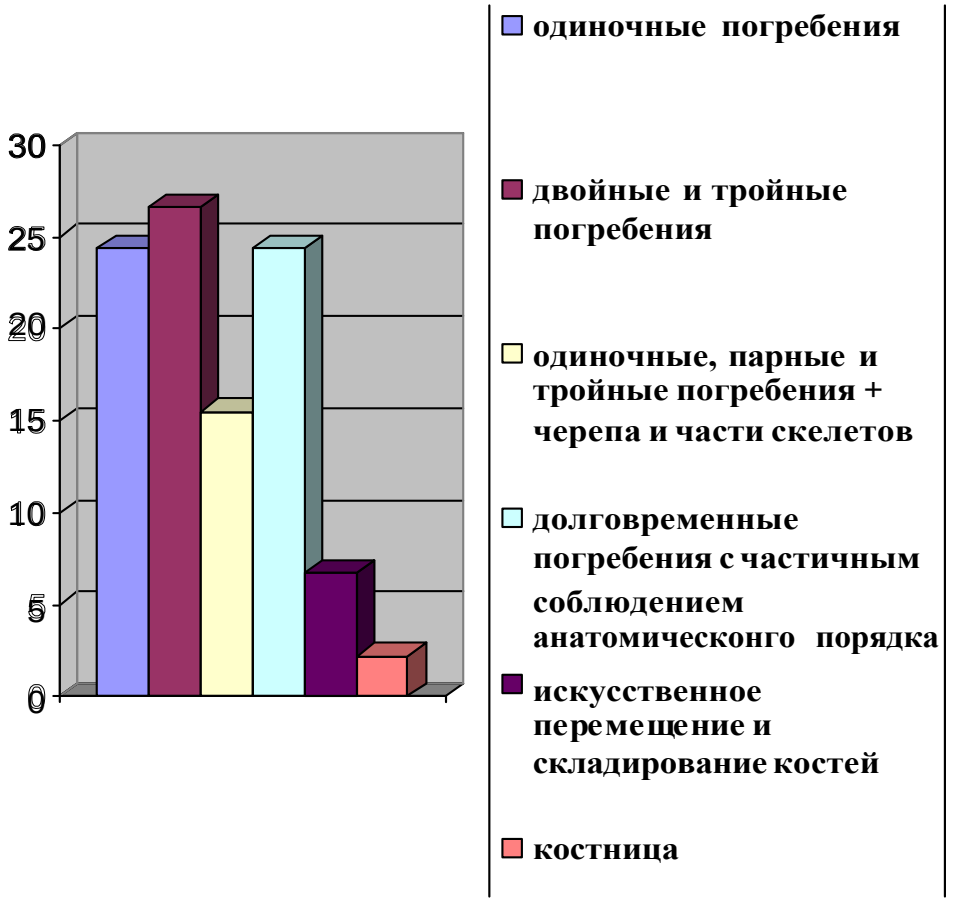


Рис. 7. Статистическое распределение элементов погребального обряда в ярусах погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка.

Погребальный инвентарь крайне малочисленен, однако достаточно выразителен и датируется относительно четко. Представлен он пятью целыми и одним фрагментированным стеклянными браслетами, обнаруженными в погребениях 4, 6, 9, 13. Два браслета обнаружены на правой руке детского костяка в могиле 13, остальные – среди скопления костей в ярусах могил. Представляет интерес браслет с двумя желобками, происходящий из могилы 9, с орнаментом, нанесенным белой краской, в виде насечек по краю изделия и двух обращенных друг к другу птиц. Изображения птиц достаточно редки среди орнаментальных композиций на стеклянных браслетах Таврики. Несколько чаще представлены они на изделиях, происходящих из Саркела-Белой Вежи [17, с. 310–323]. Вопрос о хронологических рамках существования стеклянных браслетов остается дискуссионным [18, с. 88–89]. Для средневековой Таврики однозначно можно сказать только то, что в материалах салтово-маяцкой культуры Крыма, так же, как и в так называемых гото-аланских древностях полуострова, они не известны. На мой взгляд, время их активного проникновения в Таврику приходится на вторую половину X–XI в., а ко второй половине XII в. они постепенно выходят из употребления.

В состав погребального инвентаря входит и детский бронзовый браслет, украшенный насечками, обнаруженный в разрушенном захоронении 11. Это также относительно надежный хронологический индикатор. Подобные браслеты достаточно широко распространены на территории Таврики и датируются в рамках второй половины X–XII в. [19, с. 120–121]. К более надежным хронологическим индикаторам восточноевропейской моды второй половины X–XII в. принадлежит бронзовый биконический бубенчик, нижняя часть которого украшена насечкой из погребения 13. Вероятнее всего, он входит в комплекс погребального инвентаря, включающего два упомянутых нами стеклянных браслета. Подобные экземпляры также надежно датируются указанными хронологическими рамками.

К сожалению, три бронзовые кольца, зафиксированные в погребениях 3 и 9, четко датировать сложно. Два из них с несомкнутыми краями выполнены из плоской пластины, а одно – из круглой проволоки. Также затруднительно узко датировать и костяную грибовидную пуговицу-застежку, обнаруженную возле каменной обкладки погребения 1. Тем не менее, судя по погребальному инвентарю, некрополь можно достаточно уверенно датировать в рамках второй половины X–XII в.

Таким образом, прихрамовые некрополи у с. Гончарное, плато Пампук-Кая, могильник у с. Родниковое продолжают функционировать и после середины X в. Продолжается жизнь и на поселении у с. Передовое. Вместе с тем с середины X в. возникают и новые некрополи, такие как у с. В. Голубинка, не содержащие материалов предшествующего времени. Необходимо вспомнить и о монете Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), обнаруженной в 1895 г. на поселении у с. Резервное (бывш. Мангуш), в 2 км к северо-востоку от села над рекой Бодрак [1, с. 13].

Список использованных источников и литературы

1. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // МИА. – 1970. – № 168. – 224 с.

Yakobson A. L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki / A. L. Yakobson // MIA. – 1970. – № 168. – 224 s.

2. Майко В. В. Некрополь Судак-IX на посаде средневековой Сугдеи (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) / В. В. Майко, А. В. Джанов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2015. – Т. 12. – С. 159–176.

Mayko V. V. Nekropol' Sudak-IX na posade srednevekovoy Sugdei (po materialam raskopok 2006–2008 gg.) / V. V. Mayko, A. V. Dzhanov // Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. – Donetsk, 2015. – T. 12. – S. 159–176.

3. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.) / М. В. Ельников. – Запорожье, 2001. – Т. 1. – 275 с.

El'nikov M. V. Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.) / M. V. El'nikov. – Zaporozh'e, 2001. – T. 1. – 275 s.

4. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.) / М. В. Ельников. – Запорожье, 2006. – Т. II. – 356 с.

El'nikov M. V. Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1993–1994 gg.) / M. V. El'nikov. – Zaporozh'e, 2006. – T. II. – 356 s.

5. Майко В. В. Археологические исследования некрополей Сугдеи в 2007–2009 гг. / В. В. Майко, А. В. Джанов, А. М. Фарбей // Археологічні дослідження в Україні 2009. – Київ ; Луцьк, 2010. – С. 274–277.

Mayko V. V. Arkheologicheskie issledovaniya nekropoley Sugdei v 2007–2009 gg. / V. V. Mayko, A. V. Dzhanov, A. M. Farbey // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2009. – Kiïv ; Luts'k, 2010. – S. 274–277.

6. Айбабин А. И. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // МАИЭТ. – Вып. XVII. – Симферополь ; Керчь, 2011. – С. 422-457.

AybabinA. I. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermena / A. I.Aybabin, E.A. Khayredinova // MAIET. – Vyp. XVII. – Simferopol' ; Kerch', 2011. – S. 422-457.

7. Тесленко И. Б. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг / И. Б. Тесленко, А. В. Лысенко // Духовное наследие Крыма. Памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. – Симферополь, 2006. – С. 132–144.

Teslenko I. B. Pogrebenie svyashchennika v odnom iz srednevekovykh khramov gory Ayu-Dag / I. B. Teslenko, A. V. Lysenko // Dukhovnoe nasledie Kryma. Pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo. – Simferopol', 2006. – S. 132–144.

8. Byzantine Bread Stamps : [Электронный ресурс] // Thom Collection / Past-Ancient Art Gallery, Spijkenisse. – Режим доступа : http://www.cookieboard.com/Home%20Pages/Related2.html. – Дата обращения : 03.09.2016 г.

Byzantine Bread Stamps : [Elektronnyy resurs] // Thom Collection / Past-Ancient Art Gallery, Spijkenisse. – Rezhim dostupa : http://www.cookieboard.com/Home%20Pages/Related2.html. – Data obrashcheniya : 03.09.2016 g.

9. Нессель В. А. Керамический комплекс / В. А. Нессель // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной. – Севастополь, 2006. – С. 95–140.

Nessel' V. A. Keramicheskiy kompleks / V. A. Nessel' // Khersonesskiy sbornik. Supplement I. Topografiya Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.) / pod red. A. B. Bernatski, E. Yu. Kleninoy. – Sevastopol', 2006. – S. 95–140.

10. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах / Е. А. Паршина / Византийская Таврика. – Киев : Наукова думка,1991. – С. 64–100.

Parshina E. A. Torzhishche v Partenitakh / E. A. Parshina / Vizantiyskaya Tavrika. – Kiev : Naukova dumka,1991. – S. 64–100.

11. Паршина Е. А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985─988 гг.) / Е. А. Паршина // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Киев : Стилос, 2002. – С. 89–109.

Parshina E. A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985-1988 gg.) / E. A. Parshina // Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney. – Kiev : Stilos, 2002. – S. 89–109.

12. Романчук А. И. Исследование средневековых памятников в долине р. Бельбек / А. И. Романчук, Л. А. Омелькова, О. Л. Пелевина, Ю. М. Ковалев // АО 1978 года. – М., 1979. – С. 395.

Romanchuk A. I. Issledovanie srednevekovykh pamyatnikov v doline r. Bel’bek / A. I. Romanchuk, L. A. Omel’kova, O. L. Pelevina, Yu. M. Kovalev // AO 1978 goda. – M., 1979. – S. 395.

13. Омелькова Л. А. Исследование сельских поселений в долине р. Бельбек / Л. А. Омелькова // АО 1979 года. – М., 1980. – С. 294.

Omel’kova L. A. Issledovanie sel’skikh poseleniy v doline r. Bel’bek / L. A. Omel’kova // AO 1979 goda. – M., 1980. – S. 294.

14. Омелькова Л. А. Отчет о спасательных разведках и раскопках, проведенных в Бельбекской долине в 1978 г. / Л. А. Омелькова // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1978/65. № 8698. 77 с.+ 80 ил.

Omel’kova L. A. Otchet o spasatel’nykh razvedkakh i raskopkakh, provedennykh v Bel’bekskoy doline v 1978 g. / L. A. Omel’kova // Nauchnyy Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy. 1978/65. № 8698. 77 s.+ 80 il.

15. Пелевина О. Л. Отчет о раскопках средневекового могильника и печи в селе В. Голубинка в 1979 г. / О. Л. Пелевина // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1979/130. № 9477. 40 с.+ 63 ил.

Pelevina O. L. Otchet o raskopkakh srednevekovogo mogil’nika i pechi v sele V. Golubinka v 1979 g. / O. L. Pelevina // Nauchnyy Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy. 1979/130. № 9477. 40 s.+ 63 il.

16. Иванов А. В. Внутригородские некрополи конца X – XIV в. как элемент исторической топографии византийского Херсона / А. В. Иванов // Древности 2012. – Вып. 11. ─Харьков, 2012. – С. 211–222.

Ivanov A. V. Vnutrigorodskie nekropoli kontsa X – XIV v. kak element istoricheskoy topografii vizantiyskogo Khersona / A.V. Ivanov // Drevnosti 2012. – Vyp. 11. Khar’kov, 2012. – S. 211–222.

17. Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи / З. А. Львова // МИА. – 1959. – № 75. – С. 307–332.

L’vova Z. A. Steklyannye braslety i busy iz Sarkela-Beloy Vezhi / Z. A. L’vova // MIA. – 1959. – № 75. – S. 307–332.

18. Майко В. В. Стеклянные браслеты византийской Таврики. Вопросы типологии, технологии и хронологии / В. В. Майко // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 88–89.

Mayko V. V. Steklyannye braslety vizantiyskoy Tavriki. Voprosy tipologii, tekhnologii i khronologii / V. V. Mayko // Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. – Khar’kov, 2012. – S. 88–89.

19. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2007. – 273 с.

Mayko V. V. Srednevekovye nekropoli Sudakskoy doliny / V. V. Mayko. – Kiev : Akademperiodika, 2007. – 273 s.

Maiko V. V. Materials of the second half of X-XII c. in the South-West Crimea / V. V. Maiko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 134–148

Archeological materials of the second half of X–XII c., got during the excavations of archaeological monuments of south-west Crimea, are examined in the article. Their dating is based on the resulted analogies from other parts of the Crimean peninsula. The author analyzes both archaeological finds and materials of necropolis near Verhnaja Golubinka investigated in 1978–1979. This monument is dated not early, than the middle of X c. and demonstrates the features of funeral ceremony, becoming characteristic for medieval Taurica of X–XII c. A conclusion is done that some early medieval monuments of the south-west Crimea continue to function after the middle of X c.

Keywords*:* South-West Crimea, Byzantium, bread stamps, oenochoe, necropolises, funeral ceremony**.**

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 149–164.

УДК 75.052(477.75)+72.684(477.75)

О БЕДНОМ КОЗЕНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ГОРНОГО КРЫМА

Могаричев Ю. М.

Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования
Симферополь, Российская Федерация
E-mail:mogara@rambler.ru

В ряде работ современных авторов предпринята попытка представить Ф. А. Козена, автора получившей негативную оценку в историографии «гипотезы» о создании крымских «пещерных городов» некими «троглодитами», как «выдающегося исследователя». Еще раз проанализировав аргументацию Ф. А. Козена и доводы оппонентов, мы настаиваем на традиционной оценке взглядов этого исследователя первой половины XIX в.

Ключевые слова: Крым, «пещерные города», Эски-кермен, троглодиты.

Одной из областей научных интересов Виталия Николаевича Даниленко были «пещерные города» Горного Юго-Западного Крыма, в частности памятники скальной архитектуры. Им рассматривались проблемы: начальной хронологии пещерных монастырей Таврики [1]; хозяйственной деятельности монахов, проживавших там [2]; архитектурной составляющей памятников, в частности монастыря Чилтер-коба [3]. Несмотря на то что по ряду вопросов наши взгляды расходились [4], следует отметить, что работы Виталия Николаевича всегда были выполнены на серьезном научном уровне и в уважительной форме по отношению к оппонентам.

К сожалению, в последние два десятилетия появились публикации, посвященные различным аспектам истории пещерных сооружений Таврики, научный уровень которых далек от идеала. Нам уже приходилось обращаться к данной проблеме на примере «церкви с баптистерием» городища Тепе-кермен [5].

В историографии сложилось, в целом, критическое отношение к публикации Ф. А. Козена, посвященной памятникам, в первую очередь искусственным пещерам, Эски-кермена [6].

Так, Н. Л. Эрнст в обстоятельной работе «Эски-Кермен и пещерные города Крыма» отмечал: «В 1828 г. на Эски-Кермен обратил внимание некий генерал Ф. А. Козен, нашедший его самым достопримечательным пещерным городом Крыма и называющий его почему-то Джингис-Керманом. Он посвятил ему большое описание, которое озаглавливает «О троглодитах». В нем он, правда, довольно подробно и верно описывает характер пещерных жилищ Эски-Кермена, указывает и ряд важных отдельных памятников, **но в то же время пропускает много памятников первосте-**

пенной важности и дает ряд беспомощных толкований. Так, пещеры Эски-Кермена высечены, по его мнению, доисторическим народом "троглодитами"; судя по следам орудий обработки, заметным на стенах пещер и представляющимся как бы вдавленными в мякоть, троглодиты эти обладали искусством размягчать скалы до их обработки (выделено нами – *Авт.*). Впоследствии Эски-Кермен был использован и христианами … **Такими наивными бессмыслицами автор причинил много вреда, ибо они с тех пор постоянно фигурировали в литературе о пещерных городах, например, троглодиты – строители пещер, искусственное размягчение ими скал** (выделено нами – *Авт.*)…» [7, с. 17].

В. И. Равдоникас в историографической части своей программной статьи «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья» писал: «В 1828 г. на один из пещерных городов, именно Эски-Кермен, обращает внимание Ф. А. Козен. Давая в своей заметке «О троглодитах» суммарное описание его пещерных сооружений, автор приписывает их «доисторическим троглодитам». По его мнению, позднее пещеры были использованы христианами» [8, с. 18]. Несколько саркастически упоминает о данном авторе и Н. И. Репников [9, с. 146].

Мы в монографии «Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации)» отмечали: «В 1828 г. искусственными пещерами заинтересовался генерал Ф. А. Козен, предложивший новую гипотезу их происхождения в "знаменитой" статье "О троглодитах". **Помещения в скале, по его мнению, высечены доисторическим народом – троглодитами, которые обладали искусством размягчать** скалу (выделено нами – *Авт.*). Но нужно отметить подробное и верное описание Ф. А. Козеном ряда пещерных сооружений Эски-Кермена. **Эти абсурдные представления нашли довольно многочисленных последователей, особенно во второй половине XIX в. Это связано с тем, что вскоре после опубликования статьи ф. А. Козена в Крыму были обнаружены стоянки людей каменного века в естественных пещерах. отсюда следовал простой вывод: раз первобытные люди жили в естественных пещерах, то они вполне могли создавать и искусственные** (выделено нами – *Авт.*)» [10, с. 16]. Это в несколько измененном варианте повторено в монографии «''Пещерные города'' в Крыму». Там же была исправлена опечатка в дате появления работы Ф. А. Козена с 1823 г. на 1828-й [11, с. 7]. Заметим, ссылки на рассматриваемую статью Ф. А. Козена, а иногда и объемные выдержки из нее достаточно часто встречались в работах последующих авторов [см., напр.: 12, с. 255–258; 13, с. 440–447; 14, с. 47–48]; это было связано, во-первых, с тем, что это первое относительно подробное описание пещерных сооружений Эски-кермена, а во-вторых, теория создания крымских искусственных пещер троглодитами (доисторическим человеком) получила определенное развитие в трудах последующих авторов [10, с. 16–23].

Как видим, в современной историографии, равно как и в историографии XX в., оценка труда Ф. А. Козена практически единогласная: достаточно добротная описа-

тельная часть и вызывающие большие вопросы исторические выводы, касающиеся происхождения памятников скальной архитектуры и их создателей[1].

В 2013 г. к эски-керменским заметкам Ф. А. Козена обратилась И. Ю. Лапина [15]. Являясь проректором и заведующей кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета [16] (бывшее Училище гражданских инженеров), она вполне закономерно заинтересовалась биографией и научной деятельностью первого директора этого учебного заведения, коим был Ф. А. Козен. А в качестве приложения к своей статье переиздала полный текст сочинения генерала. Основной вывод работы: ссылки более поздних авторов на публикацию Ф. А. Козена выполнены по-разному, в основном некорректно, при этом используются выдержки не из оригинала, а из последующих перепечаток: «Все последующие исследователи цитируют Козена по Кеппену и другим авторам» [15, с. 75]. Различие в ссылках действительно существует, и здесь нельзя не согласиться с И. Ю. Лапиной. Работая над кандидатской диссертацией во второй половине 80-х гг. прошлого века и столкнувшись с указанной проблемой[2], я оформил сноску в соответствии с последним и наиболее полным тогда историографическим обзором, составленным В. И. Равдоникасом [9, с. 18][3], который следует «каноническому» библиографическому указателю крымоведческой литературы, составленному А. И. Маркевичем [17, с. 21]. Во избежание дальнейших дискуссий на сей счет отмечу, что работу Ф. А. Козена я изучал не по «Крымскому сборнику» П. И. Кеппена, а по выпискам из оригинала, предоставленным одним из работавших в Ленинградском отделении института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) коллег. В крымских библиотеках это издание отсутствует, а, как известно, доступ к копировальной технике тогда был ограничен, при этом электронного обмена информацией не существовало.

И. Ю. Лапина акцентировала внимание на то, что в нашей работе 1992 г. дата обращения генерала к проблеме «пещерных городов» обозначена как 1823 г. Конечно,

[1] Сходство выводов авторов названных историографических обзоров связано исключительно с утвердившимися в современной крымской медиевистике взглядами на проблему времени создания крымских пещерных сооружений – это памятники средневекового зодчества.

[2] Отметим, что случай с ссылками на публикацию Ф. А. Козена не является исключением. Традиционно у различных исследователей Крыма XIX–XX вв. часто ссылки на одни и те же работы, особенно имеющие несколько подназваний (например, «Крымский сборник» П. И. Кеппена) или длинные названия (например, описание путешествия Екатерины II на юг России, труд П. С. Палласа), являющиеся переводом с других языков (например, «Описание Крыма [Татарии] М. Броневского), отличаются. Если бы уважаемая И. Ю. Лапина более основательно ознакомилась с историографией тех же крымских «пещерных городов», описанный ею казус (несомненно, справедливо отмеченный) не вызвал бы такой реакции. В конце концов требовать от авторов XIX, да и XX в. досконально следовать оформлению ссылочного аппарата в соответствии с вызывающими много вопросов у современных историков индексами цитирования вряд ли оправдано.

[3] Судя по списку литературы, прилагаемому к публикации, эта работа осталась ей неизвестной, что вызывает сожаление.

это опечатка (о чем уже было сказано), и если бы уважаемая оппонент взяла на себя труд ознакомиться с нашими более поздними публикациями[1], данный момент не вызывал бы у нее удивления. Впрочем, на этом стоит сделать акцент в той же плоскости, как и ее замечание, что Н. Л. Эрнст «обращается к данной проблематике в **1828 г.** (выделено нами – *Авт.*)» [15, с. 77].

Обращает на себя внимание следующий пассаж: «Эрнст …выражает удивление, почему Козен называет Эски-Кермен Джингис-Керманом. Следовательно, вырисовывается еще одна проблема – топонимические наложения, переходящие в откровенную путаницу лингвистического и географического характера. Используя разные названия местности, авторы пытаются разделить термины Эски-Кермен, Дженгис-Керман и Черкес-Кермен. Между тем, исходя из турецких источников времен Османской империи, цитировать которые в данном случае нет необходимости, следует, что речь идет об одном и том же месте, но с разными названиями со стороны местного и пришлого населения в зависимости от принадлежности к историческому периоду на протяжении XIV–XIX вв.» [15, с. 77]. Конечно, специалисту по российскому земскому ополчению 1812–1814 гг., до этого не публиковавшему трудов по крымоведению, возможно, допустимо наличие лакун в знаниях крымской топонимики. Однако автору размышлений «о научной этике» и «поучительной» работы по историографии таврических «пещерных городов», наверное, следовало бы более основательно отнестись к предмету своих научных изысканий. Во-первых, желательна расшифровка: какие именно «турецкие источники Османской империи» XIV–XV и XIX вв. в конкретном случае она имела в виду. Известно, что османы завоевали Крым только в 1475 г., а с 1783 г. – это уже часть Российской империи. Во-вторых, просится конкретизация: кого следует понимать под местным и пришлым населением? В-третьих, почему «нет необходимости» цитировать «скрываемые» И. Ю. Лапиной турецкие источники? Для доказательства своих положений автору просто необходимо продемонстрировать, где в османских источниках идет подача материала «со стороны местного», а где со «стороны пришлого населения».

Наконец, обратим внимание уважаемого оппонента: несмотря на действительно присутствующую в историографии некоторую путаницу, Эски-кермен и Черкес-кермен – разные понятия. Эски-керменом (Старая крепость) традиционно называли и называют собственно городище. Причем данный топоним фигурирует в источниках уже в конце XVIII в. Например, им оперирует в 1784 г. французский путешественник Шарль де Бар [18, с. 404]. Более того, еще Мартин Броневский в 1578 г. четко отделяет само городище от Черкес-кермена: местность называется Черкес-кермен, а имени «древнего города» не знают ни греки, ни турки, ни татары [19, с. 168]. Тунманн в 1777 г. сообщал, что развалины неизвестного «бывшего города» лежат у «Шеркескирмана» [20, с. 32]. Черкес-керменом в узком смысле называли деревню, находившеюся в соседнем с Эски-керменом ущелье. В 1945 г. она была переименована в село Крепкое и упразднена в начале 70-х гг. прошлого века [19, с. 196]. В широком – этим термином часто называли деревню и ближайшую округу.

[1] Как известно, полноценное знание историографии исследуемого вопроса является неотъемлемой частью ремесла историка.

В 2015 г., вдохновленный статьей И. Ю. Лапиной, в дискуссию вокруг Ф. А. Козена включился Н. В. Днепровский [21]. Общий вывод его публикации таков: «мы можем утверждать, что генерал Козен был выдающимся исследователем. Он обладал уникальным сочетанием широчайшей для своего времени общей эрудиции с хорошей инженерной подготовкой, острой наблюдательностью, умением трезвого и непредвзятого анализа наблюдаемых фактов. Таким набором качеств после него обладал, возможно, только А. Л. Бертье-Делагард. При этом Ф. А. Козен обладал еще и блестящими способностями аналитика, четко разделяя факты и возможную их интерпретацию. Возможно, этот навык он приобрел во время выполнения “особых поручений” в ходе своей дипломатической карьеры» [21, с. 202]. Зная Н. В. Днепровского как человека, искренне увлеченного «пещерными городами», энтузиаста, пытающегося постичь и ознакомить научную общественность с новыми чертами этих памятников, но периодически в своих публикациях допускающего очевидные ошибки[1], мы не стали бы реагировать. Но так как уважаемый оппонент в процессе «научной канонизации» Ф. А. Козена высказал ряд не совсем справедливых суждений как в наш адрес, так и в адрес таких серьезных и признанных исследователей как Н. Л. Эрнст, Н. И. Репников, В. И. Равдоникас, мы сочли своим долгом попытаться разобраться в «научных достижениях» Ф. А. Козена и аргументах его апологетов.

Напомним основные моменты биографии Ф. А. Козена: служил в Министерстве иностранных дел, находился на военной службе, занимал различные должности в «строительном департаменте» Путей сообщения, и наконец, был назначен первым директором Училища гражданских инженеров [26, с. 371–374]. Как видим, генерал, несомненно, был достаточно образованным и эрудированным человеком, но целенаправленно и профессионально историческими штудиями не занимался. Его заметка об Эски-кермене, вероятно, не более чем путевая записка члена Одесского строительного комитета [15, с. 72], возможно, по служебным делам заброшенного на Крымский полуостров[2]. Как видим, жизненный путь Козена вполне соответствует заключениям авторов историографических обзоров: добротное описание, которое позволила сделать военная и инженерная подготовка, и примитивные исторические интерпретации образованного «технаря».

[1] Например, на основании поздних компиляций Житий епископов Херсонских, игнорируя ранние оригинальные версии, утверждает, что пещера Парфенон, где согласно источнику укрылся епископ Василей, находилась за пределами Херсонеса [22; критика: 23, с. 319]. Или находит «новую» пещерную церковь на Мангупе, помещая ее в хорошо известное и обследованное «пустое» место [24]. Очевидно, что данный памятник не что иное, как широко известная церковь так называемого Северного монастыря [25, с. 26–30, 104–106]. Обстоятельная публикация по данному поводу сейчас готовится мною совместно с А. Г. Герценом.

[2] Вероятно, это был единственный опыт генерала в составлении подобных сочинений, по крайней мере иных его публикаций, посвященных крымским памятникам, не обнаружено. Выяснение вопроса, в силу каких обстоятельств автор «троглодитской теории» оказался на Крымском полуострове, не входит в задачи настоящей работы. Это еще предстоит сделать его биографам.

Для подтверждения наших выводов напомним «историческую часть» публикации генерала: «Троглодитския руины или обиталища в несколько этажей, изсеченныя в Крыму в скалах, не менее также заслуживают любопытства. **Сооружение их равномерно принадлежит древнейшему народу, изчезнувшему с лица земли, об истинном имени коего, как и о его произхождении и судьбе, никаких подробностей нигде не имеется** (выделено нами – *Авт*.). Геродот сказал о нем несколько только слов. Сведения, которыя он оставил касательно сего народа, не удовлетворительны; и хотя весьма любопытны, но иногда представляют противоречие. Он называет сей народ то Троглодитами (пещеро-обитателями), то Ихтиофагами. “Народ сей ”, говорит он, «питается ящерицами и змиями и обитает по берегам Аравийскаго залива». В другом же месте пишет, «что сей народ жительствует в Западной Африке и ведет войну с Гарамантами. Гараманты же обитали в краю, которой по отдаленности положения своего был совершенно обеспечен от всех нападений Ихтиофагов залива Аравийскаго и Западной Африки. «Ихтиофаги», продолжает, «говорят одинаково хорошо по-Египетски и по-Ефиопски; что Камбиз до предприятия своего против Аммонитов отправил посольство, состоящее из нескольких человек сего народа, к Царю Ефиопскому; что сей Царь между прочими достопримечательностями приказал им показать пленных, кои были скованы золотыми цепями, потому что медь считалась в то время большою редкостию». Единственные же свидетели, оставленные сим народом, потверждающие о его бывшем существовании, суть только его обиталища, безмолвныя и покинутыя, и окружающая оныя дикая природа. Удивительная и странная постройка сих жилищ и положение их в местах глухих и удаленных, представляет как бы окаменелую панораму, которая выражает чертами характеристическими, на ней впечатленными, некоторыя обстоятельства, относящияся к сему народу. Странное соединение сих местностей нераздельно было связано с его политическим существованием; и также объясняет некоторым образом его устройство общественное, его склонность к обитанию в скалах; наконец, бросает некоторой свет на мрачность происхождения и позволяет с некоторою вероятностию угадывать причину, заставлявшую сей народ избегать с таким обдуманным упорством всякой встречи и всякаго сообщения с прочими его современниками.

Подобныя жилища, изсеченныя в скалах, находятся не только в Крыму, но также в Сицилии, Италии, Египте, в Индии, и, по Геродоту, находились даже в стране прежде прочих образованной в древности, Ефиопии. Геродот первый из древних писателей назвал народ, обитавший в оных, Троглодитами (людьми, скрывающимися в пещерах и питающимися ящерицами и змиями). Слова сии заключают загадку истории сего народа. **Был ли он принужден своими современниками жить подобно зверям в диких пещерах? Принадлежал ли, может быть, к каким-либо кастам несчастным и гонимым, подобно Париасам? Сие совершенно неизвестно, ибо геродот не говорит, для чего он скрывался. Но то несомненно, что существование Троглодитов не могло быть счастливо по сему обстоятельству; и вероятно также, что будучи жертвою какого-либо народнаго предразсудка, подобно сим Индейцам, был и он поражен проклятием между своими соотечественниками**

(выделено нами – *Авт*.). Причины и обстоятельства, заставившия его скрываться в пещерах, могли быть уже ослаблены или совсем забыты в то время, когда Геродот о нем упоминает; но воспоминания о претерпенных гонениях должны были существовать еще в преданиях сего народа; ибо обиды, нанесенныя целой нации, врезываются в память не временными и скоро исчезающими впечатлениями, но остающимися еще и после того, когда побудительная причина, породившая их, более не существует, и изглаживаются совершенно только с уничтожением всего народа.

Египет обязан просвещением Ефиопии, и в свою очередь посылал колонии в Азию, в грецию и в Италию. Вследствие сих переселений можно с вероятностию полагать, что все народы, имевшие наклонность обитать в скалах по разным странам, где находят еще до ныне таковыя руины, имели одинакое происхождение, и, по всему правдоподобию, вышли из Ефиопии в Египет в самую отдаленную эпоху древности и отсыда распространились по прочим странам тогда известнаго света; почему кажется почти несомненным, что первые поселенцы в Крымских горах, изсекавшие скалы, пришли из Египта и, судя по великому числу жилищ, должно заключать, что они долгое время здесь жительствовали и по многочисленности своей могли иметь способы к защищению себя от нападений неприятельских (выделено нами – *Авт*.).

Народ сей, по-видимому, в древности из сообщества людей изключенный, принужден был жить в уединенных местах и обитать в разселинах скал и со временем получил наклонность к сему образу жизни; ибо сохранял, после по своему желанию и попривычке те же обычаи, коим прежде подвергнут был по принуждению. Сии обычаи, переходя непрерывно от отца к сыну, были освящены временем: от того легко могли обратиться в закон, котораго впоследствии времени потомство не могло изменить, не уничтожив священнаго союза, связующаго его в памяти с предками, и не испровергнув до основания существовавших народных постановлений. Посему он строго подражал вовсем своим предшественникам, ибо при умножающемся народонаселении, при недостатке естественных пещер для жительства, находил средства устроивать искусственныя. **Сей народ, подвергнутый некогда оскорбительному для народнаго честолюбия поношению, от несправедливых, может быть, обвинений со стороны своих современников, впоследствии более из мести, нежели по слабости политической, избегал рачительно сношений с ними, для чего и основал жительство в самых высоких, неприступных местах, в удалении от всякаго обиталища человеческаго, и подверг себя добровольно в сих воздушных пустынях неимению необходимых надобностей для общежития, ибо терпел недостаток в двух первейших потребностях: в воде и лесе** (выделено нами – *Авт*.).

Во всех частях стараго света, где обитали Троглодиты, видны одинаковыя обстоятельства: повсюду сей народ скрывается в скалах с упорством, тем более примечательным, что, кажется, зависело от него самаго наслаждаться выгодами жизненными с меньшими трудностями, оставив горы и спустясь в долины лесистыя и плодоносныя, где нашел бы в изобилии воду в источниках и ручьях; но он отказывается с видимым намерением от всех сих выгод, представляемых странами, им обитаемыми;

и, постоянный в своих обычаях, предпочитает лучше работать с невероятными трудностями в крепких камнях для построения себе жилищ, чем жить подобно другим людям. Искусство в обработке техжилищ достигло у него до такой степени совершенства, что, кажется, ныне трудно и объяснить оную; и приобретенная им опытность так велика, что он умел в средине самых скал отыскивать воду»…

«**Троглодиты имели средство смягчать камни до разработки, и что для сего, вероятно, употребляли некоторыя кислоты или какия ни есть травяные составы, кои умели приготовлять; ибо не понятно с какою легкостию, как кажется, комнаты сии делались, и тем более сие замечательно, что железо в то время не было еще известно** (выделено нами – *Авт.*). Сие обстоятельство многих ученых приводило в недоумение: они не могут удовлетворительно изъяснить средство, которое народ сей употреблял для разработки камней, не могут сказать, из какого металла были орудия, нужныя для выдалбливания скал, ибо сделанныя из кремня или других твердых камней не могли бы долго противустоять усилиям, при столь необыкновенных работах. **можно предполагать, что если народы сии пришли из Египта, то им известно было искусство выделывания своих орудий из меди, коей они умели придать твердость, подходящую к железной, ибо в глубочайшей древности, до заменения употребления меди железом, разнаго рода оружия делались из оной** (выделено нами – *Авт.*)… Многие полагали: “что скалы сии, после первых эпох образования их, не приобретя еще довольно крепости от затвердения на воздухе, могли представлять прежде более удобства к их изсечению”; другие утверждали, “что только слой был тверд или наружная оболочка сих скал и что внутренность была несравненно мягче и удобна к разработке”, но все они равномерно обманывались» [15, с. 80–82].

Таким образом, Ф. А. Козен предлагает следующую историческую концепцию происхождения крымских искусственных пещер.

1. Их создали троглодиты – исчезнувший народ, имени которого не сохранилось, но о нем есть отрывочные упоминания у Геродота.

2. Внутрискальные сооружения по всему миру имеют общее происхождение – сооружены вышеупомянутыми троглодитами.

3. Троглодиты – народ-изгой, вынужденный скрываться в пещерах.

4. Троглодиты, создатели крымских пещерных сооружений, – выходцы из Египта, попавшие в Европу. В свою очередь культура в Египет была занесена из Эфиопии.

5. Троглодиты умели смягчать скалу, для чего использовали травяные настои и кислоты.

5. Пещеры троглодиты создавали медными орудиями.

Необходимо отметить, что ко времени выхода в свет статьи Ф. А. Козена уже были известны теории происхождения скальной архитектуры Крыма, имевшие понятную историческую и археологическую основы: пещеры – это погребальные сооружения (М. Тунманн); они созданы скифами (К. И. Габлиц), таврами (путеводитель к визиту Екатерины II), готами (П. И. Сумароков); помещения в скале вырубали монахи (П. С. Паллас, Мармон и др.) [10, с. 11–16]. Более того, некоторые версии, с точки

зрения современных научных представлений, оказались верными по отношению к отдельным помещениям и даже группам памятников.

Говоря о троглодитах, Ф. А. Козен, несомненно, имел ввиду Геродотов рассказ, хоть и переданный в достаточно вольной интерпретации, из кн. IV, 183: «…эти гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах, запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы – самые быстроногие из всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители поедают змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой, они издают звуки, подобные писку летучих мышей» [цит. по: 27, с. 295]. У Геродота отсутствуют разъяснения, жили ли пещерные эфиопы в естественных пещерах или создавали искусственные, что Козен полностью игнорирует. О создании пещер «отец истории» ничего не сообщает, поэтому более достоверен первый вариант. Обратим внимание и на другое «научное открытие» генерала – «великую египетскую колонизацию». К сожалению, инженер-строитель Козен критикует и отвергает общеизвестный факт, что верхний слой известняка более твердый, чем внутренний и, соответственно, скальная порода внутри более мягкая и легче поддается обработке (см. далее).

Не ставя своей целью подробный анализ работы Н. В. Днепровского, все же остановимся на отдельных принципиальных моментах.

Касательно «троглодитов» он пишет: «Перейдем теперь к термину “троглодиты”, который, по мнению исследователей, дискредитирует как самого генерала Козена, так и его последователей … данное название он рассматривает всего лишь как условный термин, и не более того. Отметим при этом, что во франкоязычной среде термин “troglodytique” в обобщенном смысле активно используется и в настоящее время, в том числе в научной библиографии… А в программу посещения современными туристами Туниса вполне официально включено знакомство с поселениями совершенно реальных современных троглодитов – матматских берберов. Таким образом, само по себе употребление слова “троглодит” нигде, кроме как на территории бывшего Советского Союза, “наивной бессмыслицей” не считается» [21, с. 194].

Н. В. Днепровский игнорирует, что «троглодит», по Козену, – вполне конкретное обозначение, правда, без прямой этнической атрибуции, строителей и обитателей пещер: «Что касается до руин Троглодитских в Крыму … то постараюсь сообщить вам о них некоторое понятие кратким описанием сих замысловатых памятников, оставленных нам **неизвестным народом, названным Троглодитами, потому что не знали, каким другим именем назвать его** (выделено нами – *Авт.*)» [15, с. 79]. Более того, троглодиты различных регионов – один, расселившийся из Египта по всему миру, этнос. В русскоязычной литературе[1] сей термин не «наивная бессмыслица»: он имеет четкую трактовку. «Троглодиты… – в древности общее название стоящих на низкой степени культуры народов, живших в землянках или пещерах» [28, с. 865]. «Троглодиты – дикие люди, не умеющие еще строить жилищ и находившие убежище

[1] Ф. А. Козен – русскоязычный писатель, равно как и все критикуемые Н. В. Днепровским «гонители» «великого ученого»; поэтому ссылки на франкоязычную литературу в данном случае не корректны.

в пещерах, пещерные люди» [29, с. 705]. «Троглодит, 1. Первобытный пещерный человек. 2. перен. Грубый, некультурный человек (бран.)» [30 и др.]. Таким образом, в русском языке термин «троглодит» имеет однозначную традицию обозначать дикого, пещерного человека, и соответственно, рассматриваемый тезис Н. В. Днепровского не выдерживает критики.

Далее автор сообщает следующее; «во-первых (Козен – *Авт.*), выдвигает и обосновывает гипотезу преемственности традиций скального зодчества и рассматривает ее в связи с миграционными процессами … в-третьих, фактически отождествляет легендарных "троглодитов" со вполне реальными, по его мнению, выходцами из Египта. **В свете современных научных представлений следует отметить, что он ошибся, пожалуй, только в хронологии. По сути же, малоазийское влияние в крымской скальной архитектуре сегодня никем не оспаривается. Правда, обычно при этом речь идет не о чисто египетском, а, скорее, о сиро-палестинском влиянии** (выделено нами – *Авт.*)». Выводя за рамки данной работы крайне сложную проблему малоазийского влияния, а если таковое есть, его степени на генезис скальной архитектуры Крыма [подр. см.: 10, с. 74–81], и не менее дискуссионный вопрос о присутствии выходцев из сиро-палестинского региона (отнюдь не египтян) на полуострове [см. напр.: 23, с. 349–353], заметим, что определение Малой Азии и Египта как одного историко-культурного и географического региона может быть прокомментировано только цитатой из знаменитой комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»: «Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчик-то на что ж? Это их дело. Это-таки и наука-то (география – *Авт.*) не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда – свезут, куда изволишь» (действие 4-е, явление 8-е).

Требует анализа еще один сюжет из работы Н. В. Днепровского: «именно генерал Козен – за полтора столетия до Ю. М. Могаричева – впервые попытался дать и типологию способов обработки скальной поверхности… (далее следует цитата из работы генерала – *Авт.*). Итак, автор "Выписки", во-первых, выделяет почти те же три основных типа обработки, что и Ю. М. Могаричев: широкие борозды, крупная насечка долотом и мелкая точечная обработка; во-вторых, ставит вопрос о том, какими орудиями эта обработка выполнялась, и выдвигает предположение о том, что данные орудия были медными, аргументированно отвергая гипотезу об изготовлении их из кремня. Это в корне противоречит утверждению Ю. М. Могаричева о связи воззрений генерала Козена с открытиями в пещерах стоянок каменного века и последовавшими за этим теориями создания «пещерных городов» доисторическими людьми» [21, с. 197–198].

Не вдаваясь в дискуссию о принципиальном и кардинальном различии между нашей типологией отработки скальной поверхности внутри пещерных сооружений (типы обработки – Т.-1; Т.-2; Т.-3) [10, с. 47, 51, 55, рис. 6] и описанием следов инструментов на стенах пещер в окрестных скалах, подмеченных различными авторами, причем далеко не одним Козеном, заметим, что указанные генералом

признаки «разных инструментов» следующие: 1) «выпуклыя полукружия, похожия на толстыя веревки или канаты»; 2) «другие уподобляются точке с запятою (semicolon) и тысячами выдавлены в стене» [15, с. 83]. Таким образом, внутри помещений Козен указывает только на два типа следов инструментов, кстати, два типа указаны и в приводимой Н. В. Днепровским цитате [с. 197]. А «круглые дыры» на скалах – явные следы выветриваний [15, с. 83]. Следовательно, утверждение о «почти тех же трех видах обработки» требует уточнения: что данный автор понимает под термином «почти»? Поэтому принять тезис Н. В. Днепровского о том, что наша типология каким-то образом заимствована у Козена, нет никаких оснований. Относительно второй части замечания Н. В. Днепровского (раз Козен указывает на изготовление пещер медными орудиями, то это противоречит нашей версии «о связи воззрений генерала Козена с открытиями в пещерах стоянок каменного века») отметим: если исследователь берется за написание научного труда, то, согласно элементарной методике ведения научных дискуссий, он должен излагать мысли своих оппонентов по принципу «что они писали», а не «что мне кажется (или хочется), чтоб они писали». Касаясь популярности троглодитской (доисторической) версии происхождения крымских пещер во второй половине XIX в., мы подчеркивали: Козен утверждал, что крымские пещеры были созданы доисторическим народом – троглодитами (надеюсь, что Н. В. Днепровский не сомневается в этом утверждении); вскоре в крымских пещерах были открыты стоянки каменного века (доисторических людей). Отсюда у ряда авторов XIX в. следовал простой вывод: раз первобытные (доисторические) люди жили в естественных пещерах, то они вполне могли создавать и искусственные пещеры. Выше мы попытались продемонстрировать, кого подразумевали под термином «троглодиты». Тем более, что эпоха меди и бронзы (напомним, по Козену, пещеры изготавливались медными орудиями) и в XIX в., да и сейчас по отношению к Крыму считается доисторической(дописьменной).

Оставляя за рамками настоящей работы иные умозаключения Н. В. Днепровского, в частности, что данные экспериментальной археологии по изготовлению каменных орудий подтверждают воззрения генерала или что идея Козена об использовании различных кислот для вырубания пещер не содержит ничего абсурдного, укажем: современник Ф. А. Козена – Фредерик Дюбуа де Монпере, в 1831–1834 гг. посетивший Крым, – фактически закрыл дискуссию о процессе и трудностях при сооружении крымских пещер и, казалось, навсегда «отправил в архив» козеновские фантазии об умении троглодитов смягчать скалу: «Осмотрев крипты, генерал Козен высказал замечания, совершенно совпадающие с моими**, за исключением одной весьма экстраординарной идеи: он приписывает троглодитам искусство размягчать камень перед обработкой. Опыт в достаточной степени доказал, в чем состоял весь секрет: скалы мелового мергеля или нуммулито- вого известняка внутри более мягкие, чем снаружи** (выделено нами – *Авт.*)» [31, с. 261].

Таким образом, мы приходим к выводу, что традиционная оценка научных воззрений генерала Ф. А. Козена, данная в публикациях Н. Л. Эрнста и последующих авторов, не подлежит пересмотру. Без сомнения, генерал был образованным человеком; описательная часть его публикации заслуживает достойного места в историографии «пещерных городов». Однако его исторические теории не соответствуют уровню современной ему исторической науки и вполне могут считаться беспомощными и абсурдными. Попытки же ряда современных исследователей пересмотреть устоявшееся взгляды побуждает призвать их перед тем, как браться за написание подобных трудов, овладеть материалом хотя бы на том уровне, на котором им владеют оппоненты, и прислушаться к совету Конфуция: не искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

P. S. Когда настоящая статья была сдана в печать, в серии «Библиография крымоведения» (Вып.26) вышел в свет сборник научных статей «Источниковедение и историография истории Крыма XV – XX вв.: проблемы и перспективы», в котором присутствуют новые публикации И. Ю. Лапиной (в соавторстве с С. Ю. Каргапольцевым) [32] и Н. В. Днепровского [33], посвященные козеновской «Выписке из письма о Троглодитах». Однако в данных статьях не содержится ни принципиально новых выводов, ни иной системы аргументации. Более того, они во многих частях практически дословно повторяют уже проанализированные нами работы.

Список использованных источников и литературы

1. Воронин Ю. С. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма / Ю. С. Воронин, В. Н. Даниленко // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1992. – С. 169–182.

Voronin Yu. S. Obstoyatel'stva i vremya vozniknoveniya peshchernykh monastyrey Kryma / Yu. S. Voronin, V. N. Danilenko // Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1992. – S. 169–182.

2. Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-коба : Архитектурный аспект / В.Н. Даниленко // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 78–108, 349–367.

DanilenkoV. N. Monastyr' Chil'ter-koba : Arkhitekturnyy aspekt / V. N. Danilenko // Istoriya I arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev – Simferopol' : Tavriya, 1993. – S. 78–108, 349–367.

3. Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму / В. Н. Даниленко // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 127–145, 352–353.

Danilenko V. N. Monastyrskoe khozyaystvo v Krymu / V. N. Danilenko // Problemy istorii i arkheologii Kryma / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1994. – S. 127–145, 352–353.

4. Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма / Ю. М. Могаричев // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 213–224.

Mogarichev Yu. M. K diskussii o skal'noy arkhitekture Kryma / Yu. M. Mogarichev // Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1993. – S. 213–224.

5. Могаричов Ю. М. «Церква з баптистерієм» городища Тепе-кермен : Проблеми датування та інтерпретації / Ю. М. Могаричов // Археологія. – Київ : Академперіодика, 2005. – № 3. – С. 78–90.

Mogarichov Yu. M. «Tserkva z baptisterієm» gorodishcha Tepe-kermen : Problemi datuvannya ta interpretatsiї / Yu. M. Mogarichov // Arkheologiya. – Kiiv : Akademperiodika, 2005. – №3. – S. 78–90.

6. Козен Ф. А. Выписка из письма о Троглодитах / Ф. А. Козен // Журнал путей сообщения. – 1828. – Кн. 12. – С. 13–48.

Kozen F. A. Vypiska iz pis'ma o Troglodi takh / F. A. Kozen // Zhurnal Putey Soobshcheniya. – 1828. – Kn. 12. – S. 13–48.

7. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1929. – Т. 3 (60). – С. 15–43.

Ernst N. L. Eski-Kermen I peshchernye goroda Kryma / N. L. Ernst // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii I etnografii. – Simferopol', 1929. – T. 3 (60). – S. 15–43.

8. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья / В. И. Равдоникас // Известия государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник / Отв. ред. В. И. Равдоникас. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 5–106.

Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i gotskaya problema v svyazi so stadial'nym razvitiem Severnogo Prichernomor'ya / V. I. Ravdonikas // Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. Gotskiysbornik / Otv. red. V. I. Ravdonikas. – L., 1932. – T. 12. – Vyp. 1–8. – S. 5–106.

9. Репников Н. И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. / Н. И. Репников // Известия государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник / Отв. ред. В. И. Равдоникас. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 107–152.

Repnikov N. I. Eski-kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–29 gg. / N. I. Repnikov // Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. Gotskiy sbornik / Otv. red. V. I. Ravdonikas. – L., 1932. – T. 12. – Vyp. 1–8. – S. 107–152.

10. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) / Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев.– Симферополь : Таврия, 1992. – С. 5–132.

Mogarichev Yu. M. Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch Yugo-Zapadnogo Kryma (voprosy klassifikatsii, khronologii, interpretatsii) / Yu. M. Mogarichev // Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1992. – S. 5–132.

11. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Сонат, 2005. – 192 с.

Mogarichev Yu. M. «Peshchernye goroda» v Krymu / Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Sonat, 2005. – 192 s.

12. Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кеппен. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1837. – 308 с.

Keppen P. I. Krymskiy sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh / P. I. Keppen. – SPb. : Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1837. – 308 s.

13. Марков Е. Л. Очерки Крыма / Е. Л. Марков. – Симферополь : Таврия, 1995. – 544с.

Markov E. L. Ocherki Kryma / E. L. Markov. – Simferopol' : Tavriya, 1995. – 544 s.

14. Караулов Г. А. Крымские пещерные города и крипты / Г. А. Караулов // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1872. – Т. VIII. – С. 39–108.

Karaulov G. A. Krymskie peshchernye goroda I kripty / G. A. Karaulov // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii I drevnostey. – Odessa, 1872. – T. VIII. – S. 39–108.

15. Лапина И. Ю. «Никто оных отыскивать не станет» : История расследования некорректных ссылок о Ф. А. Козене и крымских пещерах / И. Ю. Лапина // Университетский научный журнал. – СПб., 2013. – № 4. – С. 71–87.

Lapina I. Yu. «Nikto onykh otyskivat' ne stanet» : Istoriya rassledovaniya nekorrektnykh ssylok o F. A. Kozene i krymskikh peshcherakh / I. Yu. Lapina // Universitetskiy nauchnyy zhurnal. – SPb., 2013. – № 4. – S. 71–87.

16. Лапина Ирина Юрьевна // Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spbgasu.ru/Universitet/Vuzvlicah2/name%D0%9B/id147/. – Дата обращения : 20 мая 2016 г.

Lapina Irina Yur'evna // Ofitsial'nyy sayt Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta : [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.spbgasu.ru/Universitet/Vuzvlicah2/name%D0%9B/id147/. – Data obrashcheniya : 20 maya 2016 g.

17. Маркевич А. И. TAURICA. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь : Таврическая губернская типография, 1894. – Т. 20. – 395 с.

Markevich A. I. TAURICA. Opyt ukazatelya sochineniy, kasayushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche / A. I. Markevich // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – Simferopol' : Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, 1894. – T. 20. – 395 s.

18. Храпунов Н. И. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2015. – Вып. XX. – С. 395–429.

KhrapunovN. I. Krym v 1784 g. posvidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara / N. I. Khrapunov, N. V. Gin'kut // Materialy po arkheologii, istorii I etnografii Tavrii. – Simferopol', 2015. – Vyp. XX. – S. 395–429.

19. Мартин Броневский. Описание Крыма / Коммент. А. Г. Герцена // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. А – № 10. – С.156–200.

Martin Bronevskiy. Opisanie Kryma / Komment. A. G. Gertsena // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2005. A– № 10. – S.156–200.

20. Тунманн. Крымское ханство / Пер. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской, прим. Н. Л. Эрнста / Тунманн. – Симферополь : Таврия, 1991. – 94 с.

Tunmann. Krymskoe khanstvo / Per. N. L. Ernsta i S. L. Belyavskoy, prim. N. L. Ernsta / Tunmann. – Simferopol' : Tavriya, 1991. – 94 s.

21. Днепровский Н. В. Из истории изучения Эски-кермена : К вопросу о достоверности сведений, сообщенных генералом Ф. А. Козеном / Н. В. Днепровский // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь ; Тюмень ; Нижневартовск, 2015. – Вып. 7. – С. 188–208.

Dneprovskiy N. V. Iz istorii izucheniya Eski-kermena : K voprosu o dostovernosti svedeniy, soobshchennykh generalom F. A. Kozenom / N. V. Dneprovskiy // Materialy po arkheologii I istorii antichnogo I srednevekovogo Kryma. – Sevastopol' ; Tyumen' ; Nizhnevartovsk, 2015. – Vyp. 7. – S. 188–208.

22. Днепровский Н. В. К вопросу о локализации убежища св. Василия, епископа Херсонесского / Н. В. Днепровский // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Симферополь, 2008 – Вып. I. – С. 131–144.

Dneprovskiy N. V. K voprosu o lokalizatsii ubezhishcha sv. Vasiliya, episkopa Khersonesskogo / N. V. Dneprovskiy // Materialy po arkheologii I istorii antichnogo I srednevekovogo Kryma. – Simferopol', 2008 – Vyp. I. – S. 131–144.

23. Могаричев Ю. М. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян, С. Б. Сорочан, А. К. Шапошников // Нартекс. Byzantine Ukrainensis. – Харьков, 2012. – Т. 1. – 416 с.

Mogarichev Yu. M. Zhitiya episkopov Khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, T. E. Sargsyan, S. B. Sorochan, A. K. Shaposhnikov // Narteks. Byzantine Ukrainensis. – Khar'kov, 2012. – T. 1. – 416 s.

24. Днепровский Н. В. Неизвестная пещерная церковь Мангупа (по материалам художника Д. М. Струкова) / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология : Материалы IV междунар. науч. заочн. конференции. – Набережные Челны, 2013. – С. 215–224.

Dneprovskiy N. V. Neizvestnaya peshchernaya tserkov' Mangupa (po materialam khudozhnika D. M. Strukova) / N. V. Dneprovskiy // Speleologiya I spelestologiya : Materialy IV mezhdunar. nauch. zaochn. konferentsii. – Naberezhnye Chelny, 2013. – S. 215–224.

25. Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1996. –128 с.

Gertsen A. G. Peshchernye tserkvi Mangupa / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1996. –128 s.

26. Лапина И. Ю. «Всегда аттестовался и был достоин повышения чином и знаком отличия безпорочной службы…» (О первом директоре Училища гражданских инженеров) // Вестник гражданских инженеров. – СПб., 2012. № 6 (35). – С. 371–374.

LapinaI. Yu. «Vsegda attestovalsya I byl dostoin povysheniya chinom I znakom otlichiya bez porochnoy sluzhby…» (O pervom direktore Uchilishcha grazhdanskikh inzhenerov) // Vestnik grazhdanskikh inzhenerov. – SPb., 2012. – № 6(35). – S. 371–374.

27. Геродот. История : В девяти томах/ Пер. Г. А. Стратановского. – М. : Ладомир, Аст, 1999. – 740 с.

Gerodot. Istoriya : V devyati tomakh / Per. G. A. Stratanovskogo. – M. : Ladomir, Ast, 1999. – 740 s.

28. Энциклопедический словарь / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Изд-во Дело, 1901. – Т. XXXIII. – 964 с.

Entsiklopedicheskiy slovar' / izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb. : Izd-vo Delo, 1901. – T. XXXIII. – 964 s.

29. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и Ф. И. Петрова. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. – 856 с.

Slovar' inostrannykh slov / Pod red. I. V. Lekhina i F. I. Petrova. – M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1954. – 856 s.

30. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova ; Rossiyskaya akademiya nauk ; Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.

31. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие в Крым / Пер. Т. М. Фадеевой / Фредерик Дюбуа де Монпере. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.

Dyubua de Monpere Frederik. Puteshestvie v Krym / Per. T. M. Fadeevoy / Frederik Dyubua de Monpere. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2009. – 328 s.

32. Лапина И. Ю. Ф. А. Козен, крымские пещеры и проблемы источниковедения в исследовательской практике (прошлое и настоящее) / И. Ю. Лапина, С. Ю. Каргапольцев // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв. : Проблемы и перспективы. – Симферополь, 2016. – С. 143–157.

Lapina I. Yu. F. A. Kozen, krymskie peshchery i problemy istochnikovedeniya v issledovatel'skoj praktike (proshloe i nastoyashchee) / I. Yu. Lapina, S. Yu. Kargapol'cev // Istochnikovedenie i istoriografiya istorii Kryma XV–XX vv. : Problemy i perspektivy. – Simferopol', 2016. – S. 143–157.

33. Днепровский Н. В. К переоценке одного источника (генерал Ф. А. Козен и его «выписка из письма о троглодитах») / Н. В. Днепровский // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв. : Проблемы и перспективы. – Симферополь, 2016. – С. 78–106.

Dneprovskij N. V. K pereocenke odnogo istochnika (general F. A. Kozen i ego «vypiska iz pis'ma o trogloditah») / N. V. Dneprovskij // Istochnikovedenie i istoriografiya istorii Kryma XV–XX vv. : Problemy i perspektivy. – Simferopol', 2016. – S. 78–106.

Mogarychev Yu. M. Put in a word for fortuneless Kozen : on history of research of the cliff architecture of Mountain Crimea / Yu. M. Mogarychev //Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 149–164.

The modern authors take the attempt in their work to represent F. A. Kozen, the author of negative-viewed in historiography theory of creation Crimean «cave towns» by the «troglodytes» as «notable researcher». Analyzing of Kozen`s argumentation and arguments of the opponents, we urge on traditional valuation of Kozen`s views.

Keywords: Crimea, «Cave towns» Eski-Kermen, Troglodytes.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 1. 2016 г. С. 165–174.

УДК 94(477.75)(082)

О СЧИСЛЕНИИ ГОДОВОГО ЦИКЛА НА БОСПОРЕ

Молева Н. В., Молев Е. А.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

Счисление годового цикла в Боспорском царстве уточняется по новым археологическим находкам и интерпретации уже имевшихся источников. Авторы приходят к выводу, что доминирующим созвездием на широте Таврики был Арктос (Большая Медведица) с сопутствующим Орионом. Именно положение ковша Большой Медведицы на звездном небе отмечало четыре сезона года и новогодие в Таврике.

Ключевые слова: календарь, время года, парапегма, Большая Медведица, звездное небо.

Вопросы, связанные со счислением времени и календарными системами в античных государствах Северного Причерноморья, во многом остаются открытыми и сегодня. Это объясняется недостаточным количеством и качеством сведений в эпиграфических источниках. Чаще всего в различного рода надписях упоминаются годы и месяцы, но нет информации об их последовательности, начале года и структуре календарей. В единственном случае, когда такие сведения имеются (граффито Андокида из Ольвии), мы обладаем гораздо более подробными представлениями о календарной системе и возможностями ее полной реконструкции. Так, для Ольвии установлены все названия месяцев, их последовательность, новогодие вблизи весеннего равноденствия, связь календаря с культом Аполлона и полная идентичность с календарем Милета – метрополии Ольвии [1, с. 37–45; 2, с. 56–71; 3, с. 112–117]. Однако нерешенным остается вопрос об интеркалируемом месяце [4, с. 40–41].

Менее всего известен календарь Херсонеса. От него остались названия 5–6 месяцев из 12 и, предположительно, осеннее новогодие вблизи дня равноденствия [5, с. 368–370]. Тем не менее у нас имеются все основания полагать, что в Херсонесе, как и в других античных государствах Северного Причерноморья, был принят такой же тип календаря, как и в греческих центрах, – лунно-солнечный.

На Боспоре есть очень большое количество надписей (107 по С. А. Шестакову) с упоминанием месяцев, годов и даже дней внутри месяцев [6, с. 493–495]. Благодаря им мы имеем представления о названиях всех 12 боспорских месяцев и традициях счисления лет. Появление летоисчисления связано с развитием гражданской жизни общества [7, с. 502]. Мы не имеем понятия, как счислялись годы на Боспоре до образования державы Спартокидов. А. А. Завойкин, ссылаясь на традиции счисления лет в Милете и Ольвии жрецами храмов Аполлона Врача (правило заимствования календаря метрополии было для колонии общепринятым), полагает, что в ранний период существования боспорских городов там тоже могло быть что-то подобное, по

крайней мере в Пантикапее. При этом он опирается на мнение Ю. Г. Виноградова и А. С. Русяевой, считавших Аполлона покровителем календаря [1, с. 38].

Со второй половины IV в. до н. э. имела место «династическая хронология», определявшая годы правления Археанактидов и ранних Спартокидов. И только с I в. до н. э. вместе с македонским календарем была введена «понтийская эра» [7, с. 536–540]. Значительный вклад в уточнение и синхронизацию боспорских дат вносят также новые археологические открытия [8, с. 278–279].

Заметим, что все надписи, датируемые по понтийской эре (посвящения, проксении, манумиссии, строительные надписи и надписи фиаситов), относятся к I–IV вв. н. э. [9, с. 832, 846]. При этом следует отметить, что практические способы счисления лет в Боспорском государстве нам не известны. Находки календарных таблиц, высеченных на камне, имеются в Афинах, Милете и Риме. Они называются парапегмами (от слова «прикреплять») и были предназначены для приведения в соответствие солнечного года и лунных месяцев при помощи положения созвездий. Фрагменты милетской парапегмы, найденной при раскопках театра, представляют наибольший интерес, поскольку этот город был метрополией большинства боспорских городов. Любая парапегма, в том числе и милетская, наряду с текстом содержит довольно глубокие лунки, обозначавшие звезды и созвездия, их восход и заход. По мере надобности в эти лунки вставлялись штифты, показывающие положение звезд в определенный день. В милетской календарной таблице один из таких штифтов сохранился in situ [10, с. 23–28; 11, с. 110; 12, с. 183–185]. Традиция отмечать лунками расположение звезд, созвездий и дней очень древняя. Она не только прослеживается во всех трех античных парапегмах, но имеет место и в календарных схемах Древнего Египта, Стоунхенджа, на «календарных» сосудах Черняховской культуры [13, с.74–79].

В этой связи обращает на себя внимание неоднократно изданный лапидарный памятник, происходящий из окрестностей Пантикапея [14, № 409; 9, КБН № 150; 15, № 150]. Сохранилась его единственная фотография и эстампаж надписи из публикаций В. В. Латышева, воспроизведенные впоследствии в КБН-Альбоме (Рис. 1). Это часть известняковой плиты (вероятно – нижняя), состоящая из двух составляющихся фрагментов. Плита изначально имела подпрямоугольную форму с высоким бортиком по краям. По всей ее поверхности (61 х 26 см) вырезана неглубокая двухстрочная надпись крупными буквами, состоящими из двойных штрихов: АСТРА ТА ΔΗ ΠΡ(Ο)ΒΕΒΗΚΕ – «Продвинулись звезды». Это цитата из Илиады: «Продвинулись звезды. Более двух уж долей ночь совершила и только что третья осталась» (Il., X, 252). В. В. Латышев предположил, что это упражнение ученика резчика, основываясь на нечеткости надписи. Датирована она II в. н. э. [9, № 150]. Ни один из издателей не обратил внимания на 12 круглых и глубоких лунок, расположенных на поверхности плиты. Три из них изображены наискось по прямой линии и напоминают «пояс Ориона». Совершенно очевидно, что именно круглые лунки главенствуют на стеле, а надпись служит как бы фоном для них. И лунки, и текст вызывают достаточно четкие ассоциации с астрономическими изображениями на парапегмах. Возникает вопрос: не часть ли боспорской парапегмы перед нами? В таком ракурсе это был бы

первый и пока единственный случай находки фрагмента парапегмы в Северном Причерноморье. К сожалению, отсутствие большей части этого памятника не позволяет сделать более определенные выводы о практике счисления года на Боспоре в первые века н. э., но сам факт наличия астрономических наблюдений за звездным небом над Боспором очень интересен.

Рис. 1. Фрагмент парапегмы (?) из Пантикапея.

Особое значения для понимания определения годового цикла в этом государстве имеет находка, сделанная при раскопках склепа 211 на некрополе Илурата. Склеп представлял собой монументальное сооружение, вырубленное в скале, состоящее из погребальной камеры (2,8 х 2,4 м) и дромоса, облицованных изнутри плитами шлифованного известняка. В юго-западном углу его находилось прямоугольное углубление – тайник, также облицованное плитами и перекрытое тонким прямоугольным камнем. Совершенно очевидно, что такая гробница изначально (вторая половина I в. н. э.) строилась для похорон весьма социально значимого человека, может быть, жреца. К такой точке зрения авторов раскопок склонило заполнение тайника: отрубленные кисть человеческой руки и стопа, а также две бронзовые фибулы. Вероятно, находка, о которой речь пойдет ниже, тоже могла принадлежать этому человеку. Захоронения в склепе совершались в течение 100–120 лет. Всего обнаружено 35 костяков, которые перемешались при последующих погребениях. Кроме того, склеп был ограблен. По остаткам инвентаря он датирован второй половиной I–II в. н. э. [16, с. 178–181].

Теперь о самой интересной находке, которая, вполне вероятно, была связана с исчислением годового календарного цикла на Боспоре. Это изделие из желтовато-бежевой кости, выполненное из задней метаподии овцы (определение А. Каспарова), размером 7 х 1,2 х 1 см. Кость предварительно обезжирена и обточена в виде уз-

кого четырехгранника, немного расширяющегося к концам. Внутреннее отверстие сквозное, подпрямоугольной формы, подчищено соответственно граням. Вероятно, эта поделка носилась, будучи надетой на ремешок или шнурок, на груди или поясе. Поэтому изображения, нанесенные на ней, следует рассматривать в горизонтальной позиции. Поверхность кости потерта, особенно на краях, что свидетельствует о длительном ее использовании. Две грани (Б и Г) прорезаны длинными сквозными трещинами, почти не затрагивающими нанесенных знаков. Кроме того, на поверхности имеются мелкие трещины и выбоины, характерные для древних костяных изделий (Рис. 2, а, б, в, г).

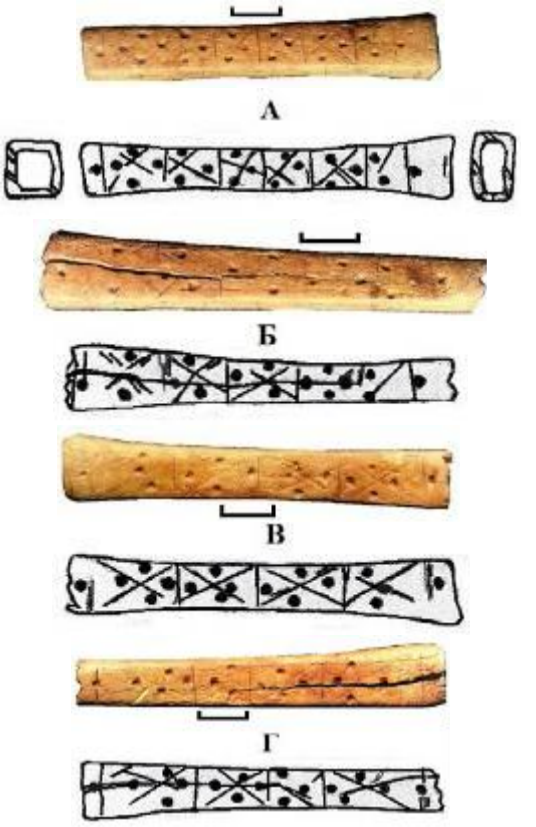


Рис.2. Костяная поделка-календарь из Илурата. Вид с четырех сторон.

Все четыре грани содержат гравированный рисунок, на первый взгляд похожий на геометрический орнамент. Четкими вертикальными линиями грани разделены на прямоугольные отсеки. На одной грани их 6 (сторона А), на другой – 5 (сторона Б), на следующих двух – по 4 (стороны В и Г). Справа и слева на каждой грани имеет-

ся небольшой «остаток». Поверхность каждого отсека, в свою очередь, разделена косым крестом (иногда прочерченным небрежно и условно) на четыре треугольных сектора. Внутри секторов (но не в каждом) расположены очень четкие заглубленные круглые лунки. Отсеки и лунки выполнены с большой четкостью и точностью, это свидетельствует о том, что они, скорее всего, играют главную роль в изображении – в отличие от косых крестов, нанесенных весьма небрежно. Последним, скорее всего, следует отвести вспомогательное значение (Рис. 2, а, б, в, г).

При ближайшем рассмотрении становится понятным, что изображения, покрывающие грани, не являются орнаментом. В них отсутствует главный признак последнего: регулярное чередование повторяющихся форм; прямоугольники не равны по размеру; треугольники в них – тем более. Что же касается лунок, то в их нанесении вообще не просматривается никакой орнаментальной системы: их может быть по 2, 3, 4 в отсеках или вообще не быть внутри треугольных секторов. Места же их нанесения самые различные, что создает впечатление асимметрии [16, с. 172–175].

Обстоятельства находки и внешний вид представленного изделия свидетельствуют о том, что оно носило совершенно самостоятельный функциональный характер. Оно не могло быть рукояткой, так как отверстие его сквозное, тщательно подточенное, а кость – хрупкая и тонкая. Внутри отсутствуют следы крепления в ней чего бы то ни было.

Сначала обратимся к количеству отсеков. На стороне А их 6. Вполне возможно, что эта поверхность была лицевой, так как выполнена и расчерчена более тщательно, чем все остальные. Невольно возникают ассоциации с 12-ричной системой счета, которая в Греции и в Риме применялась только в астрономических и хронологических счислениях. Система эта, как и календарь, в своей основе заимствована из Вавилона. В ней счислялись зодиакальные созвездия, количество месяцев в году и часов в световом дне. О том, что греки довольно рано умели определять лунный месяц, свидетельствуют еще микенские тексты со словом «мено», обозначавшим, вероятно, такой месяц.

У Гомера есть упоминание о праздновании «новой Луны» (Od., XX, 156). Опять же у Гомера и особенно у Гесиода четко прослеживаются понятия о солнечном годе и о сельхозработах, которые нужно выполнять в тот или иной сезон [17, с. 154–155]. Отсюда следует, что уже в ранние века греческой истории использовался лунно-солнечный календарь, который в период архаики стал официальным и гражданским. Кроме того, он имел ярко выраженное сакральное назначение: месяцы в нем назывались в честь богов и праздников, а времена жертвоприношений определялись по фазам Луны. В нем мы видим сочетание лунных месяцев по 29 и 30 суток и солнечного года (365 суток). Древнегреческий астроном I в. до н. э. Гемин писал в «Элементах астрономии», что «греки должны приносить жертвы своим богам по обычаям предков, а потому они должны в годах сохранять согласие с Солнцем, а в днях – с Луной» (Gem. E1em. Astr., 8). Для такого согласования в календарь время от времени вставлялся 13-й месяц. Сразу отметим, что в греческих государствах система интеркаляции была очень несовершенной, отсюда неточности их календарей. Будучи не

в состоянии следовать новолунию при начале каждого месяца, оно отмечалось по гражданскому календарю [10, с. 25–27; 12, с. 188].

Если снова обратиться к исследуемому памятнику, то при подсчете отсеков на четырех его гранях хорошо заметны не только 6 на стороне А, но и 13 (5+4+4) – на остальных трех сторонах. Такое их число позволяет предположить, что отсеками обозначены месяцы; на стороне А – в полугодовом календарном цикле (может быть, сельскохозяйственном, от весенней до осенней пахоты или наоборот), а на остальных трех сторонах – в годовом, с учетом интеркалируемого месяца, который вставлялся время от времени, чтобы удержать год и новогодие на месте. Судя по тому, что 13-й месяц нанесен наряду с остальными, им пользовались довольно часто. Это соответствует широко распространенной в Греции традиции вставлять такой месяц через год или два. Существовали и более точные системы помещения интеркалярного месяца (3 раза в 8 лет, 7 раз в 19 лет – цикл Метона), но наиболее распространенной была именно первая, она же – самая неточная. Объяснить количество отсеков (13) на представленном изделии как-то по-другому не получается.

Рассмотрим обозначения, нанесенные внутри отсеков, то есть внутри месяцев. Мы знаем, что издревле греки в бытовом счислении делили месяц на три декады – десятидневки. Об этом упоминает Гесиод (Hes. Th., 58). На костяном изделии из Илурата каждый отсек делится косым крестом на 4 части, из чего следует, что так, вероятно, обозначались фазы Луны и на отсеке обозначен лунный месяц. Как уже говорилось, определение лунных фаз в греческом календаре из-за его неточности было делом формальным, и население, по мнению Фукидида (Thuc. II, 28), уже в IV в. до н. э. различало реальное новолуние и гражданское, то есть первый день месяца. Праздники и жертвоприношения осуществлялись по гражданскому календарю, поэтому внутри месяца учитывать фазы Луны было необходимо, что мы и видим на нашей находке. Некоторая неаккуратность в нанесении косых крестообразных делений может быть объяснена реальной небрежностью в отношении к счислению фаз Луны.

Самыми четкими на всех поверхностях четырехгранника выглядят круглые сильно заглубленные лунки (Рис. 2). Они расположены внутри треугольных секторов по-разному: в середине, ближе к центру или к нижнему основанию. В правом и левом остатках соответственно – в центре вертикальной риски. Есть и пустые треугольники без лунок. Никакой симметрии в их размещении не прослеживается. Всего лунок 69 и распределены они следующим образом: сторона А с шестью отсеками – 20, сторона Б с пятью отсеками – 16, сторона В с четырьмя отсеками – 17, сторона Г с четырьмя отсеками – 17. Таким образом, наиболее густо покрытыми лунками выглядят стороны В и Г. Следует еще раз подчеркнуть, что на каждой стороне по 2 лунки (левая и правая) находятся за пределами отсеков, в отчеркнутых вертикально небольших остатках, не имеющих никаких делений. Эти «остатки», вероятно, играют какую-то переходную роль и, может быть, являются связующим звеном всех четырех поверхностей. Четкость и глубина лунок позволяют предположить, что именно они несли основную смысловую нагрузку. Если исходить из кажущегося нам приемлемым предположения, что на гранях схематически обозначены месяцы календаря и

периоды четырех лунных фаз в каждом из них, лункам могли бы соответствовать или время праздников и жертвоприношений, или положение созвездий на небесной сфере, соответствующих каждой лунной фазе.

В греческом звездном аграрном календаре, представленном у Гесиода [17, с. 385–455], основным созвездием, по которому определялись отрезки года и сельхозработы, были Плеяды. Наряду с ними упоминаются и другие звезды, в частности Арктос – Большая Медведица, движение которой связывалось с Сириусом (летом) и с Орионом (зимой). На широте Крыма именно эти созвездия наблюдаются на вечернем небе особенно четко. В частности, Большая Медведица (ее еще называли «ковш» или «колесница») – это не заходящее за горизонт созвездие. Еще Гомер отмечал, что оно «чуждается мыться в водах Океана» (Il., XVIII). Весна, лето, осень и зима характеризуются разными положениями «ковша» [18, с. 451]. Поэтому оно вполне могло использоваться при счислении календарных циклов и новогодий. Две-три тысячи лет назад звезды «ковша» располагались еще выше из-за прецессии земной оси [18, с. 443] и наблюдались более зримо. В этом отношении весьма примечательной является случайная находка, сделанная на территории античного Херсонеса Е. Я. Туровским. Это бронзовый перстень с ленточной дужкой, декорированный насечками и лунками (!). В центре его изображено созвездие Большой Медведицы в положении осени, когда «ковш», смотрящий вверх, расположен параллельно горизонту с рукоятью влево, на запад [19, с. 450–451]. Автор публикации этого памятника трактует изображение как кабалистические знаки, что кажется сомнительным [19, с. 143]. В такую концепцию совершенно не вписывается созвездие Большой Медведицы. Наиболее вероятной может быть гипотеза о календарном смысле изображений, которому соответствуют и лунки, и насечки, и само созвездие (Рис. 3). К сожалению, перстень не может быть датирован. Однако эта находка является свидетельством определенного значения созвездия Большой Медведицы для счисления начала года и его сезонов в античных центрах древней Таврики, в частности – в Херсонесе, а вполне вероятно, что и на Боспоре. Она косвенно подтверждает мысль В. И. Кадеева об осеннем новогодии в Херсонесе.

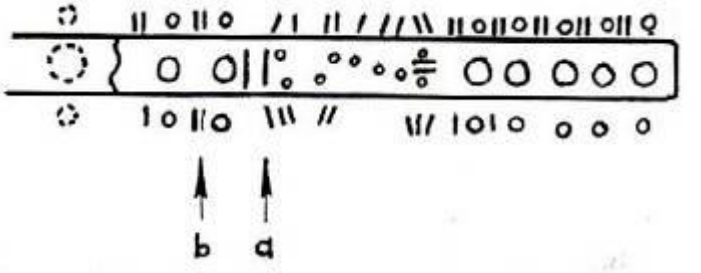


Рис.3. Надписи на перстне из Херсонеса.

Присутствие лунок на сравнительно мелких календарных изделиях, предназначенных для индивидуального пользования, роднит их с парапегмами. Конечно, эти

календарные схемы были значительно упрощены, но они давали представления о годе, месяце и положении звезд. В маленькие лунки могли вставляться глиняные или восковые шарики.

Публикуемое костяное изделие из Илурата не является единственным на Боспоре. В экспозиции Керченского заповедника представлена аналогичная кость с изображениями косых крестов и лунок, размещенных в 12-ти прямоугольных отсеках на двух противоположенных сторонах четырехгранника (Инв. № КО-460). Вероятно, это тоже была схема года без учета интеркалярного месяца. Кость поступила в музей вместе со случайными находками на горе Митридат в 1953 г. Видимо, она происходит из Пантикапея и, по аналогии с илуратской, может быть датирована I–II вв. н. э. (Рис. 4).

Рис. 4. Костяная поделка-календарь из Пантикапея.

Исходя из изложенного, мы склонны сделать следующие выводы. Уровень развития астрономических знаний и наблюдений на Боспоре в первых веках н. э. был довольно высок. Они применялись для счисления годового цикла по звездам, как в солнечных календарях, а также лунных месяцев, характерных для лунно-солнечного календаря. Для согласования этих основных единиц времени использовался дополнительный 13-й месяц, вставлявшийся в календарь каждый второй или третий год, как это было принято в македонском календаре. Не случайным является полное совпадение названий месяцев и их последовательность в боспорском и македонском календарях. Вполне возможно, что на Боспоре год начинался с месяца Δίος после осеннего равноденствия. Однако точно определить место размещения интеркалируемого месяца внутри года пока невозможно.

Такие археологические находки, как известняковая плита с «астрономической» надписью и лунками как в парапегмах [9, № 150; 15, № 150], а также костяные изделия из Илурата и Пантикапея с гравированными прямоугольными секторами, косыми крестами и лунками, исполненными в 12-ричной системе счета, характерной для астрономических счислений, свидетельствуют об этом.

Вполне вероятно, что доминирующим созвездием на широте Таврики был Арктос (Большая Медведица) с сопутствующим Орионом. Положение ковша Большой Медведицы на звездном небе отмечало четыре сезона года и новогодие. Косвенным свидетельством доминирующего положения этого созвездия является его изображение на перстне из Херсонеса.

Несмотря на некий скепсис в отношении интерпретации костяного изделия из Илурата как календарной схемы, в астрономическом издании Академии наук, в разделе «Небесные циклы и календари», наша точка зрения получила признание [20, с. 89–90].

В заключение заметим, что астрономические и математические счисления имели место и при изготовлении, и при использовании солнечных часов-скафисов. Скорее всего, они устанавливались при храмах. Таких мраморных часов, художественно оформленных в стиле зодиакальных созвездий (бык, лев), на Боспоре известно три: в Пантикапее – 2, в Китее – 1. Они стали применяться с эллинистического времени и получили распространение в первых веках н. э. Подробное рассмотрение этих приборов, включая обстоятельства их находок и реконструкцию астрономических и математических расчетов при их изготовлении, имеется в специальной статье С. А. Шестакова [21, с. 361–369].

Список использованных источников и литературы

1. Виноградов Ю. Г. Культ Аполлона и календарь в Ольвии / Ю. Г. Виноградов, А. С. Русяева // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – Киев, 1980. – С. 19–64.

Vinogradov Yu. G. Kul’t Apollona i kalendar’ v Ol’vii / Yu. G. Vinogradov, A. S. Rusyaeva // Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomor’ya. – Kiev, 1980. – S. 19–64.

2. Латышев В. В. О календарях Ольвии, Тиры и Херсонеса Таврического / В. В. Латышев // ПОNTIKA. – СПб. : Изд. Имп. археологической комиссии, 1909. – С. 56–71.

Latyshev V. V. O kalendaryakh Ol’vii, Tiry i Khersonesa Tavricheskogo / V. V. Latyshev // PONTIKA. – SPb. : Izd. Imp. arkheologicheskoy komissii, 1909. – S. 56–71.

3. Русяева А. С. Календарь в Ольвии Понтийской : история и методика исследования / А. С. Русяева // ВДИ. – 2003. – № 2. – С. 112–116.

Rusyaeva A. S. Kalendar’ v Ol’vii Pontiyskoy : istoriya i metodika issledovaniya / A. S. Rusyaeva // VDI. – 2003. – № 2. – S. 112–116.

4. Скржинская М. В. Хронологические исчисления на Боспоре и в Ольвии / М. В. Скржинская // БФ. – 2001. – Т. II. – С. 40–44.

Skrzhinskaya M. V. Khronologicheskie ischisleniya na Bospore i v Ol’vii / M. V. Skrzhinskaya // BF. – 2001. – T. II. – S. 40–44.

5. Кадеев В. И. О календаре Херсонеса Таврического / В. И. Кадеев // История и археология Причерноморья. – Харьков : Бизнес-Информ, 2000. – С. 363–371.

Kadeev V. I. O kalendare Khersonesa Tavricheskogo / V. I. Kadeev // Istoriya i arkheologiya Prichernomor’ya. – Khar’kov : Biznes-Inform, 2000. – S. 363–371.

6. Шестаков С. А. К проблеме боспорского календаря. Числа / С. А. Шестаков // БЧ XV. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 492–496.

Shestakov S. A. K probleme bosporskogo kalendarya. Chisla / S. A. Shestakov // BCh XV. Aktual’nye problemy khronologii. – Kerch’, 2014. – S. 492–496.

7. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов / А. А. Завойкин. – Симферополь ; Керчь : Тов. ВТС ПРИНТ, 2013. – 592 с.

Zavoykin A. A. Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov / A. A. Zavoykin. – Simferopol’ ; Kerch’ : Tov. VTS PRINT, 2013. – 592 s.

8. Масленников А. А. Боспорская хронология и боспорская государственность / А. А. Масленников // БЧ XV. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь. 2014. – С. 272–279.

Maslennikov A. A. Bosporskaya khronologiya i bosporskaya gosudarstvennost’ / A. A. Maslennikov // BCh XV. Aktual’nye problemy khronologii. – Kerch’. 2014. – S. 272–279.

9. Корпус боспорских надписей. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 952 с.

Korpus bosporskikh nadpisey. – M. ; L. : Nauka, 1965. – 952 s.

10. Бикерман Э. Хронология древнего мира / Э. Бикерман. – М. : Наука, 1975. – 336 с.

Bikerman E. Khronologiya drevnego mira / E. Bikerman. – M. : Nauka, 1975. – 336 s.

11. Селешников С. И. История календаря и хронология / С. И. Селешников. – М. : Наука, 1977. – 224 с.
Seleshnikov S. I. Istoriya kalendarya i khronologiya / S. I. Seleshnikov. – M. : Nauka, 1977. – 224 s.
12. Климишин И.А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – М. : Наука, 1990. – 480 с.
Klimishin I.A. Kalendar' i khronologiya / I. A. Klimishin. – M. : Nauka, 1990. – 480 s.
13. Рыбаков Б. А. Календарь IV в. н.э. из земли полян / Б. А.Рыбаков // СА. – 1962. – № 4. – С. 74–79.
Rybakov B. A. Kalendar' IV v. n.e. iz zemli polyan / B. A.Rybakov // SA. – 1962. – № 4. – S. 74–79.
14. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. – 1901. – Bd. 4. – 386 c.
15. Корпус боспорских надписей. Альбом. – СПб. : Bibliotheca Classica Petropolitana, 2004. – 432 с.
Korpus bosporskikh nadpisey. Al'bom. – SPb. : Bibliotheca Classica Petropolitana, 2004. – 432 s.
16. Молева Н. В. Костяная поделка из Илурата – боспорский календарь? / Н. В. Молева, И. А. Тульпе, В. А. Хршановский // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Т. I. – С. 171–183.
Moleva N. V. Kostyanaya podelka iz Ilurata – bosporskiy kalendar'? / N. V. Moleva, I. A. Tul'pe, V. A. Khrshanovskiy // BF. Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. – SPb., 2004. – T. I. – S. 171–183.
17. Гесиод. Труды и дни (пер. В. В. Вересаева) / Гесиод // Эллинские поэты. М. : Художественная литература, 1963. – С. 141–168.
Gesiod. Trudy i dni (per. V. V. Veresaeva) / Gesiod // Ellinskie poety. M. : Khudozhestvennaya literatura, 1963. – S. 141–168.
18. Крапп Э. К. Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах (пер. с англ. К. Савельева) / Э. К. Крапп. – М., 2000. – 654 с.
Krapp E. K. Legendy i predaniya o Solntse, Lune, zvezdakh i planetakh (per. s angl. K. Savel'eva) / E. K. Krapp. – M., 2000. – 654 s.
19. Баканов М. Ф. Перстень с кабалистическими знаками из Херсонеса / М. Ф. Баканов // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. – Севастополь ; Краков, 2001. – С. 139–143.
Bakanov M. F. Persten' s kabalisticheskimi znakami iz Khersonesa / M. F. Bakanov // Problemy religiy stran Chernomorsko-Sredizemnomorskogo regiona. – Sevastopol' ; Krakov, 2001. – S. 139–143.
20. Стафеев С. К. Пять тысячелетий оптики. Предистория / С. К. Стафеев, М. Г. Томилин – СПб. : Политехника, 2006. – 304 с.
Stafeev S. K. Pyat' tysyacheletiy optiki. Predistoriya / S. K. Stafeev, M. G. Tomilin – SPb. : Politekhnika, 2006. – 304 s.
21. Шестаков С. А. Солнечные часы из Керченского музея / С. А. Шестаков // БИ. – Симферополь ; Керчь, 2005. – Т. IX. – С. 360–373.
Shestakov S. A. Solnechnye chasy iz Kerchenskogo muzeya / S. A. Shestakov // BI. – Simferopol' ; Kerch', 2005. – T. IX. – S. 360–373.

Moleva N. V., Molev E. A. On the reckoning of the time of the annual cycle on the Bosporus / N. V. Moleva, E. A. Molev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 165–174.

Time calculation of the annual cycle in the Bosporan Kingdom be confirmed by new archaeological findings and interpretations to already existing sources. The authors come to the conclusion that the dominant constellation at the latitude of Taurica was ARKTOS (the Big dipper) with the accompanying Orion. It is the position of the Big dipper in the starry sky celebrated the four seasons of the year and it's new year in Tauris.

Keywords: calendar, time of year, parapegma, the Big dipper, starry sky.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АдСВ – Античная древность и средние века (Свердловск)

АН СССр – Академия наук СССР

Ао – Археологические открытия (Москва)

БИ – Боспорские исследования (Симферополь; Керчь)

Бф – Боспорский феномен (Санкт-Петербург)

БЧ – Боспорские чтения (Керчь)

ВВ – Византийский временник (Москва)

ВдИ – Вестник древней истории (Москва)

гКУ гАрК – Государственное казенное учреждение Государственный архив Республики Крым (Симферополь)

гмЗХТ – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

ЖмНП – Журнал Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург)

ЗооИд – Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)

ИАК – Известия Археологической Комиссии (Санкт-Петербург)

ИАК рАН – Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

ИВр рАН – Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

ИКого – Известия Крымского отделения Географического общества Союза ССР (Симферополь)

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)

КфУ имени В. И. Вернадского – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

мАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии (Симферополь)

мИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва; Ленинград)

НА гмЗ ХТ – Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)

НА ИАК рАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

оАК – Отчеты Императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург)

рАН – Российская академия наук (Москва)

ргНф – Российский гуманитарный научный фонд (Москва)

СА – Советская археология (Москва)

САИ – Свод археологических источников (Москва)

ССПК – Старожитності степового Причорномор'я і Криму (Запоріжжя)

ТА – Таврическая Академия КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

ТНУ – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

ТОКДП – Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора

ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)

ABV – Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956. – 851 p.

CVA Compiegne, Musee Vivenel, 3 – Corpus Vasorum Antiquorum France. Musee Vivenel / Flot M. Paris, 1924. – 44 p.

CVA Myseo Nazionale di Napoli, V – Corpus Vasorum Antiquorum Italia, LXIX, Myseo Nazionale di Napoli,V. 1995. – 53 p.

IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Grecae et Latinae

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеенко Николай Александрович	кандидат исторических наук, доктор медиевистики, заведующий филиалом «Крепость Чембало» Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).
Вдовиченко Ирина Ивановна	кандидат исторических наук, директор Музея истории города Симферополя (Симферополь, Российская Федерация).
Гаврилов Александр Викторович	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Российская Федерация).
Герцен Александр Германович	кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Даниленко Виталий Николаевич†	кандидат исторических наук.
Кашовская Наталья Васильевна	кандидат исторических наук, заведующая отделом «Религии Востока» Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Колотухин
Виталий Александрович†

кандидат исторических наук**.**

Колтухов
Сергей
Георгиевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Российская Федерация).

Майко
Вадим Владиславович

доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Российская Федерация).

Могаричев
Юрий
Миронович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Российская Федерация).

Молев
Евгений Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегордского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация).

Молева
Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегордского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация).

Нессель
Виктория Александровна

заведующая сектором научных изысканий отдела исследования и охраны объектов культурного наследия Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).

Петров
Игорь Борисович

доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой информатики и вычислительной математики Московского физико-технического института (Москва, Российская Федерация).

Прохорова
Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-фондового отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Прохорова Т. А.
«Херсонесская эра» Виталия Николаевича Даниленко (по архивным материалам научного архива Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический») 4

Список научных и научно-популярных работ кандидата исторических наук, доцента Даниленко Виталия Николаевича 20

Герцен А. Г.
Вспоминая Виталия Николаевича Даниленко («Страна “пещерных городов”»: незавершенный проект ЮНЕСКО) 26

Даниленко В. Н.
Археологические исследования Сюйреньского укрепления в Горном Крыму (раскоп II) 39

Даниленко В. Н., Петров И. Б.
Интерполяционный подход к классификации амфор на основе исследования форм их внешних образующих 49

Алексеенко Н. А., Нессель В. А.
Позднеримские и ранневизантийские пломбы из Херсона и его окрестностей 59

Вдовиченко И. И.
Панафинейские амфоры из Херсонеса: новые находки и открытия 70

Гаврилов А. В.
Античное селище Красновка I в юго-восточном Присивашье 82

Кашовская Н. В.
Эстампажи средневековых еврейских надгробных текстов некрополя Мангуп (Крым) А. Я. Гидалевича из фондов ИВР РАН 99

Колотухин В. А., Колтухов С. Г.
Несколько погребений I тыс. до н. э. из восточной части Горного Крыма 117

Майко В. В.
Археологические материалы второй половины
X–XII вв. в Юго-Западном Крыму 134

Могаричев Ю. М.
О бедном Козене замолвите слово: к истории изучения
скальной архитектуры Горного Крыма 149

Молева Н. В., Молев Е. А.
О счислении годового цикла на Боспоре 165

Сведения об авторах 177